

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

ОКТАБРЬ. — КНИЖКА ВТОРАЯ,

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь по принесеніи присяги дворянствомъ Харьковской губерніи предъ началомъ очередныхъ выборовъ, 15 октября. Преосвященнаго Амвросія . . . 497—505

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера 506—537

Наши новые „философы и богословы“. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. М. Остроумова. 538—553

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Безсмертіе души (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи В. Кудрявцева 349—372

Лактанцій и его философскія сужденія (окончаніе). Свщ. Т. Буткевича 373—401

Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). Н. К. 402—408

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Извлеченіе изъ журнала Учебнаго Комитета при Святейшемъ Синодѣ за № 433 и опредѣленія Св. Синода отъ 14 февраля—4 марта 1885 года за № 280.—Вѣдомость о кружечномъ сборѣ въ пользу слѣпыхъ, поступившемъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ 1885 года въ кружечку по 5-му округу благочинія Старобѣльскаго уѣзда.—Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи.—Отъ совета Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НЕМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жпзни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области фило-софій вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи фило-софій, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе про-странные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительны-ми примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли язы-ческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское уче-ніе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло пред-метъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епар-хіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію заимать для харьковскаго духо-венства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго при-ложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ на-званіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатают-ся постановленія и распоряженія правительственной власти цер-ковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харь-ковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жпзни епархіи, перечень те-кущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожацъ въ сель-скомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчпой лавкѣ при Покровскомъ Мона-стырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ ма-газинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экзем-пляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίσται νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Ноября 1 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РѢЧЬ

Пресвященнаго Амвросія Епископа Харьковскаго

привесеніи присяги дворянствомъ Харьковской губерніи
предъ началомъ очередныхъ выборовъ, 15 Октября.

Благородные дворяне!

Присутствіе ваше при торжественномъ богослуженіи и данная вами присяга указываютъ на важность предстоящаго вамъ дѣла выборовъ достойныхъ общественныхъ дѣятелей. Что-бы ни говорили поборники ученія о независимомъ отъ нашей воли, безостановочномъ прогрессѣ человѣчества, но опытъ свидѣтельствуется, что дѣла дѣлаются людьми, что дѣло растетъ въ рукахъ способныхъ и разваливается въ рукахъ неумѣлыхъ. Это одинаково вѣрно какъ относительно частной, такъ и общественной дѣятельности. Въ предводительствѣ государственныхъ людей мудрыхъ и добродѣтельныхъ народы идутъ въ гору, къ преуспѣянію и совершенству; при управленіи людьми неспособными и безнравственными не только идутъ подъ гору, но и летятъ стремглавъ въ пропасти междоусобій, нищеты, порабощенія и исчезновенія съ лица земли. Такъ говоритъ исторія, свидѣтельство которой убѣдительноѣ всякихъ умозрѣній.

Поэтому наша Церковь всегда напоминала дворянству о безпристрастїи при выборахъ, объ избранїи людей мудрыхъ, честныхъ, благожелательныхъ, трудолюбивыхъ. Но мнѣ кажется, до нашего времени не было особенныхъ поводовъ напоминать объ одномъ чрезвычайно важномъ условїи благоуспѣшной общественной дѣятельности, — а слѣдовательно и о выборѣ людей способныхъ къ дѣятельности, опредѣляемой этимъ условїемъ, — именно о единомысліи и единомысліи. Между тѣмъ св. Апостоль Павелъ говоритъ: „я, узникъ въ Господѣ, умоляю васъ поступать достойно званїя, въ которое вы призваны, — стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Ефес. 4, 1—3). Указанїемъ на свои страданїя за Христа, — „молю васъ я, узникъ въ Господѣ“, онъ даетъ намъ понять величайшую важность единомыслія, единомыслія и мира въ дѣятельности не только общественной, въ смыслѣ народной, но и всемирной, въ смыслѣ христіанской.

Вы скажете: „это разумѣется само собою“; такъ, — но не все то дѣлается, что разумѣется. Опытъ свидѣтельствуетъ, что нынѣ разномысліе совершенно губить насъ. Посмотрите на дѣла управленїя, воспитанїя, промышленности, попеченїя о народной нравственности и благосостоянїи! Какой вопросъ мы рѣшили скоро, единомыслно и единогласно? Какую мѣру, требующую немедленнаго осуществленїя, мы быстро привели въ исполненїе? О чемъ единогласно, безъ розни, какъ ударами въ одинъ колоколъ, возвѣстила намъ печать — эта руководительница народныхъ умовъ и воззрѣній? Какая коммисїя, какое засѣданїе не раздѣлились на мнѣнїя по числу участвовавшихъ членовъ? Какое большое собранїе по дѣламъ общественнымъ окончилось безъ шума? А сколько важныхъ дѣлъ отъ разномыслія тянутся многіе годы! Сколько народныхъ бѣдствїй и преступленїй,

не предупреждаемыхъ во-время законными мѣрами, множится на нашихъ глазахъ не по днямъ, а по часамъ отъ этого несогласія въ воззрѣнiяхъ правителей! Сколько разбито, разстроено молодыхъ умовъ и разрушено молодыхъ силъ и характеровъ отъ этой любопытельности и страсти къ возраженiямъ и пререканiямъ! Картина печальная.

„Всякое царство, раздѣлившись само въ себѣ, опустѣетъ“, говоритъ Господь (Мѡ. 12, 25) и слово Его не мимо идетъ (Мѡ. 24, 35). Какъ ни утѣшайте себя успѣхами просвѣщенiя, развитiемъ гражданственности въ различныхъ ея видахъ, — разложенiе умовъ и происходящее отсюда разномыслие сдѣлаютъ свое дѣло разрушенiя. Отъ разности во взглядахъ люди смотрятъ въ разныя стороны, разнo понимаютъ свои и общественныя интересы, къ разнымъ предметамъ направляютъ свое сочувствiе, дробятъ и раздѣляютъ свои силы и своими собственными руками раздираютъ страну свою. Надобно только удивляться, какъ мы доселѣ не понимаемъ, какими великими бѣдствiями это разномыслие угрожаетъ нашему отечеству.

Истина одна. Объ одномъ и томъ-же предметѣ не можетъ быть двухъ совершенно различныхъ и противорѣчивыхъ мнѣнiй, какъ самый предметъ въ одно и то-же время не можетъ быть и не быть самимъ собою. Если люди расходятся въ мысляхъ и спорятъ между собою, это значитъ, что одна сторона, или обѣ не видятъ предмета въ настоящемъ его свѣтѣ, не видятъ истины. Говорятъ, что пренiя ведутъ къ раскрытiю и познанию истины. Правда, но при извѣстныхъ условiяхъ; а этихъ именно условiй у насъ и недостаетъ. Будемъ откровенны и не пощадимъ себя во имя истины и для блага нашего отечества; раскроемъ эти недостатки наши какъ должно.

Во-первыхъ, *мы мало учимся*. Не возлагайте всѣхъ своихъ надеждъ на многочисленность и разнообразіе нашихъ учебныхъ заведеній. Каковы бы они ни были, они не дадутъ нашему народу людей истинно мудрыхъ, если ихъ воспитанники не продолжаютъ учиться во всю свою послѣдующую жизнь. Одинъ изъ знаменитыхъ нашихъ наставниковъ прежняго времени сказалъ: „не школа дѣлаетъ ученыхъ, а кабинетъ“. А посмотрите въ кабинеты большинства нашихъ образованныхъ людей, — чѣмъ они наполнены? Газетами для собиранія текущихъ новостей и книгами для легкаго чтенія. Мы скажутъ: не всѣмъ-же быть профессорами. Правда. Но въ томъ-то и велика наша ошибка, что ученые, серьезныя книги мы предоставляемъ однимъ профессорамъ и школьникамъ, а сами для обсужденія вопросовъ величайшей важности выступаемъ только съ тѣми свѣдѣніями, которыя подложатъ намъ на данный случай журналы и газеты, не имѣя возможности судить о дѣлѣ самостоятельно и освободиться отъ этой умственной опеки, въ которой закрѣпили насъ писатели настоящаго дня самыхъ противорѣчивыхъ воззрѣній. Отъ того-то, по прекрасному нашему народному выраженію, мы и живемъ *чужимъ умомъ*. Между тѣмъ посмотрите, что отъ этой скудости въ основательныхъ познаніяхъ у насъ происходитъ. Прежде всего *крайняя самоувѣренность*. Кто у насъ не считаетъ себя въ правѣ судить и говорить, и спорить о всевозможныхъ вопросахъ, тогда какъ люди многознающіе, видя ясно предѣлы своего знанія, любятъ молчать и слушать и уступать другимъ, съ яснымъ сознаніемъ ихъ преимуществъ? Скажемъ больше: мы не имѣемъ общаго взгляда на совокупность человѣческаго знанія, мы не можемъ указать каждой наукѣ въ ряду знаній ея собственное мѣсто, мы переищиваемъ предметы знанія и

перемѣщаемъ ихъ изъ одной области въ другую вопреки ихъ природѣ; мы рѣдко сознаемъ, какой тѣсный кругозоръ имѣетъ избранная нами специальность и, обладая только ею, по праву образованныхъ людей вторгаемся въ области высшаго знанія совсѣмъ для насъ недоступныя. И какъ часто съ разрозненными отрывками свѣдѣній, вырванныхъ изъ разныхъ областей человѣческаго знанія, мы беремся за рѣшеніе судебъ нашего народа и отечества.

Во-вторыхъ, *мы мало думаемъ*. При нашемъ воспитаніи, много намъ преподавали разныхъ наукъ, многими свѣдѣніями наполняли нашу память, но не было заботы о тщательномъ развитіи нашихъ умовъ и приученіи насъ къ строгому самостоятельному мышленію. У насъ и доселѣ руководящія въ этомъ отношеніи науки и упражненія, коихъ польза и благотворность вѣками признаны, находятся въ пренебреженіи. Что же отсюда происходитъ? Въ нашихъ разсужденіяхъ и преніяхъ господствуютъ неточность опредѣленій, смѣшеніе понятій, уклоненіе отъ вопросовъ, непоследовательность въ выводахъ, неправильныя умозаключенія (софизмы), стремленіе разомъ выгрузить все свои познанія, безъ соображенія идутъ, или нейдутъ они къ дѣлу; а что всего хуже,—это привычка уклоняться отъ тщательнаго и труднаго разсужденія и поражать противника заученною фразою или бродячею чужою сентенціею. Все это какъ въ нашей современной печати, такъ и въ устныхъ разсужденіяхъ затягиваетъ пренія, затемняетъ вопросы, соглашеніе дѣлаетъ невозможнымъ, а если ко всему этому примѣшивается самолюбіе, пристрастіе и раздраженіе, то пренія и собранія теряютъ свое уметвенное и нравственное достоинство. Здѣсь, по выраженію великаго учителя нашей Церкви—Филарета, митрополита Московскаго,

„порицаніе сражается съ порицаніемъ безъ надежды соглашенія“. И далеко улетаютъ отсюда и истина, и справедливость, и благо отечества!

Далѣе,—есть еще нѣчто болѣе вредное и опасное въ складѣ нашихъ умовъ и убѣжденій. Ложно поставленное просвѣщеніе *совершенно развѣдило насъ* въ самыхъ основныхъ нашихъ возрѣніяхъ по главнѣйшимъ вопросамъ жизни человѣческой. Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ въ каждое десятилѣтіе выходили на поприще нашей общественной дѣятельности люди съ самыми противоположными убѣжденіями. Не подготовленные надлежащимъ образомъ молодые ученые постоянно привозили намъ изъ-за границы, какъ нынѣ говорятъ, последнее слово науки. И этихъ послѣднихъ словъ накопилось такъ много, что наши общественные дѣятели изъ одного и того же народа, при своихъ разсужденіяхъ, перестали узнавать другъ друга. По ихъ рѣчамъ можно узнать, какой философской системы они представители и какого времени воспитанники. Вы встрѣтите (употребляемъ поневолѣ не церковныя выраженія) и рационалистовъ, и эмпиристовъ, и реалистовъ, и позитивистовъ, и деистовъ, и атеистовъ со всевозможными подраздѣленіями и оттѣнками. Если присоедините сюда людей, которые, не усвоивши никакой опредѣленной системы, набравши отовсюду всего по частямъ и по слуху, примѣняютъ свои отрывочныя познанія къ дѣлу и не къ дѣлу,—вы поймете тотъ хаосъ, который господствуетъ въ нашемъ умственномъ мірѣ. Могутъ-ли придти къ единогласному рѣшенію, на примѣръ, вопросовъ религіозныхъ люди, изъ которыхъ одинъ ни во что не вѣруетъ, другой говоритъ, что для него всѣ вѣры равны, третій—что вѣра, какъ переходная ступень развитія, нужна только для невѣжественныхъ массъ, иной—признаетъ пользу церковныхъ богослуженій и обря-

довъ, а другой почитаетъ ихъ напрасною тратою времени и утверждаетъ, что съ дѣтства нужно внушать людямъ любовь къ наукѣ предпочтительно предъ религіею? Можно-ли ожидать вѣрныхъ рѣшеній вопросовъ относительно, какъ нынѣ говорятъ, возвышенія *уровня народной нравственности* отъ мыслителей, изъ которыхъ одинъ почитаетъ средствомъ къ этому вліяніе Церкви, а другой—театры и общественныя удовольствія; одинъ рассчитываетъ на духовенство, а другой находитъ нужнымъ ограничить его вліяніе на народъ; одинъ требуетъ нравственнаго наблюденія надъ народомъ, другой проповѣдуетъ свободу совѣсти, подразумевая подъ этимъ великимъ словомъ совершенную безотвѣтственность; одинъ нарушенія закона называетъ преступленіями, а другой—естественными послѣдствіями вліянія среды и организма тѣлеснаго, не заслуживающими ни осужденія, ни порицанія? Можно-ли ожидать соглашенія и по общественному благоустройству, когда у насъ существуютъ самыя противорѣчивыя мнѣнія и о власти, и о государственныхъ законахъ, и о вѣнненіи наблюденія за поведеніемъ гражданъ, и о приличіи, и о чести и проч.? Вотъ здѣсь собственно и можно видѣть, когда пренія приводятъ и когда не приводятъ къ соглашенію. Когда люди согласны въ общихъ воззрѣніяхъ, въ коренныхъ основаніяхъ для рѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, но встрѣчаютъ недоразумѣніе, какъ согласить частный случай съ общимъ началомъ, тогда соглашеніе возможно; но когда идетъ споръ о самыхъ глубочайшихъ основаніяхъ вѣры, нравственности и общественнаго благоустройства, тогда не на чемъ ни утвердиться, ни согласиться; тогда слушая людей даже почтенныхъ по лѣтамъ и по вліянію на нашу общественную и народную жизнь, но совершенно расходящихся въ воззрѣніяхъ на основныя начала вѣры, зна-

нія и жизни, — впадаешь въ отчаяніе, и не видя надежды на ихъ соглашеніе и переубѣжденіе, невольно вспоминаешь вопросъ Никодима, князя жидовскаго: *какo можетъ человекъ родитися старъ сый?* (Іоан. 3, 4).

Наконецъ, главное наше заблужденіе и несчастіе состоитъ въ томъ, что мы, называясь народомъ христіанскимъ, или совѣмъ отрицаемъ, или смутно сознаемъ вліяніе христіанства на жизнь общественную и государственную и на судьбы народовъ. Мы не вѣримъ, что христіанское ученіе проникаетъ во все отрасли и развѣтвленія человѣческой жизни, что въ немъ, по Писанію, обѣтованія не только будущаго блаженства, но и земнаго благополучія (1 Тим. 4, 8). Признавъ съ чужаго голоса вѣру дѣломъ одного сердца и оставивъ ее каждому для его личнаго употребленія, такъ сказать, для домашняго обихода, мы не заботимся и сами приобрести и дать дѣтямъ нашимъ полное и цѣльное христіанское міросозерпаніе, обнимающее и научныя воззрѣнія, и все виды и степени человѣческаго развитія, и законы государственные, и конятія юридическія, и народныя нравы и обычаи. Отъ того мы и вышли на языческую почву исканія истины и снова дѣлаемъ опыты устройства царствъ и народовъ по соображеніямъ человѣческаго разума, давно въ теченіе вѣковъ доказавшаго свою слабость и недалъновидность въ этомъ отношеніи. Поставивъ для очистки совѣсти законъ Божій въ программахъ воспитанія, мы держимъ его въ сторонѣ, какъ отдѣльную ни съ чѣмъ не связанную науку, и предположивъ, что вся сумма христіанскихъ познаній заключается въ учебникахъ, мы по окончаніи воспитанія не заглядываемъ ни въ Библію, ни въ творенія великихъ учителей Церкви, ни въ исторію Церкви и христіанскаго подвижничества, гдѣ раскрываются и высочайшія истины, и законы, и пути истиннаго

человѣческаго совершенствованія. Отъ того какъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ науки врозь глядятъ, такъ и въ нашихъ сужденіяхъ и преніяхъ по вопросамъ жизни являютя непримиримыя и безвыходныя противорѣчія. Мы въ своемъ самообольщеніи этого явленія не почитаемъ за великое бѣдствіе, но скоро опытъ докажетъ намъ это, если уже не доказываетъ.

Было время, когда наша Русь справедливо называлась святою, сознавая себя подъ руководствомъ Божиимъ; было время, когда народъ русскій мыслилъ и дѣйствовалъ какъ одинъ человѣкъ. Ему недоставало внѣшняго образованія и гражданскаго благоустройства; все это было нужно, все это желательно было пріобрѣсть, но зачѣмъ мы позволили сдвинуть себя въ области знанія съ основаній вѣры, и въ дѣлѣ жизни съ основаній христіанской нравственности, уставовъ Церкви и историческихъ преданій?..

Русское дворянство всегда честно служило отечеству. Оно спасало его отъ гибели въ години внѣшнихъ народныхъ бѣдствій, а теперь ему предлежитъ подвигъ спасать народъ отъ бѣдствій внутреннихъ, отъ умственнаго и нравственнаго растлѣнія. Два великія дѣла въ этомъ родѣ у васъ теперь на очереди. Вамъ поручено Высочайшею волею наблюдать за дѣломъ народнаго начальнаго обученія и народнаго отрезвленія. Да поможетъ вамъ Господь достойно совершить это призваніе: „старайтесь, по заповѣди Апостола, сохранять единеніе духа въ союзѣ мира“.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І

и

идея священнаго союза.

(Продолженіе *).

Печальное, непривѣтливое зрѣлище представилось передъ глазами великой арміи и его вождя, когда они достигли, наконецъ, Смоленска. Сколько разъ и какъ настоятельно предписывалъ императоръ возстановить, по возможности, разрушенный и сожженный городъ, собрать здѣсь громадныя магазины, приготовить удобныя помѣщенія для войскъ, — и что-же? Ни одно изъ его приказаній не было исполнено въ точности! Обычная беззаботливость, отсутствіе порядка, слѣпая вѣра въ звѣзду непобѣдимаго императора, — все соединилось вмѣстѣ, чтобы помѣшать исполненію его повелѣній. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы великая армія возвратилась изъ Москвы такъ скоро, и притомъ въ такомъ плачевномъ состояніи. Никто не ожидалъ ее, никто не заботился объ ея приѣмѣ. Начальники и подчиненные думали только о самихъ себѣ, хлопотали о своихъ собственныхъ удобствахъ. Городъ оставался въ такомъ же безобразномъ и разрушенномъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Наполеонъ. Укрѣпленія не были возстановлены, стѣны и башни лежали въ развалинахъ, улицы были завалены грудями мусора, трупами лошадей и нечистотами; большинство домовъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 18.

остались необитаемыми. Только офицеры и чиновники гарнизона отдѣляли для себя за-ново нѣсколько помѣщеній, обзавелись домашнимъ хозяйствомъ и кое-какими удобствами. Тщетно приглашали французскія власти разбѣжавшихся жителей возвратиться въ свои дома и предаться своимъ обычнымъ занятіямъ. Смольняне столь-же мало вѣрили обѣщаніямъ непріятеля, сулившаго имъ чуть не золотыя горы, какъ и москвичи. Только немногіе евреи рискнули изъ-за наживы возвратиться въ городъ. О восстановленіи торговли, о подвозѣ припасовъ изъ окрестностей не могло быть и рѣчи. Опасно было даже выйти изъ города. Шайки вооруженныхъ крестьянъ бродили по сосѣднимъ лѣсамъ; почти каждый день приходилось высылать противъ нихъ вооруженныя команды. Въ самомъ городѣ царствовалъ невообразимый хаосъ. Великая армія, выступая изъ Смоленска къ Москвѣ, оставила за собою громадную толпу отсталыхъ и мародеровъ. Эти люди распространяли въ Смоленскѣ, какъ и вездѣ, ужасъ и опустошеніе. Странная нужда господствовала въ городѣ; люди умирали въ буквальномъ смыслѣ слова отъ голода. Мало-по-малу начали прибывать изъ Польши и Пруссіи транспорты съ хлѣбомъ и стада быковъ; но значительная часть этого провіанта уходила на содержаніе войскъ, проходившихъ, то и дѣло, черезъ Смоленскъ. Мѣстныя власти потеряли голову. Они не заботились о самомъ необходимомъ, не принимали мѣръ для погребенія труповъ, которыми завалены были всѣ дома, сады и огороды въ Смоленскѣ. Ядовитыя міазмы наполняли городъ, онѣ породили страшныя эпидеміи, опустошавшія и гарнизонъ и проходящія войска. Быки, пригнанные въ Смоленскъ, исхудали и изнурились и не въ состояніи были идти далѣе. Пришлось убивать ихъ прежде времени и безъ всякой надобности. Многіе изъ нихъ пали и ихъ гніеніе еще болѣе заражало воздухъ. Сборъ припасовъ шель очень медленно. Несчастныя случайности, нераспорядительность властей портили дѣло. Транспорты съ припасами, то и дѣло, попадали въ руки крестьянамъ, казакамъ и мародерамъ. Около Краснаго казаки захватили въ срединѣ октября 800 быковъ. Въ Смоленскѣ устроены были пекарни; въ нихъ готовили ежедневно хлѣбъ и сухари, но въ

количествѣ, далеко несоотвѣтствовавшемъ предстоящей надобности. О заготовленіи удобныхъ квартиръ для войскъ не было и рѣчи. Въмѣсто того, чтобы возстановлять дома, продолжали разрушать ихъ *).

Наполеонъ былъ потрясенъ до глубины души картинами, встрѣтившими его въ Смоленскѣ. Онъ вдругъ убѣдился, что среди этого хаоса зла, беспорядка и дикаго эгоизма, его геній также безсиленъ, какъ и среди волнъ пламени, охватившаго его въ Московскомъ кремлѣ. Сумрачный, безмолвный проѣхалъ онъ въ городъ, избѣгая встрѣчъ и разговоровъ **). Онъ остановился въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ на Новой площади и въ теченіи четырехъ дней до самаго выѣзда своего изъ города не выходилъ на улицу. Тяжелое раздумье чередовалось у него въ эти дни съ дикими вспышками гнѣва. Онъ едва не приговорилъ начальника интендантской части въ Смоленскѣ къ смерти; въ теченіи цѣлаго часа ползалъ передъ нимъ на колѣняхъ этотъ несчастный, умоляя о пощадѣ ***). Обдумывая свое положеніе, Наполеонъ тотчасъ-же убѣдился, что онъ не можетъ оставаться въ Смоленскѣ ни одного лишняго дня, не

*) О положеніи Смоленска см. между прочимъ: *Aus dem Leben des Generals von Brandt*. Т. I, стр. 459—60. Офицеры называли Смоленскъ чумною ямою. Другія свѣдѣнія о Смоленскѣ см. *Puisbusque Lettres sur la guerre de Russie*.

***) „Вчера Наполеонъ съ гвардіею прибылъ въ Смоленскъ, пишетъ очевидецъ. Отъ Московской заставы до середины города, гдѣ отведенъ былъ ему домъ, онъ шелъ пѣшкомъ. Возвышеніе къ городу покрыто ледяною корою, такъ что экипажамъ трудно было проѣхать. Нѣтъ ни желѣза, ни углей, ни кузнецовъ, чтобы подковать лошадей на шины. Онѣ стали такъ слабы, что которая упадетъ не встаетъ уже болѣе. Сегодня болѣе 16° мороза. Солдаты, приходящіе изъ Москвы, укутаны въ мужскія и женскія шубы, въ шелковыя и шерстяныя матеріи разныхъ цвѣтовъ, головы и ноги обвернуты лоскутьями. Ихъ лица изнуреныя, закопченныя дымомъ бивуаковъ, красные и свирѣпыя глаза, всклокоченные волосы дѣлаютъ ихъ похожими на шайку преступниковъ, вырвавшихся на волю. Тѣ, которые падаютъ отъ усталости, голода и холода, умираютъ на мѣстѣ. Это не производитъ никакого впечатлѣнія на ихъ товарищей, они проходятъ мимо, не заботясь о томъ, чтобы помочь имъ. Бѣдность, лишенія и постоянное зрѣлище разрушеній окаменели ихъ сердца. Создать безъ сожалѣнія смотреть на умирающаго своего сотоварища и даже друга. Одна мысль, кажется, охватила всѣхъ—онъ счастливъ, онъ не страдаетъ болѣе. Каждый ожидалъ того-же, разсчитывая по своимъ силамъ, сколько еще дней придется ему прожить“. *Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie*, стр. 121—124.

****) *Segur*. Т. II, стр 209.

рискуя погубить самого себя и остатки своей арміи. Изъ поданныхъ ему вѣдомостей императоръ усмотрѣлъ, что припасовъ, собранныхъ въ Смоленскѣ, можетъ хватить въ самомъ лучшемъ случаѣ на какихъ-нибудь двѣ педѣли, а между тѣмъ онъ зналъ, что арміи его придется сдѣлать цѣлыхъ сорокъ переходовъ по мѣстности, совершенно оцустошенной. Съ другой стороны Наполеонъ справедливо опасался, что въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія въ Смоленскѣ русская армія, шедшая параллельнымъ путемъ съ его арміею, можетъ предупредить его на пути къ Оршѣ и отрѣзать ему дальнѣйшее отступленіе. Наполеонъ не могъ также опускать изъ виду и тѣхъ опасностей, которыя угрожали ему на дальнѣйшей линіи его отступленія. Онъ хорошо зналъ, какія неудачи постигли въ послѣднее время оба его фланга; онъ предвидѣлъ, что вмѣсто 200000 человекъ, готовыхъ поддержать его на предѣлахъ Литвы, онъ можетъ найти какихъ-нибудь 50000 человекъ *). Мысль объ удержаніи линіи Двѣпра, о зимнихъ квартирахъ въ Бѣлороссіи и Литвѣ, если она и приходила ему прежде серьезно въ голову, должна была оказаться теперь вполне несостоятельною. Необходимо было торопиться по возможности отступленіемъ, въ Смоленскѣ надо было оставаться лишь на столько, на сколько это было необходимо для снабженія арміи припасами. Чтобы регулировать по возможности эту раздачу, чтобы избѣжать усиленія беспорядка, Наполеонъ приказалъ остановить передъ Смоленскомъ весь корпусъ арміи, отнюдь не допускать въ городъ отсталыхъ и мародеровъ, и приступить прежде всего къ раздачѣ припасовъ гвардіи.

Легко было отдавать подобныя приказанія, но трудно, почти невозможно было исполнять ихъ. Приказъ не входить въ городъ распространилъ сильнѣйшее недовольство между солдатами. Громко роптали они на императора и на гвардію, на это привилегированное войско, имѣющее вездѣ и повсюду первое мѣсто и на смотрахъ, и на праздникахъ, и при раз-

*) Наполеонъ, впрочемъ, и въ это время сильно ошибался на счетъ общаго положенія дѣлъ и представлялъ себѣ его, какъ увидимъ это мы впоследствии, въ совершенно иномъ видѣ, нежели оно было въ дѣйствительности.

дачѣ награды и припасовъ *). Но они не ограничивались однимъ ропотомъ. Тысячи покидали ряды и спѣшили пробраться въ городъ окольными путями. Одинъ видъ ихъ способенъ былъ вызвать ужасъ, если не состраданіе. Оборванные, полунагіе, или закутанные въ страшныя лохмотья, почернѣвшіе отъ грязи и дыму, съ отмороженными членами, съ дикими безумными глазами, толпились они вокругъ запертыхъ городскихъ воротъ, у проломовъ стѣны, у береговъ Двѣпра. Не смотря на строгія приказанія, не смотря на бдительность стражи, многіе изъ нихъ все-таки успѣли проникнуть въ городъ. Прогоняемые отъ магазиновъ, гдѣ шла въ это время раздача припасовъ гвардіи, они рыскали по городу толпами и въ одиночку, разыскивая повсюду, чѣмъ-бы утолить пожирающей ихъ голодь. Тщетные поиски! Мародеры, опередившіе прибытіе великой арміи, давно уже уничтожили и ограбили все до-чиста. Вездѣ по улицамъ валялись скелеты и кости обглоданныхъ ими лошадей, повсюду виднѣлись остатки разложившихся ими костровъ, во всѣхъ домахъ выломаны были окна и двери, разломаны крыши, пробиты стѣны; невозможно было найти во всемъ городѣ ни куска хлѣба, ни убѣжища отъ холода, ни дровъ для бивуака. При этомъ зрѣлищѣ отчаяніе овладѣло солдатами великой арміи. Какъ хищные волки бросались они на фурштатскихъ и артиллерійскихъ лошадей, убивали ихъ и съ жадностью пожирали сырое мясо. Оставалась еще надежда на магазины. Раздача припасовъ гвардіи уже подходила къ концу. Наставалъ чередъ для армейскихъ корпусовъ. Отсталые солдаты спѣшили возвратиться къ знаменамъ, чтобы получить свою долю. Раздача дѣйствительно

*) Объ этомъ ропотѣ солдатъ см. Сегюръ. Т. II, стр. 205. Ропотъ распространился не между одними солдатами, какъ это видно изъ Шамбре: „Масса горькихъ жалобъ поднялась противъ Наполеона. Проклинали его ни чѣмъ не насыщаемое властолюбіе, его гордость, которая завлекла его въ Москву, вопреки всѣмъ правиламъ военнаго искусства, и ослѣпила его до того, что онъ оставался въ теченіи 34 дней среди развалинъ Москвы. Солдаты жаловались на настоящія бѣдствія, но генералы бросали безпокойные взгляды и на будущее. Всѣ они получили отъ Наполеона чины, ордена, богатства; судьба ихъ была связана съ его судьбою. Онъ погибнетъ, говорили теперь они, а вмѣстѣ съ нимъ погибнемъ и мы“! Шамбре. Т. II стр. 385.

пачалась, но все лучшее было уже отдано гвардіи. Не было уже ни сухарей, ни мяса, оставались только ржаная мука, сухіе овощи и водка *). Величайшій безпорядокъ господствовалъ при раздачѣ этихъ скудныхъ припасовъ. Не велѣно было давать припасовъ отсталымъ, ихъ силою прогоняли отъ магазиновъ; но они возвращались вновь, бросались какъ бѣшеные на солдатъ, уносившихъ свою долю, отнимали у нихъ припасы и убивали всякаго, оказывавшаго сопротивленіе. Между солдатами, отряженными отъ различныхъ командъ для полученія припасовъ, дѣло также нерѣдко доходило до ссоры, до кровопролитныхъ дракъ. Интендантскіе чиновники, пытавшіеся положить предѣлъ этимъ безобразіямъ, едва не заплатились жизнью. Случалось нерѣдко, что солдаты, получивъ припасы, отказывались доставлять ихъ въ свои части; тутъ же у магазиновъ они опоражнивали бочки съ водкою и убѣгали съ мѣшками муки. Многіе изъ этихъ хищниковъ, напившіеся до безумія водки, были найдены на другой день мертвыми на улицахъ и въ домахъ **). Результатъ раздачи былъ самый печальный: только одна гвардія снабжена была припасами на двѣ недѣли; во всѣхъ остальныхъ частяхъ арміи ихъ могло хватить въ самомъ лучшемъ случаѣ на какихъ нибудь пять дней.

Смоленскъ, въ которомъ солдаты Наполеона, усматривали конецъ своихъ страданій, обозначая собою лишь новую,

*) Segur Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, p. 207. „Всѣхъ можно было спасти отъ ужасовъ голода, но намъ повелѣваютъ снабдить на двѣ недѣли одну гвардію; въ такомъ случаѣ для 1-го и 4-го корпусовъ остается по кусочку хлѣба на человѣка, и то не долѣе какъ дня на два“. Puisbusque. Lettres sur la guerre de la Russie, стр. 134.

***) „Кто несъ хлѣбъ или-что либо съѣстное не былъ безопасенъ, у него отнимутъ его добычу или убьютъ“.—„Ужасы и плачевныя зрѣлища возобновились повсюду вокругъ насъ, одинъ грабятъ другихъ, крадутъ другъ у друга. Многіе изнуренные голодомъ, съѣдаютъ въ одинъ день запасы, данные имъ на недѣлю и если не умираютъ, приходятъ въ совершенное разслабленіе. Нѣтъ болѣе ни порядка, ни расчета, ни благоразумія, толпа эта дѣйствуетъ такъ, какъ будто, ей остается жить одинъ день“. Офицеры подавали солдатамъ примѣръ познѣйшей разнузданности. „Нѣмецкіе и итальянскіе офицеры, содержавшіе карауль у виннаго погреба, разломали двери, перепились, поссорились и передрались. Солдаты послѣдовали ихъ примѣру.“ Puisbusque. Lettres etc. стр. 121—124.

болѣе страшную фазу небывалаго отступленія. Перспектива новаго сорока дневнаго марша черезъ страшную сибѣрную пустыню, должна была подѣйствовать самымъ разлагающимъ образомъ на остатки Наполеоновыхъ полчищъ. Только самые закаленные ветераны не поддались отчаянію и остались при знаменахъ. Другіе, болѣе слабые, потеряли послѣднюю надежду; они отказывались идти дальше, предпочитая смерть и плѣнь дальнѣйшимъ мученіямъ похода. Были и такія натуры болѣе сильныя, но мало дисциплинированныя, которыя возмущались противъ своей судьбы и искали спасенія въ дикой, одиночной борьбѣ за существованіе *). Они нападали на своихъ болѣе слабыхъ товарищей, отнимали у нихъ припасы и одежду. Одѣтые во всевозможныя лохмотья, они вели нѣкоторое время жизнь вольныхъ бродягъ, до тѣхъ поръ пока не погибали отъ голода или стужи, или не попадались въ руки казакамъ и вооруженнымъ крестьянамъ. Отчаяніе спасало ихъ подъ конецъ отъ страха и внушало имъ безумную смѣлость. Они являлись къ бивуакамъ русскихъ войскъ и выпрашивали кусокъ хлѣба или стаканъ водки. Если невозможно было достать иной пищи, если они не могли найти даже лошадиной падали, тогда они не задумывались утолять свой голодъ человѣческимъ мясомъ. Русскіе отряды нерѣдко встрѣчали на своемъ пути непріятельскіе бивуаки, представлявшіе самое ужасное зрѣлище. Вокругъ тлѣющихъ костровъ сидѣли и лежали полуживые французы. Многіе изъ нихъ съ жадностью глодали кости своихъ обгорѣвшихъ товарищей. Генераль. Вильсонъ видѣлъ, какъ на одномъ изъ такихъ бивуаковъ французскій гренадеръ утолялъ свой голодъ такою ужасною пищею. „Неужели тебѣ не противно это мертвое мясо“—спросилъ онъ несчастнаго. „Да противно“, отвѣчалъ гренадеръ, „но я и ѣмъ его вовсе не для того, чтобы поддержать жизнь, потерять которую я напрасно старался столько разъ, а лишь для того, чтобы облегчить адскія муки, пожирающія меня“. Вильсонъ приказалъ подать гренадеру, бывшій у него подъ руками, кусокъ хлѣба. Онъ ухватился за

*) Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armée. T. II, стр. 208.

него съ жадностью, какъ будто хотѣлъ разомъ проглотить его; но вдругъ онъ остановился и какое-то внутреннее движеніе, казалось, душило его. Онъ поглядывалъ то на хлѣбъ, то на человѣка, подавшаго его ему, и слезы катились по щекамъ его. Онъ попытался встать и схватить руку, протянувшуюся къ нему съ помощью, но послѣднія силы измѣнили ему, онъ повалился назадъ и испустилъ дыханіе *).

Наполеонъ и его маршалы не только рассчитывали возстановить въ Смоленскѣ силы своихъ солдатъ, но и мечтали объ реорганизаціи арміи, о возстановленіи совершенно упавшей дисциплины. „Войска совершенно разстроены“, доносилъ маршалъ Бертье своему повелителю передъ самымъ вступленіемъ въ Смоленскъ. „Почти во всѣхъ полкахъ только одна четвертая часть наличныхъ солдатъ слѣдуютъ за знаменами. Остальные бредутъ врознь, по различнымъ направленіямъ, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь съѣстные припасы и освободиться отъ узды дисциплины“. Бертье полагалъ, что необходимо во что-бы то ни стало возстановить въ Смоленскѣ хотя какой-нибудь порядокъ въ арміи, и прежде всего отдѣлаться отъ безоружныхъ и бросить большую часть артиллеріи и обоза **). Но для того, чтобы исполнить подобное предположеніе, необходимо было оставаться въ Смоленскѣ не четыре дня, а четыре недѣли. Предприняты были попытки реорганизаціи, но само собою понятно, что они дали самый неудовлетворительный результатъ. Остатки четырехъ кавалерійскихъ корпусовъ соединены были въ одинъ подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, но и эта вновь организованная кавалерія, на своихъ тощихъ измученныхъ коняхъ, не способна была ни къ рекогносцировкамъ, ни къ серьезному участію въ бою. Пѣхотѣ роздано было по пятидесяти патроновъ, но этимъ истощены были послѣдніе муниціонные запасы великой арміи. Нѣсколько тысячъ запас-

*) Вильсонъ. *Geneime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland*. „Множество собакъ, говоритъ тотъ-же свидѣтель, сидѣли на трупахъ своихъ господъ, смотрѣли имъ въ лице и жалобно выли; тогда какъ другія отгрызали еще живое мясо съ ногъ и рукъ несчастныхъ, которые не въ состояніи были оборониться отъ нихъ“, стр. 225.

**) „Elles sont, presque debandees etc“. Беригарди. Т. II, стр. 291.

ныхъ солдатъ и гарнизонъ Смоленска были размѣщены между корпусами арміи. Кое-какіе отсталые, впрочемъ весьма немногіе, были привлечены вновь въ ряды раздачею съѣстныхъ припасовъ *). Но что значили всѣ эти подкрѣпленія въ виду того страшнаго разлагающаго духа, который обуялъ всю армію, въ виду той одичалости, того отчаянія, которыя проѣли до мозга костей весь ея организмъ?

Собираясь оставить Смоленскъ и искать спасенія въ дальнѣйшемъ послѣшномъ бѣгствѣ, Наполеонъ и въ эту тяжелую для него минуту дѣйствовалъ не столько подъ вліяніемъ своего свѣтлаго ума, сколько болѣзненнаго самолюбія, пытающагося ввести въ заблужденіе себя и другихъ обманчивыми призраками надежды, успѣха и спасенія. Даже и теперь, онъ не рѣшался открыть всю правду маршалу Виктору и другимъ своимъ генераламъ, на содѣйствіи которыхъ основывались всѣ надежды на спасеніе великой арміи. Онъ не могъ, правда, скрыть отъ нихъ, что его армія находится въ разстроенномъ, жалкомъ состояніи, но онъ старался увѣрить ихъ, что въ такомъ-же, если не въ худшемъ положеніи находится и непріятельская армія. „Объ главныя арміи, писалъ онъ маршалу Виктору, какъ французская, такъ и русская, утомлены; онѣ могутъ еще двигаться и занимать позиціи; но ни та, ни другая, не въ состояніи дать генеральное сраженіе, чтобы удержать за собою тотъ или другой пунктъ“ **). Трудно допустить, чтобы, высказывая подобныя мнѣнія, Наполеонъ впадалъ въ невольныя заблужденія, чтобы не лгалъ сознательно. Онъ могъ, правда, допускать а priori, что и преслѣдующая его непріятельская армія должна была нести не малыя потери отсталыми и больными, не говоря уже объ убитыхъ и раненыхъ; но онъ

*) Розданы были также по полкамъ ручныя мельницы, присланныя не за долго передъ тѣмъ изъ Парижа, но молотъ пшеницы было нечего. Шамбре. Expedition en Russie. Т. II, стр. 418.

***) Бернгарди. Т. II, стр. 295. Письмо къ Виктору у Шамбре. Т. II, стр. 423. „Les deux grandes armées françaises et russes sont fatiguées; elles peuvent prendre des postes par des marches; mais ni l'une ni l'autre n'est dans le cas de livrer une grande bataille pour l'occupation d'un poste“. Наполеонъ совершенно неузнаваемъ въ этихъ словахъ. Выходитъ такъ, что вся участь войны зависитъ теперь, по его мнѣнію, отъ занятія того или другаго пункта.

долженъ былъ также знать, что русская армія слѣдуетъ менѣе опустошенными путями, нежели его собственная, что она ведетъ войну въ собственномъ отечествѣ, что она снабжена въ изобиліи припасами и теплою одеждою, и что слѣдовательно ея потери ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться страшной убыли въ его собственныхъ войскахъ *). Изъ писемъ и приказовъ Наполеона, относящихся къ этому времени, мы приходимъ къ убѣжденію, что онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о состояніи русской арміи, ни о ея дѣйствительныхъ движеніяхъ. Обманутый появленіемъ непріятельскихъ отрядовъ на обоихъ своихъ флангахъ и не получая никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній ни отъ своихъ развѣздовъ, ни отъ шпионовъ, онъ былъ убѣжденъ, что главныя силы Кутузова слѣдуютъ сѣвернымъ путемъ, что они стремятся къ Витебску, дабы соединиться тамъ съ Витгенштейномъ, тогда какъ въ дѣйствительности армія Кутузова обходила его съ южной стороны и готовилась отрѣзать ему путь отступленія при Красномъ **).

Ошибаясь такимъ страннымъ образомъ на счетъ дѣйствительныхъ намѣреній непріятели, Наполеонъ придумывалъ планы и комбинаціи, совершенно не соответствовавшіе положенію дѣлъ. „Одна часть моей арміи направится изъ Смоленска на Оршу“, — писалъ онъ маршалу Виктору, умалчивая при этомъ совершенно о направленіи, которому должна была слѣдовать другая часть арміи, — „но это движеніе можетъ быть исполнено только медленно. Необходимо занять теперь зимнія квартиры между Могилевомъ, Оршею и Витебскомъ, и вдоль Двины до Полоцка. Такія зимнія квартиры дадутъ возможность или заключить миръ въ теченіи зимы, или открыть съ успѣхомъ весенній походъ, такъ какъ изъ нихъ можно будетъ угрожать Петербургу“. Въ виду всего этого, Викторъ долженъ старать-

*) „Черезъ предусмотрительность дежурнаго генерала Коновницина, армія наша снабжена была не только хлѣбомъ, виномъ и мясомъ, но и полушубками, а кавалерійскія и артиллерійскія лошади — подковами“. Цонъ, — „Русская Старина“ 1877 года, февраль, стр. 281.

***) Ошибка Наполеона тѣмъ болѣе странна, что уже при Вязьмѣ было констатировано, что на правомъ сѣверномъ флангѣ великой арміи находился только отрядъ Милорадовича. Шамбре. Т. II, стр. 425.

ся разбить Витгенштейна, отбросить его за Двину и запереть частью своихъ войскъ Витебскъ. Лишь въ томъ случаѣ, если Викторъ потерпитъ пораженіе, что впрочемъ совершенно не вѣроятно въ виду жалкаго состоянія войскъ Витгенштейна (?), императоръ принужденъ будетъ озаботиться, болѣе соответствующими положенію дѣлъ, зимними квартирами для своей арміи* *).

Чѣмъ можно объяснить такія несообразныя распоряженія и комбинаціи? Не ясно-ли, что перстъ Божій коснулся въ это время гордыни великаго завоевателя, что онъ затмилъ его столь ясный и пронизательный дотолѣ взглядъ, что онъ поразилъ оскудѣніемъ и бесплодностью неисчерпаемыя доселѣ силы его военнаго гения! Страшная, небывалая неудача околпчительно потрясла гигантскія умственныя силы этого несравненнаго человѣка. Несчастіе окутало его очи непроницаемымъ туманомъ; онъ видѣлъ лишь одни призраки, созданные его потрясенною фантазіею, а не картины и черты дѣйствительности. Какая поразительная разница между нимъ и другимъ человѣкомъ судьбы, Фридрихомъ Великимъ. Фридрихъ великъ одинаково и въ счастья, и въ несчастіи; его умъ также свѣтелъ, его взглядъ также вѣрепъ и въ минуту счастья, и въ моментъ катастрофы. Наполеонъ великъ, несравнененъ до первой страшной бѣды; но разъ звѣзда его померкла, и духъ его теряетъ свое равновѣсіе **).

Глубоко убѣжденный въ дѣйствительности своихъ фантазій, Наполеонъ двинулся изъ Смоленска къ Оршѣ въ такомъ порядкѣ, какъ будто съ юга его арміи не могло грозить ни ма-

*) См. Письмо къ Виктору отъ 11-го ноября изъ Смоленска. Шамбре. Expedition de Russie. T. II, стр. 422.

***) Самоувѣренность и ослабленіе Наполеона имѣли однакоже и свою хорошую сторону для его арміи. Хотя онъ принималъ ошибочныя мѣры, представляя себѣ будущее въ благопріятномъ свѣтѣ, тогда какъ оно предвѣщало лишь одни бѣдствія, однако слѣдуетъ согласиться, что его увѣренность въ своемъ счастьи и эта непреклонность характера, соединенныя съ безстрастностью его лица, съ спокойствіемъ, съ которымъ онъ отдавалъ приказы въ обстоятельствахъ столь критическихъ, наполняли его генераловъ тою смѣлостью, которая побуждала ихъ преодолевать препятствія, повидимому непреодолимыя, противопоставляемыя имъ климатомъ и непріятелемъ. Шамбре. T. II, стр. 425.

лѣйшей опасности, какъ будто вся русская армія направлялась къ сѣверу на Витебскъ и не могла поставить никакихъ преградъ его дальнѣйшему отступленію. Уже силы его далеко не соотвѣтствовали силамъ непріятеля ни по числу, ни по качеству. Въ строю насчитывалось всего 42,000 человѣкъ, да сверхъ того 7000 артиллеристовъ, піонеровъ и саперовъ; 350 орудій было уже потеряно частью на пути, частью брошено въ Смоленскъ *). Въ виду всѣхъ этихъ крайне неутѣшительныхъ обстоятельствъ, слѣдовало, повидимому, двигаться впередъ, крайне осторожно, по возможности сомкнутыми массами; тѣмъ болѣе, что движеніе врознь по дорогамъ совершенно опустошеннымъ, не могло представить ни малѣйшихъ выгодъ. Совершенно вопреки этому основному правилу, не говоримъ военнаго искусства, а спасительной необходимости, распорядился Наполеонъ. Войска его выступали изъ Смоленска небольшими отрядами, съ такими большими промежутками, что каждый изъ нихъ подвергался опасности быть уничтоженнымъ непріятелемъ и ни одинъ не могъ во-время поддержать другой. Каждый изъ этихъ отрядовъ обремененъ былъ до невозможности многочисленною артиллеріею и обозомъ. За каждымъ тянулись, по-прежнему, стѣсняя всѣ маневры, убивая своимъ примѣромъ послѣдніе остатки дисциплины, громадныя толпы отсталыхъ и безоружныхъ. Наконецъ, что всего удивительнѣе, во главѣ всей арміи шелъ самый слабый и наиболѣе деморализованный отрядъ арміи.

30-го октября выступили изъ Смоленска поляки подъ руководствомъ Зайончека. Изъ всего этого многочисленнаго корпуса, состоявшаго прежде подъ начальствомъ Понятовскаго, оставалось теперь въ строю только 800 человѣкъ. Въ тотъ-же самый день, а по другимъ извѣстіямъ, въ слѣдующій, выступили изъ Смоленска Вестфальцы, подъ начальствомъ Жюно, умственныя способности котораго пришли уже въ это время въ окончательное разстройство. И въ этомъ, еще недавно столь грозномъ отрядѣ, насчитывалось теперь всего лишь 700 во-

*) Шамбре такимъ образомъ опредѣляетъ численность французской арміи при выступленіи изъ Смоленска: 37000 пѣхоты, 5100 кавалеріи, 7000 артиллеріи, инженеровъ и жандармовъ. Т. II, стр. 435.

оружейныхъ пѣхотинцевъ и 500 безлошадныхъ кавалеристовъ. Вестфальцы были окончательно деморализованы и неспособны къ бою, а между тѣмъ имъ пришлось не только идти впереди всей арміи, но и конвоировать громадный артиллерійскій паркъ. 1-го ноября выступила затѣмъ изъ Смоленска дивизія Клапареда; при ней находилась главная квартира, большой обозъ съ казною и съ частью трофеевъ и добычи, не брошенныхъ еще на пути. За Клапаредомъ слѣдовала гвардія подъ начальствомъ самого Наполеона. Войска вице-короля, состоявшіе въ это время изъ какихъ-нибудь 6000 вооруженныхъ людей, слѣдовали за гвардіею на разстояніи цѣлаго дневнаго перехода. На такомъ-же разстояніи сзади двигались остатки дивизій Даву. Наконецъ, позже всѣхъ только 4-го ноября, выступилъ изъ Смоленска съ войсками аррьергарда маршалъ Ней. Разстояніе между нимъ и головными частями арміи равнялось цѣлымъ шести переходамъ *).

Непріятельскія войска подвигались впередъ крайне медленно и въ обычномъ своемъ безпорядкѣ. Быстрѣе другихъ двигался Заіончекъ. Уже 3-го ноября Заіончекъ достигнулъ селенія Лядъ, обойдя Красный съ сѣверной стороны. За то Вестфальцы, обремененные своимъ обозомъ, едва двигались съ мѣста. Дивизія Клапареда обогнала ихъ уже 2-го ноября и вечеромъ того-же дня достигла Краснаго. Вечеромъ этого-же дня Мортъе съ молодою гвардіею и Наполеонъ съ старою—расположились на ночлегъ въ Корытнѣ, на половинѣ пути между Смоленскомъ и Краснымъ. Между тѣмъ русскіе уже готовились преградить путь отступающему непріятелю. Когда войска Клапареда подошли къ Красному, то оказалось, что городъ уже былъ занятъ передовымъ русскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Ожаровскаго. Клапаредъ немедленно-же атаковалъ Красный и безъ особаго труда вытѣснилъ казаковъ Ожаровскаго изъ

*) О порядкѣ выступленія Наполеоновыхъ войскъ изъ Смоленска см. Богдановичъ. Т. III, стр. 110, гдѣ собраны всѣ свидѣтельства очевидцевъ. См. также Бернгарди. Т. II, стр. 297—298. Шамбре замѣчаетъ: „La dispersion de l'armée de Moscou était telle que Zayonchec, qui marchait à son avantgarde, atteignit Dubrovna le 16 Novembre, époque à laquelle Ney était encore à Smolensk“. Т. II, стр. 437.

города. Но это было только начало. На слѣдующій день (т. е. 3-го ноября), въ то самое время, когда Наполеонъ выступилъ изъ Корытни, прибыли на большую дорогу, шедшую отъ Смоленска къ Красному, значительныя русскія силы подъ командою генерала Милорадовича. Милорадовичъ расположилъ свои войска у самой дороги, близь села Ржавки. Вскорѣ вдали показались густыя непріятельскія массы. То двигался самъ Наполеонъ съ старою и молодою гвардіею; у него было собрапотуть около 16,000 человѣкъ, тогда какъ у Милорадовича было всего на всего не болѣе 12,000. Наступили сумерки и русскій генераль не рѣшился атаковать непріятели всѣми силами. Только тяжелая артиллерія, расположенная параллельно съ дорогою, открыла огонь по проходящимъ непріятелиамъ. Въ то же время казаки и легкая конница показались впереди французовъ. Само собою понятно, что они не могли задержать наступленія Наполеона. Вестфальцы и нѣсколько баталіоновъ молодой гвардіи бросились впередъ и очистили дорогу. Казаки преслѣдовали непріятели до самаго Краснаго и захватили въ плѣнъ нѣсколько сотенъ отсталыхъ *).

Наполеонъ при наступленіи темноты достигъ благополучно Краснаго, но неизвѣстность, въ которой онъ находился на счетъ направленія главныхъ русскихъ силъ, не давала ему покоя. Чтобы уяснить себѣ хотя нѣсколько этотъ вопросъ, Наполеонъ отдалъ приказъ напасть въ ту же ночь на Ожаровскаго, расположившагося въ Путковѣ, всего въ 3¹/₂ верстахъ отъ Краснаго и добыть отъ него во чтобы то ни стало плѣнныхъ. Нападеніе удалось вполне. Ожаровскій, захваченный въ распахъ, не только былъ выбитъ изъ Путкова, но и оставилъ въ рукахъ непріятели нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Отъ этихъ-то плѣнныхъ узналъ, наконецъ, Наполеонъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Онъ узналъ, что его преслѣдуютъ не одни передовые отряды, что непріятельскія массы находятся вблизи отъ него, что вся армія Кутузова угрожаетъ непосредственно его лѣвому флангу. Только теперь понялъ императоръ всю ошибочность своихъ комбинацій, только теперь онъ увидѣлъ,

*) См. Lossberg. Briefe in die Heimath. Наши стрѣлки одинъ очистилъ дорогу

что непріятель имѣеть полную возможность уничтожить по частямъ его армію *). Наполеонъ спѣшилъ поправить свою ошибку. Онъ рѣшился оставаться въ Красномъ и дожидать здѣсь прибытія остальныхъ своихъ отрядовъ. Французскіе писатели прославляютъ своего императора за это геройское рѣшеніе; но въ дѣйствительности ему не оставалось иного выбора **).

Вся первая половина слѣдующаго дня прошла спокойно. Русская главная армія придвинулась въ это время еще ближе къ Красному, а Милорадовичъ стоялъ по прежнему на Смоленской дорогѣ близъ Мерлина. Около 4 часовъ вечера на дорогѣ показались войска вице-короля, впереди ихъ шли толпы разрозненныхъ солдатъ и мародеровъ, по большей части безоружныхъ. Принцъ Евгений Виртембергскій и генералъ Паскевичъ немедленно же расположились поперекъ дороги и открыли огонь по приближающимся непріятелямъ. Уже послѣ первыхъ выстрѣловъ разрозненные солдаты пустились бѣжать въ рассыпную; но генералъ Гюльмино поспѣшно собралъ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ были ружья, построилъ изъ нихъ карре и, отстрѣливаясь, успѣлъ отойти за войска вице-короля. И въ этотъ день русскіе генералы, связанные предписаніями главнокомандующаго, не желавшаго завязывать рѣшительнаго сраженія и вызывающаго съ стороны непріятеля отчаянное напряженіе силъ, дѣйствовали вяло и нерѣшительно. Вице-король не только отбилъ направленные на него слабыя атаки, но перешелъ въ свою очередь въ наступленіе и проложилъ себѣ путь къ Красному ***). Тѣмъ не менѣе потери разстроенныхъ непріятельскихъ войскъ были и въ этотъ день громадны. Русскіе не

*) „Ainsi, l'armée de Moscou était dans la situation la plus critique où elle se fût encore trouvée jusqu'alors, et rien ne semblait pouvoir la sauver de sa ruine“. Шамбре. Т. II, стр. 437.

***) „Наполеонъ, сознавая опасность своего положенія, чувствовалъ, что необходимо отступить тотчасъ-же; но въ такомъ случаѣ Корнуса Даву, Евгения и Нея должны-бы были погибнуть. Въ виду этого, разсчитывая на нерѣшительность Кутузова, на его неумѣніе пользоваться своими силами, и полный, какъ всегда, вѣры въ свою фортуна, онъ рѣшился держаться въ Красномъ до тѣхъ поръ, пока не выбьютъ его оттуда силою“. Шамбре. Т. II, стр. 439—440.

***) Подробности объ этомъ сраженіи см. у Лабона. Campagne de Russie, стр. 348 и слѣдующія.

только взяли въ плѣнъ 2200 человекъ по преимуществу отсталыхъ, не только захватили всю артиллерію вице-короля, состоявшую изъ 17 орудій, но и положили на мѣстѣ убитыми и ранеными около 2000 неприятелей. Только 3500 солдатъ изъ корпуса вице-короля, да нѣсколько тысячъ отсталыхъ успѣли соединиться въ Красномъ съ Наполеономъ.

Между тѣмъ въ главной русской квартирѣ составленъ былъ планъ атаковать на слѣдующій день всѣми силами неприятеля, отбросить его къ Двѣпру и принудить положить оружіе. Планъ составленъ былъ Толлемъ. Всѣ русскіе генералы, въ особенности молодые, вполне одобряли его; самъ фельдмаршалъ далъ на него свое согласіе, но видимо неохотно и скрѣпя сердце. И въ эту рѣшительную минуту Кутузовъ былъ глубоко убѣжденъ, что гибель французской арміи можетъ быть достигнута безъ всякихъ рѣшительныхъ сраженій и безъ большихъ потерь съ нашей стороны. „Необходимо заботиться лишь объ одномъ“, доказывалъ онъ своимъ подчиненнымъ, „чтобы французы не могли свернуть въ сторону съ опустошенной дороги; тогда голодъ, зима и наше преслѣдованіе легко и безъ особыхъ потерь довершатъ ихъ истребленіе“. „Къ чему могутъ повести рѣшительныя атаки съ нашей стороны? говаривалъ онъ, то и дѣло.—Къ новому странному пролитію русской крови, къ тому, что мы погубимъ свою армію и явимся на границѣ такими-же оборванными и изможденными бродягами, какъ и французы“ *). „За десятерыхъ французовъ я не дамъ ни одного русскаго“, объявлялъ онъ рѣшительно. „Французы все равно погибнутъ сами собою въ короткое время; но если мы потеряемъ массу людей, въ какомъ видѣ прійдемъ мы тогда на границу“? **).

Исходя изъ такихъ убѣжденій, главнокомандующій лишь потому далъ свое согласіе на планъ Толля, что былъ убѣжденъ, что Наполеонъ и главныя силы французовъ уже выступили изъ Краснаго къ Лядамъ ***), что намъ придется имѣть дѣло

*) См. Воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго, стр. 171—172.

***) См. Михайловскій-Давилевскій. „Исторія отечественной войны“.

***) „Кутузовъ подъ Краснымъ дѣйствовалъ нерѣшительно изъ опасенія встрѣ-

лишь съ частью непріятельскихъ силъ, оставшихся еще въ Красномъ, а также съ корпусомъ Даву, прибытіе котораго изъ Смоленска ожидалось въ этотъ день. Истребленіе Даву и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду Кутузовъ. Съ этою цѣлью Милорадовичу было предписано пропустить войска Даву къ Красному и атаковать ихъ затѣмъ съ тылу, въ то самое время, когда колонны главной нашей арміи нападуть на непріятеля съ фронта и съ лѣваго фланга.

Между тѣмъ Наполеонъ, остававшійся въ Красномъ уже въ теченіи двухъ дней и спасшій своей смѣлостью войска вице-короля отъ совершеннаго истребленія, пришелъ къ отчаянному, и что-бы ни говорили, геройскому рѣшенію, атаковать въ свою очередь непріятеля и дать тѣмъ возможность Даву присоединиться къ нему. Рано утромъ 5 ноября загорѣлся одновременно бой и подь самымъ Краснымъ и впереди его. Наступившая теплая погода ободрила непріятельскихъ солдатъ, а диспозиціи, данныя русскимъ генераламъ, способствовали какъ нельзя болѣе успѣху Наполеона. Милорадовичъ не предпринялъ серьезной попытки остановить наступающія войска Даву. Встрѣченныя огнемъ нашей артиллеріи, дивизіи Даву принуждены были, правда, сойти съ большой дороги, и повернуть направо, но оставленные въ покоѣ нашею пѣхотою и преслѣдуемая только казаками и кавалеріею, они добрались благополучно до Краснаго, оставивъ, впрочемъ, въ рукахъ русскихъ не мало плѣнныхъ и пушекъ **). Въ тоже самое время, атака нашихъ главныхъ силъ была остановлена неожиданнымъ наступленіемъ Наполеона. Войска князя Голицына, наступавшія на Красный, были встрѣчены молодою гвардіею, кавалеріею Латуръ-Мобура и старою гвардіею. Самъ императоръ и маршалъ Бертъе, въ столько разъ описанныхъ, польскихъ націо-

титься лицомъ къ лицу съ геніальнымъ противникомъ, котораго превосходство невольно сознавали всѣ Наполеоновы современники“. Богдановичъ. Т. III, стр. 144.

***) Принцъ Евгений Виртембергскій намѣревался было серьезно атаковать непріятеля, но едва лишь 2-й пѣхотный корпусъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ былъ остановленъ Милорадовичемъ, который, подѣхавъ къ принцу, объявилъ ему, что фельдмаршалъ запретилъ завязывать дѣло“. Воспоминанія принца Евгенія, стр. 155.

нальныхъ костюмахъ, съ березовыми палками въ рукахъ, находились при войскахъ, одушевляя ихъ своимъ присутствіемъ *). Въ деревнѣ Уварово завязался отчаянный бой между нашими и французами; князь Голицынъ принужденъ былъ ввести постепенно въ дѣло всѣ свои войска. Ему удалось, наконецъ, выбить непріателя изъ деревни, но тщетно пытался онъ продвинуться далѣе, перейти черезъ небольшую рѣчку, упорно обороняемую французами. Онъ видѣлъ, что непріатель вводитъ въ дѣло все новыя и новыя войска, что дивизіи Даву, по мѣрѣ прибытія въ Красный, немедленно-же направляются противъ него, и тщетно ожидалъ съ своей стороны прибытія главныхъ нашихъ силъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что намѣренія русскаго главнокомандующаго совершенно измѣнились въ этотъ самый моментъ.

Мы видѣли, что Кутузовъ далъ крайне неохотно свое согласіе на планъ Толля. Какъ подъ Малоярославцемъ, такъ и теперь, онъ вовсе не былъ намѣренъ давать генеральнаго сраженія. Онъ не прекращалъ наступленія до тѣхъ поръ, пока полагалъ, что имѣетъ дѣло лишь съ небольшою частью непріательскихъ силъ, но едва только узналъ онъ отъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ жителей, что въ Красномъ находится самъ Наполеонъ со всею своею гвардіею **), какъ тотчасъ-же отдалъ приказъ генералу Гормасову, обходившему непріателя съ главною частью нашихъ силъ со стороны Орши, приостановить свое движеніе, а остальнымъ генераламъ довольствоваться только преслѣдованіемъ отступающаго непріателя. Съ своей стороны Наполеонъ также не намѣренъ былъ продолжать сраженіе. Его главная цѣль была достигнута. Войска Даву успѣли соединиться съ нимъ. Оставаться далѣе подъ Краснымъ было крайне опасно. Наполеону доносили, что значительныя непріательскія силы обходятъ его со стороны Орши, что въ тылу его,

*) Одинъ изъ генераловъ предостерегалъ Наполеона отъ личной опасности, которой онъ подвергался. Наполеонъ отвѣчалъ ему: „довольно уже былъ я императоромъ, пора быть снова генераломъ“. Шамбре. Т. II, стр. 491.

***) См. Богдановичъ. Т. III, стр. 127. Бернгарди. Т. II, стр. 310. Источникомъ того и другаго автора являются въ данномъ случаѣ записки Александра Андреевича Щербинина.

между Краснымъ и Днѣпромъ, показались казаки, что Милорадовичъ угрожаетъ его лѣвому флангу. Надо было отступать, хотя это отступление должно было погубить Нея, только что вышедшаго изъ Смоленска, но у Наполеона не было другого выбора. Самое это отступление сопряжено было съ большими трудностями. Едва только русскіе замѣтили, что непріятельскія дивизіи начинаютъ отодвигаться назадъ, какъ тотчасъ-же начали тѣснить ихъ съ ожесточеніемъ. Дивизія Фредерикса, прикрывавшая отступление непріятельскихъ войскъ, подверглась не только сильнѣйшему артиллерійскому и ружейному огню, но и была атакована двумя кирасирскими полками. Французы построились въ карре и отбивались съ отчаяннымъ мужествомъ. Уже они отбили нѣсколько атакъ кирасировъ, но подъ конецъ русскіе латники ворвались въ одно изъ карре и изрубили массу непріятели *). Только наступившая темнота спасла дивизію Фредерикса отъ окончательнаго истребленія.

Наполеонъ ликовалъ, достигнувъ благополучно Добраго по дорогѣ въ Оршу и убѣдившись, что между нимъ и Днѣпромъ нѣтъ болѣе непріятелей. „О моя звѣзда!“ **) восклицалъ онъ въ восторгѣ, забывая о громаднѣхъ потеряхъ, понесенныхъ въ этотъ день его злополучною арміею, о массѣ трофеевъ, оставленныхъ имъ въ рукахъ непріятели. Только одна участь маршала Нея не давала ему покоя. Что будетъ съ этимъ храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ? Неужели онъ погибнетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ? О, какъ охотно отдалъ-бы онъ за спасеніе Нея всѣ массы сокровищъ, скопленныхъ имъ въ подземельяхъ Тюльерійскаго дворца! ***)

Совершенно иного рода мысли наполняли въ это время душу

*) „Одинъ старый вахмистръ Новгородскаго полка, выведенный изъ терпѣнія неудачею нѣсколькихъ предшествовавшихъ атакъ, кинулся первымъ на штыки, говоря: „когда-же нибудь надо кончить“. Онъ былъ убитъ, но проложилъ путь своимъ товарищамъ“. Беригарди. Т. II, стр. 312.

**) Беригарди. Т. II, стр. 312.

***); Наполеонъ, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ принялъ мѣры, чтобы оправдать себя самого и свалить на другаго вину за гибель корпуса Нея. Уходя къ Лдамъ, онъ оставилъ подъ Краснымъ Даву, давъ ему, какъ онъ зналъ хорошо, не выполнимый приказъ держаться тамъ до прибытія Нея. Поновъ, — „Русская Старина“, 1877 года, февраль, стр. 302.

старого Кутузова. Пусть рощутъ молодые и нетерпѣливые, онъ старый и опытный доволенъ какъ нельзя болѣе результатами этого кроваваго осенняго дня. Уже поздно вечеромъ объѣзжаетъ онъ поле сраженіе. Съ какимъ восторгомъ встрѣчаютъ его войска! Какая масса плѣнныхъ, трофеевъ, добычи всякаго рода! На одномъ полѣ битвы взято было 7000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ не мало офицеровъ и солдатъ Наполеоновской гвардіи. Число отбитыхъ и пайденныхъ на пути отступленія непріятеля орудій доходило до семидесяти. Взято было нѣсколько непріятельскихъ знаменъ, захваченъ весь багажъ маршала Даву, въ томъ числѣ и его маршальскій жезлъ. При видѣ всѣхъ этихъ трофеевъ, при видѣ несомнѣнныхъ слѣдовъ полнѣйшаго разстройства грозной непріятельской арміи, сердце стараго главнокомандующаго преисполнилось радостью! Онъ добился такихъ великихъ результатовъ и, что еще выше, съ такими ничтожными потерями, какихъ-нибудь 700 человекъ убитыми и ранеными. Въ себя отъ радости, Кутузовъ, впервые за всю эту кампанію промчался галопомъ на своемъ конѣ передъ рядами войскъ. Проѣзжая мимо гвардіи, онъ приказалъ показать ей отбитыхъ непріятельскихъ орловъ. Громовое ура огласило при этомъ видѣ все поле *).

Въ русскомъ лагерѣ кипѣла всю эту ночь самая шумная жизнь. Солдаты толпились вокругъ ярко пылающихъ костровъ; всѣ хвастались захваченною добычею; они не знали, что дѣлать съ богатствами, пощавшими нежданно, негаданно имъ въ руки. Не говоря уже о массѣ вещей всякаго рода, отбитыхъ у непріятеля, монеты оказалось такое множество, что нани солдаты охотно давали за синенькую пятирублевую ассигнацію десять пятифранковыхъ. „Два улана“, рассказываетъ очевидецъ, „вели подъ уздцы лошадей, на сѣдлахъ которыхъ висѣли порядочной величины мѣшки, нагруженные пятифранковиками. Уланы шли сердитые, ругаясь. Они видимо изнемогали отъ холода и усталости; наконецъ, придя въ азартъ, запустили руки въ мѣшки и горстями стали выбрасывать деньги прямо

*) Подробности объ этой сценѣ см. у Попова, — „Русская Старина“ 1877 года, февраль, стр. 306—307. См. также записки Жиркевича, — „Русская Старина“ 1874 года. Т. X, стр. 659—661.

въ снѣгѣ. Собралась кучка любопытныхъ, и многіе протестовали противъ подобнаго безразсуднаго поступка уланъ; но послѣдніе, освирѣпѣвъ, продолжали разметывать монету“. „Не мало у насъ серебра, кричали они при этомъ и въ чемоданахъ и въ кобурахъ, не знаемъ, что дѣлать съ этимъ добромъ“ *). Другіе солдаты жгли на бивуакахъ дорогія матеріи и кружева, попавшія имъ въ руки. Были и такіе, которые дѣлились своею добычею съ офицерами. Наконецъ, многіе старались сбыть свою добычу за ничтожныя деньги первому встрѣчному.

Въ то время какъ русскіе праздновали свою побѣду, а французы поспѣшно уходили къ Оршѣ, и тѣ и другіе, казалось, забыли о корпусѣ Нея. Ней выступилъ изъ Смоленска самымъ послѣднимъ, 5-го ноября. Исполняя варварскія и безполезныя распоряженія Наполеона, онъ пытался взорвать на воздухъ уцѣлѣвшія еще башни и стѣны Смоленска, но варварскій замыселъ удался не вполне. Только 8 башенъ и часть стѣны взлетѣли на воздухъ, остальное уцѣлѣло. И эти злодѣянія совершались въ то время, когда приходилось поручать великодушію русскихъ 2,000 своихъ раненыхъ и больныхъ, брошенныхъ въ смоленскихъ госпиталяхъ **). Корпусъ Нея находился въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и другія части французской арміи. Число людей, слѣдовавшихъ за маршаломъ, доходило по крайней мѣрѣ до 16000 человекъ, но въ ихъ числѣ только 8000 были вооружены, все остальное состояло изъ пестрой массы, оборванныхъ бродягъ. Во всей конницѣ насчитывалось не болѣе 300 лошадей, артиллерійскихъ орудій было всего 12, большой обозъ слѣдовалъ за отрядомъ ***).

*) „Изъ записокъ генерала Н. П. Ковальскаго“: „Русскій Вѣстникъ“ 1871 года. Т. 91, стр. 98—99.

**) О послѣднихъ дняхъ пребыванія непріятеля въ Смоленскѣ см. донесенія Платова отъ 5 и 7-го ноября. „Плѣнныхъ раненыхъ и больныхъ непріятелей“, предписывалъ Платовъ своимъ подчиненнымъ, „продовольствовать, сколько по человѣчеству, столько и потому что плѣнные болѣею частію нѣмецкихъ націй и итальянцы, и дабы черезъ то показать имъ, что русскіе правительство поступаетъ съ военноплѣнными совсѣмъ не такъ, какъ имъ внушено“. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 441.

***) О состояніи корпуса Нея передъ выходомъ изъ Смоленска см. Fezensac. Souvenirs Militaires, стр. 95 и Шамбре. Т. II, стр. 464.

Въ Смоленскѣ Ней принужденъ былъ оставить не только массу мародеровъ, но и громадную добычу всякаго рода. Вступившія въ городъ русскія войска нашли 17 русскихъ орудій, 140 орудій непріятельскихъ, 600 фуръ и повозокъ и взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ отсталыхъ и мародеровъ. По выходѣ изъ Смоленска войска Ней шли совершенно спокойно до самой Корытны. Только кое-гдѣ по сторонамъ дороги показывались казаки, да доносился отъ времени до времени гулъ пушечныхъ выстрѣловъ. На другой день казаки начали показываться все въ большемъ и большемъ количествѣ; но ни что не указывало на близость большихъ непріятельскихъ массъ. Осторожно подвигаясь впередъ Ней, не подозревая, что онъ отрѣзавъ совершенно отъ остальной арміи, что между нимъ и Наполеономъ стоятъ уже главныя русскія силы. Совершенно подобное же невѣдѣніе господствовало и на противоположной сторонѣ. Большинство нашихъ генераловъ или забыли о существованіи корпуса Ней, или были убѣждены, что войска Ней уже прошли мимо Краснаго вмѣстѣ съ другими отрядами французской арміи. Поздно вечеромъ, 5-го числа принцъ Евгений Виртембергскій, бесѣдуя въ Красномъ съ нѣсколькими плѣнными непріятельскими офицерами, съ удивленіемъ узналъ отъ одного изъ нихъ, что войска Ней вѣроятно только выступили изъ Смоленска. Принцъ спѣшилъ сообщить свое важное открытіе какъ главнокомандующему, такъ и его приближеннымъ. Кутузовъ тотчасъ же отдалъ приказъ предупредить Милорадовича о предстоящемъ прибытіи Ней, но исполнить этотъ приказъ было не такъ легко, какъ казалось это на первый взглядъ *).

Милорадовичъ при своей геройской храбрости и предпримчивости былъ въ тоже время величайшимъ оригиналомъ и чудачкомъ во всей арміи. Никто не одѣвался такъ щегольски, какъ онъ, особенно въ день битвы, никто не возилъ съ собою

*) По поводу этихъ приказовъ, Богдановичъ замѣчаетъ: „Эти предписанія и нѣкоторыя другія, непосредственно за ними слѣдующія въ журналѣ входящія бумажъ, висены въ него безъ номеровъ, какъ напротивъ того, всѣ прочія бумажки номерованы, что подаютъ поводъ сомнѣваться въ современности отсылкъ предписаній“. Т. II, стр. 442.

на походъ такой громадный гардеробъ; но никто не обращалъ въ тоже время такъ мало вниманія на остальные удобства жизни, какъ онъ. У него вовсе не было главной квартиры, онъ не бралъ съ собою въ поле ни поваровъ, ни кухни, ни припасовъ. Онъ никогда не обѣдалъ у себя, а всегда у когонибудь изъ своихъ подчиненныхъ генераловъ или офицеровъ. Его адъютанты и штабные по-поволѣ должны были слѣдовать его примѣру. Они бывали при своемъ командирѣ или во время дѣла, или на переходахъ; на бивуакахъ же, на дневкахъ, они бродили по лагерямъ, пользуясь гостепріимствомъ другихъ офицеровъ. Очень трудно было пайти иногда этихъ господъ, но еще труднѣе было найти самого Милорадовича. Такъ случилось и въ роковой день 5-го ноября. Адъютанты, разосланные Кутузовымъ, нигдѣ не могли розыскать Милорадовича. Поиски возобновились и на другой день—и такъ же неудачно. А между тѣмъ, по какой-то странной случайности, войска, стоявшія на дорогѣ впереди Краснаго, вовсе не были предупреждены о грозящей имъ опасности. Никто въ средѣ ихъ не подозрѣвалъ возможности появленія непріятели со стороны Смоленска. Всѣ стояли фронтомъ къ Красному. На бивуакахъ былъ большой беспорядокъ. Вся артиллерія свезена была въ большой паркъ и расположена на окраинѣ глубокаго Лосминскаго оврага, пересѣкавшаго дорогу. На противоположной сторонѣ оврага, обращенной къ Смоленску, не было даже выставлено пикетовъ *).

Густой, непроницаемый туманъ застилалъ окрестности Краснаго, когда войска Нея подошли къ Лосминскому оврагу. Впереди ихъ брели толпы разрозненныхъ и безоружныхъ, затѣмъ двигалась дивизія Рикара. Французы спокойно перебирались черезъ оврагъ и взойдя на противоположный его берегъ, очутились неожиданно среди нашего артиллерійскаго парка. Вне-

*) Совершенно иначе представляется все это дѣло у Попова. (См. „Русская Старина“ 1877 г. февраль, стр. 304). Тамъ говорится, что у насъ все было наготовѣ; что согласно предписаніямъ Кутузова, Милорадовичемъ приняты были всѣ мѣры для встрѣчи Нея. Къ сожалѣнію, всѣ источники, какъ русскіе, такъ и французскіе, прямо противорѣчатъ такимъ утвержденіямъ. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 134; Беригарди, стр. 324 и слѣд.; „Воспоминанія принца Евгенія“, стр. 175 и слѣд.

запность встрѣчи была одинаково велика съ обѣихъ сторонъ. Наши канониры не могли сначала понять, откуда взялись эти по большей части безоружные французы. Они приняли ихъ сначала за тѣхъ жалкихъ бродягъ, которые подкрадывались уже не разъ къ ихъ бивуакамъ, выпрашивая кусокъ хлѣба. И въ самомъ дѣлѣ, многіе изъ этихъ незваныхъ гостей показывали большую охоту быть взятыми въ плѣнъ. Но канониры вовсе не были намѣрены обременять себя плѣнниками, на то были казаки и вооруженные мужики. Сначала по-легоньку, а потомъ съ сердцемъ начали они отпихивать французовъ отъ орудій, по числу гостей возрастало съ каждою секундою. Вскорѣ между безоружными оборванцами пачали показываться вооруженные непріятельскіе солдаты. На пинки и удары банниками и тесками они начали отвѣчать ружейными выстрѣлами и ударами штыковъ. Еще минута—и цѣлая колонна французской пѣхоты нахлынула на нашъ паркъ. Былъ моментъ, когда большая часть нашихъ орудій находилась въ рукахъ дивизіи Рикара. Но то былъ не болѣе, какъ моментъ. Канониры наши скоро пришли въ себя, поспѣшно начали они запрягать орудія и отъѣзжать въ сторону отъ непріятели. Дивизія Рикара, крайне малочисленная, всего 2000 человекъ и опеломленная неожиданностью встрѣчи, не въ состояніи была воспользоваться своимъ страннымъ успѣхомъ. Между тѣмъ наши батареи открыли по ней убійственный огонь. Пѣхота и кавалерія спѣшили со всѣхъ сторонъ на неожиданную добычу. Поражаемая отовсюду, дивизія Рикара потеряла массу людей и въ страшномъ беспорядкѣ бѣжала назадъ за оврагъ. Въ этотъ моментъ явился на мѣсто боя Милорадовичъ. Убѣдившись, что на той сторонѣ оврага кромѣ разбитой дивизіи находятся еще значительныя непріятельскія силы и узнавъ отъ плѣнныхъ, что онъ имѣлъ передъ собою самого маршала Нея со всѣмъ его корпусомъ, Милорадовичъ немедленно-же отрядилъ къ маршалу парламентаря съ предложеніемъ положить оружіе. Парламентарь объявилъ Нею, что Милорадовичъ никогда-бы не отважился предложить знаменитому маршалу что-либо недостойное его мужества, его военныхъ талантовъ, къ которымъ онъ относится съ глубокимъ уваженіемъ; но что эта капитуляція неизбежна,

что онъ, маршалъ, отрѣзанъ онъ остальныхъ корпусовъ французской арміи, что передъ нимъ стоитъ 80,000 армія, что онъ можетъ послать офицера, дабы убѣдиться въ этой печальной для него истинѣ *). Спокойно, съ презрительною улыбкою выслушалъ Ней предложенія русскаго парламентаря. Маршалъ не принадлежалъ къ числу гениальныхъ полководцевъ, но онъ никогда не терялъ присутствія духа на полѣ битвы. Въмѣсто всякаго отвѣта, онъ приказалъ задержать парламентаря **) и двинулъ въ атаку обѣ свои дивизіи. Французы наступали съ удивительнымъ мужествомъ. Картечь выносила у нихъ цѣлмы ряды, а они шли мѣрнымъ, спокойнымъ шагомъ, словно на ученье. Съ изумленіемъ смотрѣли на нихъ русскіе. Но вотъ они подошли на нѣсколько шаговъ къ нашей линіи. Новый страшный залпъ -- и первый дивизионъ, шедшій въ головѣ непріятельской колонны, былъ опрокинутъ на слѣдовавшія за нимъ войска. Въ эту минуту русская пѣхота ударила въ штыки на непріятеля, а кавалерія атаковала его съ обѣихъ фланговъ ***). Пораженіе непріятеля было страшное. Въ дикомъ безпорядкѣ бросались остатки разбитыхъ дивизій Ней въ оврагъ; только нѣсколько стрѣлковъ, во-время расположенныхъ маршаломъ на окраинѣ оврага, задержали на мгновеніе наше преслѣдованіе и спасли французовъ отъ окончательнаго истребленія. „Наша атака, говоритъ очевидецъ, продолжалась всего четверть часа, а вторая дивизія уже не существовала. Въ моемъ полку погибла масса офицеровъ, и въ немъ осталось всего лишь 200 солдатъ; еще болѣе пострадали Иллирійскій и 18 полкъ, потерявшій своего орла; генералъ Разу былъ убитъ, генералъ Ланшантенъ взятъ въ плѣнъ ****).

*) Парламентаремъ былъ посланъ маіоръ Смоленскаго полка, Ренненкампфъ. Богдановичъ. Т. III, стр. 135.

**) Предлогомъ къ задержкѣ послужили нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ въ это время русскими. Дѣйствительною-же причиною тому было опасеніе, чтобы нашъ офицеръ не далъ свѣдѣній о жалкомъ состояніи французскихъ войскъ. См. Fezensac, Souvenirs militaires, стр. 310.

***) „Тогда непріятельская пѣхота атаковала насъ въ свою очередь, а кавалерія, бросившись на наши флаги, привела насъ въ полное разстройство“. Фезензакъ, стр. 310.

****) См. Фезензакъ, Souvenirs militaires, стр. 311.

Наши генералы считали Ней окончательно истребленнымъ, и находили излишнимъ преслѣдовать остатки его корпуса при наступающей темнотѣ. Да они и имѣли, повидимому, полное основаніе такъ думать. Непріятельскіе солдаты разсѣялись по окрестнымъ лѣсамъ и оврагамъ. Изнемогая отъ усталости и голода, не зная куда идти, они цѣлыми толпами сдавались въ плѣнъ, завидѣвъ нѣсколькихъ казаковъ. На другой день, рано утромъ, явилась даже депутація отъ цѣлыхъ 11,000 человекъ, желавшихъ сдаться въ плѣнъ *). Какъ ни велико было, однако-же, количество плѣнныхъ, по отрядъ маршала все еще не былъ окончательно истребленъ. У него оставалось все еще подъ ружьемъ около 3000 человекъ, а что самое главное, онъ ни на минуту не потерялъ мужества и рѣшился во что-бы то ни стало пробиться къ своимъ. При наступленіи темноты Ней повелъ свой отрядъ назадъ къ Смоленску, но пройдя немного, свернулъ направо и двинулся черезъ поля прямо къ Днѣпру. Уже поздно ночью французы добрались до деревни Даниковой. Послѣ долгихъ поисковъ имъ удалось найти тутъ какого-то хромаго мужика. На вопросъ маршала: можно-ли перейти черезъ Днѣпръ, мужичекъ объявилъ, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ Днѣпръ уже сталъ и гдѣ можно перебраться по льду. Разложивъ на мѣстѣ своего бивуака нѣсколько большихъ костровъ, чтобы обмануть преслѣдователей, Ней немедленно же двинулся впередъ. Скоро они добрались до Днѣпра. Рѣка текла между высокими и крутыми берегами, образуя небольшую излучину. Только въ этомъ одномъ мѣстѣ, — оно называлось Сырокоренье, — образовался уже тонкій ледъ. Не теряя времени, Ней приступилъ къ переправѣ. Ледъ былъ, однакоже, не столько тонокъ и хрупокъ, что немислимо было переправлять по немъ орудія и тяжести. Пришлось бросить послѣднюю артиллерію и обозъ, пришлось даже покинуть на произволъ судьбы больныхъ и раненыхъ. Только нѣсколько лошадей успѣли перейти черезъ рѣку. Солдаты перебирались плѣшкомъ и въ одиночку. Нѣкоторые слабые и раненые переползли на четверенькахъ; другихъ перетаскивали товарищи. Днѣпръ былъ

*) См. записки генерала Раевского.

перейдуть, по оставалось еще до Орши 15 лье и притомъ по странѣ неизвѣстной, покрытой по большей части дремучими лѣсами. Счастіе вначалѣ благопріятствовало бѣглецамъ. Въ одной деревушкѣ по пути они захватили въ расщельи нѣсколько казаковъ и взяли ихъ въ плѣнъ. Въ другой деревнѣ, брошенной при ихъ приближеніи жителями, имъ удалось найти запасъ картофеля и хлѣба. Но вскорѣ явились казаки и притомъ цѣлыми массами подъ предводительствомъ самого атамана Платова. Почти ежеминутно тревожили они бѣглецовъ своими внезапными атаками, своимъ дикимъ крикомъ. Казаки везли съ собою на саняхъ пушки, и солдаты Нея, потерявшіе свои послѣднія орудія, при переправѣ черезъ Днѣпръ, подвергались на каждомъ сколько-нибудь открытомъ мѣстѣ, на каждой лѣсной полянѣ, ихъ губительному огню. Теряя на каждомъ шагу нѣсколько людей, борясь почти съ непреодолимыми трудностями, доводимые нерѣдко до отчаянія при видѣ своихъ изнемогающихъ товарищей, бросаемыхъ на произволь судьбы, они шли тѣмъ не менѣе впередъ, поддерживаемые примѣромъ своего геройскаго вождя. Почти три дня продолжалось это безпримѣрное отступление. Наконецъ, утромъ 9-го ноября Нея достигъ Орши и соединился съ великою арміею, но изъ всего его корпуса у него осталось только 800 человекъ *).

Сраженія подъ Краснымъ далеко не имѣли тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, которыхъ слѣдовало ожидать отъ нихъ. Наполеонъ успѣлъ пробиться черезъ поставленныя ему преграды, но тѣмъ не менѣе положеніе его было самое печальное. Потери, понесенныя его арміею подъ Краснымъ, были громадныя и невознаградимы. Корпусъ Нея и дивизія Рюкара были совершенно истреблены; войска вице-короля понесли большія потери; даже гвардія потерпѣла значительную убыль. О кавалеріи и артиллеріи не могло быть уже болѣе и рѣчи. Помимо громадной массы разрозненныхъ и безоружныхъ у

*) Самыя подробности и точныя свѣдѣнія объ отступленіи Нея мы находимъ у его сподвижника и слутника, полковника Фезензака. См. *Souvenirs militaires*, стр. 309—322. См. также Шамбре. Т. II, стр. 464—473; Сегюръ. Т. II, стр. 288—310. Тамъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ только вскользь, стр. 372—373.

Наполеона оставалось въ строю не болѣе 25000 человекъ *). А между тѣмъ число враговъ росло съ каждымъ днемъ, и отовсюду приходили роковыя вѣсти. Въ одинъ и тотъ-же день императоръ получилъ дописанія, что Викторъ имѣлъ на Улѣ новое, перѣшительное столкновение съ Витгенштейномъ, и что адмиралъ Чичаговъ захватилъ Минскъ со всѣми собранными тамъ припасами.

Чрезвычайно интересны тѣ колебанія, въ которыя впадаетъ Наполеонъ при этихъ извѣстіяхъ. Онъ видитъ, что фланговая армія, на которыхъ основывались всѣ его надежды на спасеніе, отступаютъ шагъ за шагомъ предъ наступающимъ противникомъ; онъ чувствуетъ, что желѣзное кольцо, давнишнее его до селѣ только съ боковъ и сзади, готово сомкнуться передъ нимъ и спереди и задуть его и его всемірную монархію въ своихъ объятіяхъ. Но онъ возстаетъ противъ своей судьбы, онъ намѣренъ бороться съ нею до послѣдней крайности. Отчаянные, неудобноисполнимые планы рождаются въ его головѣ, онъ требуетъ ихъ немедленнаго исполненія. Онъ хочетъ отнять у русскихъ обратно Минскъ, возстановить сообщенія съ Шварценбергомъ и Ренне и расположить свои войска на зимнія квартиры за Березиною. Съ этою цѣлью онъ предписываетъ маршалу Удино двинуться съ Улы къ Борисову, соединиться тамъ съ дивизіями Домбровскаго и Брониковскаго, идти на Минскъ и вытѣснить оттуда Чичагова. Распоряженіе во всѣхъ отношеніяхъ невозможное **). Что могъ сдѣлать Удино съ своими 12,000 съ Чичаговымъ, въ распоряженіи котораго находилось по крайней мѣрѣ втрое болѣе войска, да и къ чему могло повести обратное взятіе Минска? Неужели Наполеонъ предполагалъ, что онъ найдетъ тамъ въ пещеркосности и цѣлости заготовленные припасы? Не менѣе невозможную задачу возлагалъ Наполеонъ на Виктора. Этотъ маршалъ долженъ былъ въ одно и тоже время задерживать Витгенштейна, маскировать отъ него движеніе Удино и занять

*) О результатахъ сраженій подъ Краснымъ см. Бѣгдановичъ. Т. III, стр. 143—145; Беригарди. Т. II, стр. 315—321.

***) См. Шамбре. Т. II, стр. 451.

такую позицію, въ которой онъ былъ-бы ближе къ Вильнѣ, Борисову и Оршѣ, нежели къ непріятелю. Не прошло, однакоже, и 24 часовъ, какъ Наполеонъ уже самъ убѣдился въ неосновательности своихъ комбинацій. Виктору и Удино посланы были новые приказы. Они должны были отступать къ Борисову, прикрывать флангъ великой арміи отъ покушеній Витгенштейна, и соединиться затѣмъ съ нею передъ Березиною *).

Отдавая эти приказы, Наполеонъ пытался въ то же время реорганизовать по возможности свою собственную армію и возстановить падающій ея духъ. Эти одиночные люди, бросившіе свое оружіе и тащившіеся вслѣдъ за войсками, приводили его въ негодованіе. Но и люди, остававшіеся еще въ строю, не могли внушить ему особаго довѣрія. Исхудалые, обросшіе бородами, полуслѣзные отъ бивуачнаго дыма и нестерпимаго блеска снѣга, съ отмороженными членами, они походили скорѣе на пугаль или бродягъ, нежели на грозныхъ воиновъ непобѣдимой арміи. Давно уже утратили они послѣднюю бодрость духа, переставали уже узнавать другъ друга **). Надо было оживить во что-бы то ни стало этихъ полумертвецовъ, надо было принять самыя рѣшительныя мѣры противъ этихъ безоружныхъ бродягъ, распространявшихъ своимъ пагубнымъ примѣромъ безпорядокъ и панику. Здѣсь въ Оршѣ представлялись, повидимому, всѣ удобства для столь необходимой реорганизаціи. При переправѣ черезъ Днѣпръ можно было задержать всѣхъ безоружныхъ и заставить ихъ силою возвратиться къ своимъ частямъ. Тутъ можно было раздать войскамъ свѣжіе припасы. Наконецъ, здѣсь-же представлялась возможность возстановить артиллерію, такъ какъ въ Оріу высланъ былъ на встрѣчу арміи не только артиллерійскій паркъ изъ 36 орудій, но и достаточное количество свѣжихъ не заморенныхъ лошадей.

Но прежде, нежели приступить ко всѣмъ этимъ преобразованіямъ, Наполеонъ пытался поднять нравственное состояніе своихъ войскъ своимъ примѣромъ и словомъ. Онъ вдругъ

*) См. Шамбре. Т. II, стр. 452—53.

**) Шамбре. Т. II. Только появленіе казаковъ вывело ихъ изъ забытія.

понялъ, что не слѣдуетъ такому великому полководцу, какъ онъ, держать себя вдали отъ арміи, скрываться отъ взоровъ солдатъ въ закрытомъ экипажѣ, тщательно избѣгать всѣхъ неудобствъ погоды и бивуака. И вотъ уже по выходѣ изъ Дубровны, на пути къ Ориѣ, Наполеонъ является на копь среди своихъ войскъ *). Онъ приказываетъ старой гвардіи остановиться среди поля и построиться въ карре. Ставъ по срединѣ карре, онъ обращается къ солдатамъ съ такою рѣчью: „Гренадеры моей гвардіи! вы видите разстройство арміи; многіе изъ солдатъ въ бѣдственномъ ослѣпленіи бросили свое оружіе. Если вы послѣдуете этому пагубному примѣру, то всѣ наши надежды погибнуть. Отъ васъ зависитъ спасеніе арміи; вы оправдаете мнѣніе, которое я имѣлъ всегда о васъ. Недостаточно, чтобы одни офицеры поддерживали строгую дисциплину; вы сами, солдаты, должны смотрѣть другъ за другомъ и наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся оставить ряды“. Рѣчь Наполеона не произвела, однако-же, сильнаго впечатлѣнія на солдатъ. Да и не удивительно! Наполеонъ говорилъ такимъ слабымъ голосомъ, въ его словахъ звучало такъ мало увѣренности и надежды. Онъ говорилъ только о возможности ускользнуть отъ гибели, онъ не дѣлалъ солдатамъ никакихъ обѣщаній, и ветеранамъ гвардіи, не привыкшимъ къ подобнымъ рѣчамъ, казалось, что самъ императоръ подавленъ ужасомъ настоящаго положенія, что и онъ не въ состояніи усмотрѣть что-либо отрадное въ непроглядномъ мракѣ будущаго. Очевидцы не говорятъ, раздались-ли въ отвѣтъ императору обычные клики, но они не скрываютъ, что краснорѣчіе полководца не въ силахъ было уже оживить умирающую армію **).

*) „Начиная отъ Краснаго, Наполеонъ часто шель пѣшкомъ, сопровождаемый всѣмъ своимъ штабомъ. Онъ видѣлъ не содрагаясь, какъ проходили передъ нимъ жалкіе остатки когда-то могучей арміи. Его присутствіе никогда не вызвало ренюта, напротивъ оно ободряло самыхъ трусливыхъ; они успокоивались, видя среди себя императора“. Лабомъ, стр. 360.

**) Napoleon prononça ce discours d'une voix faible et mal assurée, comme s'il eut été souffrant, on remarqua que, contre son habitude, il n'avait fait aucune promesse, sans doute parce qu'il trouva l'avenir assez effrayant pour qu'on put difficilement y ajouter foi“. Шамбре. Т. II, стр. 455. „Онъ думалъ, что его рѣчи будутъ для солдатъ манною въ пустынь; говоря оскорбленія офицерамъ

Тамъ, гдѣ не помогало краснорѣчіе, должны были помочь мѣры иного рода. Объ этихъ мѣрахъ возвѣщала императорская прокламація, опубликованная тотчасъ-же по прибытіи въ Оршу. „Солдаты!“—говорилось въ началѣ прокламаціи, — „многіе изъ васъ покинули свои знамена и идутъ въ разсыпную; они нарушаютъ тѣмъ свой долгъ, поносятъ честь арміи и причиняютъ ей вредъ. Блуждая въ различныхъ направленіяхъ, они попадаютъ въ руки непріятеля. Необходимо положить предѣлъ подобному безпорядку“. Прокламація предписывала вслѣдъ за тѣмъ разрозненнымъ солдатамъ немедленно-же вернуться къ своимъ знаменамъ и назначала особые сборные пункты для каждаго корпуса. Непослушнымъ грозило самое тяжкое наказаніе. Отъ нихъ должны были отбирать лошадей, провіантъ и добычу, и предавать ихъ военному суду. Предписывалось также сжечь все лишніе экипажи, повозки и фуры, и оставить лишь тѣ изъ нихъ, которыя служили для перевозки московскихъ бѣглецовъ *).

Какъ ни строго составлена была прокламація, какъ ни громогласно объявляли ее по всеѣмъ улицамъ и закоулкамъ Орши и на сосѣднихъ бивуакахъ, но она не возымѣла желаннаго дѣйствія. Только немногіе изъ бѣглецовъ возвратились къ знаменамъ, громадное большинство успѣло въ концѣ концовъ обмануть бдительность стражи, поставленной у мостовъ, и ускользнуть вслѣдъ за уходящею арміею за Двѣпръ. Реорганизаторскія попытки Наполеона потерпѣли полную неудачу. Поздно и невозможно было сдѣлать въ Оршѣ то, что слѣдовало сдѣлать въ Москвѣ **). Страшная трагедія приближалась къ развязкѣ. Ничто не могло уже спасти великой арміи, обреченной на истребленіе болѣе выспею силою, нежели сила человѣче-

и лести солдатамъ, онъ думалъ навести страхъ на однихъ и вселить мужество въ другихъ. Но времена энтузіазма, когда одно слово его творило чудеса—прошли. Деспотизмъ его подавилъ все; онъ самъ убилъ въ насъ тѣ благородныя чувства и лишилъ себя тѣмъ единственнаго средства электризовать наши души“. Лабомъ, стр. 368.

*) Шамбре. Т. II, стр. 456—459.

***) „Критическое положеніе, въ которое попалъ Наполеонъ“, замѣчаетъ Шамбре, „вынудило у него мѣры, которыя онъ долженъ былъ принять, оставляя Москву“. Т. II, стр. 459.

ская. Противники совершали уже столько ошибокъ, выводящихъ ее изъ самыхъ отчаянныхъ положеній. И подъ Малоярославцемъ, и подъ Вязмою, и подъ Краснымъ Наполеонъ спасенъ былъ не столько своими гениальными распоряженіями, сколько тѣмъ обаяніемъ, тѣмъ страхомъ, которые продолжали сопутствовать его гению и въ годину несчастія. Теперь противники готовились совершить новыя, быть можетъ, величайшія ошибки; они собирались открыть ему выходъ изъ той ловушки, которая ожидала его на берегахъ Березины. Да, великій завоеватель преодолѣетъ и эту послѣднюю страшную преграду, опъ перейдетъ черезъ Березину и явится еще разъ побѣдителемъ! Все напрасно! Эта послѣдняя побѣда дастъ ему возможность спасти самого себя, но она будетъ лишь послѣднимъ судорожнымъ движеніемъ въ предемертной агоніи его арміи!

В. Жадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Пишу осенью. Холодное ея дыханіе понемногу губить красоты лѣта и мертвить остатки свѣжей жизни въ окружающей насъ природѣ; въ сердце невольно прокрадывается сожалѣніе о прелестяхъ, какъ сонъ, промелькнувшей весны; гдѣ-то, на самомъ днѣ души начинаютъ шевелиться печальныя мысли о неизбежной гибели на землѣ всего прекраснаго и дорогаго нашему сердцу. Печальной картинѣ осенней, замирающей природы совершенно соотвѣтствуетъ другая картина нравственнаго разрушенія, представляющаяся мнѣ въ трудѣ, который беру на себя, и усиливаетъ грустное настроеніе. Съ страданіемъ сердца и горечью берусь я за перо, чтобы высказать хотя часть того, что я передумалъ и перечувствовалъ, читая и перечитывая безотрадные страницы „Исповѣди“ графа Льва Николаевича Толстаго. Въ этой исповѣди я не могу видѣть ничего иного, кромѣ самаго мучительнаго доказательства гибели его великаго таланта. Я такъ любилъ его, я такъ привыкъ жить въ средѣ созданныхъ имъ художественныхъ образовъ, мнѣ такъ отрадно было вникать въ прозрачныя глубины того міра, который съ своими радостями и скорбями, добродѣтелями и пороками, развертывался предъ моимъ удивленнымъ взоромъ по манію его могучаго вдохновенія, — и вдругъ онъ самъ, авторъ этихъ созданій, рассказываетъ мнѣ о какой-то изнанкѣ этого міра, — вдругъ я вижу, какъ эта изнанка прорывается на лицо,

какъ она спутываетъ прекрасные образы и разрушаетъ гармонію, къ которой я такъ привыкъ;—и вдругъ я вижу, какъ, наконецъ, цѣлый свѣтлый міръ мысли любимаго мною поэта невозвратно „рушится въ безнадежную бездну хаоса“. Да! Эта его „моя вѣра“, въ которой онъ пришелъ,—что она такое, какъ не смутный хаосъ противорѣчій, неясностей, несообразностей, невозможностей,—хаосъ, враждующій съ яснымъ царствомъ порядка и идеаловъ, которыми до сихъ поръ жило лучшее человѣчество? И этотъ хаосъ выдается, однако, своимъ авторомъ за самую чистую истину, за разумѣніе жизни, которое есть отецъ всяческой жизни, за Бога, живущаго въ душѣ человѣка, о которомъ будто-бы говоритъ истинное христіанство,—за Бога, существо и сознаніе котораго заключается всецѣло въ разумѣ нашего поэта. Что такое проповѣдь этой истины, какъ не проповѣдь самообоготворенія, до котораго дошелъ графъ мучительнымъ путемъ безбожной жизни и отчаянія, составляющаго неизбѣжное слѣдствіе такой жизни? Его „Исповѣдь“ есть именно тяжелое, толкущееся на одномъ мѣстѣ болѣзненное описаніе этого пути къ обоготворенію собственнаго разума. Представьте себѣ, читатель, что у васъ есть дорогой другъ, дорогое существо, которому вы обязаны лучшими минутами вашей жизни, который былъ такъ высокъ и такъ достоинъ уваженія. И вотъ этотъ вашъ другъ совершенно неожиданно для васъ тревожно останавливается на васъ свое вниманіе, лихорадочно смотритъ вамъ въ глаза, съ беспокойствомъ начинаетъ говорить о томъ, что онъ скверно жилъ, что жизнь есть зло, что нужно убить себя,—и вдругъ съ торжествующей улыбкой объявляетъ: вотъ мое разумѣніе жизни, вотъ разумъ мой, я Богъ! И вы къ ужасу своему начинаете вспоминать, что предвѣстники такого результата были уже и прежде, что и прежде было что-то странное въ словахъ вашего друга, чему, однако, вы не придавали прежде никакого значенія. Развѣ это не печально до слезъ! Да проститъ мнѣ великій духъ поэта, котораго я читалъ, которому удивлялись Россія и Европа,—да проститъ эти жестокія слова! Они не къ нему относятся! Они относятся къ писателю совершенно другому, къ автору „Исповѣди“, къ ослѣпленному искажителю Евангелія, къ

дерзкому хулителю и отрицателю въ принципѣ государства, всякаго гражданскаго общества и церкви, науки, искусства и религии. Моя совѣсть дѣлаетъ другую оцѣнку этому писателю, чѣмъ прежде столько любимому мною поэту. Тѣмъ съ большею смѣлостію я буду говорить о немъ, чѣмъ съ большею дерзостію онъ нападаетъ на все, что есть самаго святаго у человѣка. Итакъ послѣдуемъ, читатель, за графомъ по этому печальному пути къ самообоготворенію и хаосу противорѣчій, о которомъ онъ рассказываетъ въ своей „Исповѣди“. Разсказъ этотъ любопытенъ, поучителенъ и печаленъ въ высшей степени: онъ любопытенъ, потому что представляетъ страницу изъ жизни нашего такъ называемаго образованнаго общества, изъ жизни людей „нашего круга“, какъ говоритъ графъ; онъ поучителенъ, потому что характеристиченъ, и наконецъ печаленъ, потому что показываетъ такой безотрадный результатъ. Но мы прослѣдимъ этотъ разсказъ только въ главныхъ его моментахъ, сообразно съ главными моментами жизни графа. Этихъ моментовъ я нахожу девять: 1) описаніе безбожной жизни въ средѣ людей „нашего круга“; 2) описаніе литературнаго и педагогическаго учительства подъ вліяніемъ вѣры въ прогрессъ, безъ знанія, чему нужно учить; 3) описаніе отчаянія, когда графъ замѣтилъ бессмыслицу безбожной жизни; 4) описаніе того, какъ онъ искалъ истиннаго смысла жизни въ наукѣ и въ истинной философіи и нашелъ, что жизнь есть зло; 5) описаніе того, какъ онъ живію, фактомъ жизни, обрѣлъ вѣру, дающую смыслъ жизни и черезъ то возможность жить; 6) какъ онъ посредствомъ этой вѣры обрѣлъ Бога въ самомъ себѣ, въ своемъ разумѣніи жизни; 7) какъ онъ вслѣдствіе этого хотѣлъ сдѣлаться православнымъ христіаниномъ, но не могъ; 8) указаніе причинъ, окончательно оттолкнувшихъ его отъ православія и 9) указаніе того, какъ созрѣла въ немъ рѣшимость очистить христіанство отъ лжи на основаніи найденнаго имъ въ себѣ разумѣнія жизни. Вотъ краткій перечень тѣхъ девяти уступовъ, по которымъ, мы, читатель, послѣдовательно, какъ въ Дантовомъ аду, спустимся вслѣдъ за графомъ въ самый центръ хаоса сего мышленія—въ мрачную бездну самообоготворенія.

Но теперь-же прошу васъ, читатель, слѣдуя по этому пути, не ослѣпляйтесь тѣми проблесками погибающаго таланта, которые еще блвстають во тьмѣ его мысли. Когда дѣло идетъ о различныхъ душевныхъ состоянiяхъ, пережитыхъ авторомъ, то тотчасъ-же чувствуется вся ихъ реальная правда и мастерство въ ихъ изображенiи; но когда дѣло касается логическаго мышленiя, тогда обнаруживается вся запутанность, вся претензiозность его пониманiя. На сколько оказывается правдивымъ пережитое и пережитое, на столько-же оказывается фальшивымъ и несостоятельнымъ теченiе его мысли. Первое невольно подкупаетъ и располагаетъ въ пользу автора; напротивъ, второе смущаетъ, возбуждаетъ недовѣрiе и отталкиваетъ. Первое прiобрѣло автору громадный кругъ читателей; второе служить причиною, почему онъ не можетъ найти послѣдователей, а возбуждаетъ лишь любопытство и толки. Самый языкъ автора есть языкъ описательный, а не языкъ отвлеченнаго мышленiя. Поэтому отвлеченныя понятiя онъ скорѣе описываетъ, чѣмъ точно логически опредѣляетъ. Получается что-то повидимому очень понятное и ясное, но на самомъ дѣлѣ трудно уловимое и постижимое. Самъ авторъ не разъ признается, какъ видимость яснаго пониманiя неоднократно обманывала его самого, какъ онъ въ продолженiе своей жизни часто не понималъ ясно самыхъ руководящихъ своихъ правилъ, хотя можетъ быть и чувствовалъ смутно ихъ ложь, или истину. Назидательный примѣръ того, что знаменитые художники не всегда великiе мыслители. Итакъ, читатель, старайтесь отдѣлить правду чувствъ отъ фальши мысли, слѣдуя со мною за различными моментами „Исповѣди графа“.

I.

Люди „нашего круга“.

„Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ“, такъ начинаетъ нашъ авторъ свою исповѣдь. Что онъ былъ крещенъ, это, конечно, правда; но что онъ былъ воспитанъ въ православной вѣрѣ, это сомнительно. Мнѣ кажется, что онъ самъ опровергаетъ это, когда далѣе говоритъ,

что онъ никогда не вѣрилъ серьезно. Развѣ воспитанные въ *отрѣ* могутъ *никогда* не вѣрить серьезно? Предоставимъ, однако, говорить самому автору.

„Я былъ крещенъ и воспитанъ въ православной вѣрѣ. Меня учили вѣрѣ съ дѣтства и во время моего отрочества и юности. Но когда я 18 лѣтъ вышелъ со втораго курса университета, я не вѣрилъ уже ни во что, чему меня учили. Судя по нѣкоторымъ воспоминаніямъ, я никогда и не вѣрилъ серьезно, а имѣлъ только довѣріе къ тому, чему меня учили, и что исповѣдали передо мною большіе; но довѣріе это было очень шатко. Помню, когда мнѣ было лѣтъ 11, одинъ мальчикъ, давно умершій, Володинъ М., учившійся въ гимназій, придя къ намъ на воскресенье, какъ послѣднюю новинку объявилъ намъ открытіе, слышанное въ гимназій. Открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ, и что все, чему учатъ, однѣ выдумки (это было въ 1838 г.). Помню, какъ старшіе братья заинтересовались этой новостью, позвали и меня на совѣтъ, и мы всѣ, помню, очень оживились и приняли это извѣстіе какъ что-то очень занимательное, интересное и весьма возможное. Помню еще, какъ, когда старшій братъ мой, Дмитрій, будучи въ университетѣ, вдругъ, со свойственной его натурѣ страстностью, предался вѣрѣ и сталъ ходить ко всѣмъ службамъ, поститься, вести чистую и правильную жизнь, то мы всѣ, и даже старшіе, не переставали его поднимать на смѣхъ и прозвали почему-то Ноемъ. Помню, Мусинъ-Пушкинъ, бывшій тогда попечителемъ Казанскаго университета, звавшій насъ къ себѣ танцевать, насмѣшливо уговаривалъ отказывавшагося брата тѣмъ, что и Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ. Я сочувствовалъ тогда этимъ шуткамъ старшихъ и выводилъ изъ нихъ заключеніе, что учить катихизисъ надо, ходить въ церковь надо, но слишкомъ серьезно принимать этого не слѣдуетъ. Помню еще, что я очень молодымъ читалъ Вольтера, и насмѣшки его не только не возмущали, но очень веселили меня“.

Прочитавши эти признанія, можете-ли вы, читатель, повѣрить графу, что онъ былъ воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ? Развѣ для воспитанія въ этой вѣрѣ въ учеб-

ныхъ заведешяхъ объявляютъ, что нѣтъ Бога? Развѣ для этого старшіе должны насмѣхаться надъ тѣмъ, кто „страстно пре-
дается вѣрѣ“? Развѣ увеселеніе насмѣшками надъ христіан-
ствомъ, хотя-бы и Вольтеровыми, составляетъ одно изъ средствъ
христіанскаго воспитанія? Нѣтъ, это воспитаніе не христіан-
ское, а противохристіанское, и оно можетъ въ результатѣ
дать лишь одно невѣріе. Учить катихизисъ не значитъ воспи-
тываться въ православіи, это значитъ на память усвоивать
доктрину христіанства. Но доктрину христіанства можно изу-
чать, не будучи христіаниномъ, подобно тому, какъ магоме-
танское ученіе можно изучать, не будучи магометаниномъ. И
такъ я не вижу доказательствъ, чтобы графъ былъ воспитанъ
въ христіанской православной вѣрѣ. Напротивъ, самъ графъ,
вопреки собственному заявленію, неопровержимо доказываетъ,
что хотя онъ въ дѣтствѣ училъ катихизисъ и исполнялъ хри-
стіанскіе обряды, однако не былъ воспитанъ хотя-бы въ ка-
кой-нибудь вѣрѣ въ Бога. Поэтому для меня удивительно,
что послѣ этихъ признаній графъ начинаетъ говорить о томъ,
какъ и онъ и люди его круга теряютъ то, чего не имѣютъ,
т. е. вѣру. И еще удивительнѣе причины, которыми объяс-
няется эта удивительная потеря.

„Отпаденіе мое отъ вѣры произошло во мнѣ такъ, какъ оно
происходитъ теперь въ людяхъ нашего склада образованія.
Оно, мнѣ кажется, происходитъ въ большинствѣ случаевъ
такъ: люди живутъ такъ, какъ всѣ живутъ, а всѣ живутъ
на основаніи началъ, не только не имѣющихъ ничего общаго
съ вѣроученіемъ, но большею частію противоположныхъ ему.
Вѣроученіе не участвуетъ въ жизни. Въ сношеніяхъ съ дру-
гими людьми никогда не приходится сталкиваться, и въ соб-
ственной жизни никогда не приходится справляться съ нимъ.
Вѣроученіе это исповѣдуется гдѣ-то тамъ, вдали отъ жизни
и независимо отъ нея. Если сталкиваешься съ нимъ, то толь-
ко какъ съ внѣшнимъ, несвязаннымъ съ жизнію явленіемъ.
По жизни человѣка, по дѣламъ его какъ и теперь, такъ и
тогда, никакъ нельзя узнать, вѣрующій онъ, или нѣтъ. Если
и есть различіе между явно исповѣдующимъ православіе и
отрицающимъ его, то не въ пользу перваго какъ теперь, такъ

и тогда: явное признаніе и исповѣданіе православія большею частію встрѣчалось въ людяхъ тупыхъ, жестокихъ, безнравственныхъ и считающихъ себя очень важными; умъ же, честность, прямота, добродушіе и нравственность большею частію встрѣчались въ людяхъ, признающихъ себя невѣрующими. Въ школахъ учатъ катихизисъ и посылаютъ учениковъ въ церковь; отъ чиновниковъ требуютъ свидѣтельствъ о бытіи у причастія. Но человекъ нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службѣ, и теперь, и встарину еще больше, можетъ прожить десятки лѣтъ, не вспомнивъ ни разу о томъ, что онъ живетъ среди христіанъ и самъ считается исповѣдующимъ христіанскую православную вѣру. Такъ что, какъ теперь, такъ и прежде, вѣроученіе, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, по немногу таетъ подъ влияніемъ знаній, опытовъ жизни и противоположныхъ вѣроученій, и человекъ очень часто долго живетъ, воображая, что въ немъ то вѣроученіе, которое сообщено ему было съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣдовъ.— Мнѣ рассказывалъ С., умный и правдивый человекъ, какъ онъ пересталъ вѣрить *). Лѣтъ 16 уже, онъ, разъ на почлегѣ во время охоты, по старой съ дѣтства принятой привычкѣ, сталъ вечеромъ на молитву. Старшій братъ, бывшій съ нимъ, лежалъ на сѣнѣ и смотрѣлъ на него. Когда С. кончилъ и сталъ ложиться, братъ сказалъ ему: „А ты еще дѣлаешь все это“? И больше ничего не сказали они другъ другу. С. пересталъ съ этого дня становиться на молитву и ходить въ церковь. И вотъ 30 лѣтъ не молится, не причащается и не ходитъ въ церковь. И не потому, что не зналъ убѣжденій брата и присоединился къ нимъ не потому, что рѣшилъ что-нибудь въ душѣ своей, а только потому, что эти слова были какъ толчекъ пальцемъ въ стѣну, которая готова была упасть отъ собственной тяжести. Слово это было указаніемъ на то, что тамъ, гдѣ онъ думалъ, что есть вѣра, давно уже

*) Рассказъ напоминаетъ сцену изъ романа „Анна Каренина“, гдѣ описывается тоже самое. Графъ и здѣсь говоритъ не то, что слѣдуетъ. Рассказъ идетъ о томъ, какъ этотъ человекъ пересталъ молиться и вѣрить, ибо дальше самъ графъ говоритъ, что вѣры у этого человека уже не было.

пустое мѣсто, и что потому слова, которыя онъ говорилъ, кресты и поклоны, молитвы суть вообщѣ безсмысленныя дѣйствія. Сознавъ ихъ безсмысленность, онъ не могъ продолжать ихъ.—Такъ было и бываетъ, я думаю, съ огромнымъ большинствомъ людей. Я говорю о людяхъ нашего образованія, о людяхъ правдивыхъ съ самими собой, а не о тѣхъ, которые самый предметъ вѣры дѣлаютъ средствомъ для достиженія какихъ-бы то ни было временныхъ цѣлей (эти люди самые коренные невѣрующіе, потому что, если вѣра у нихъ—средство житейскихъ цѣлей,—она навѣрно не вѣра). Эти люди нашего образованія находятся въ томъ положеніи, что свѣтъ знанія жизни растопилъ искусственное зданіе и они или уже замѣтили это, и уже освободили мѣсто, или еще не видятъ“.

Во всемъ этомъ описаніи жизни людей образованнаго общества опять я не могу видѣть того, что видитъ графъ. Развѣ это описаніе отпаденія отъ вѣры? Развѣ могутъ отпадать отъ вѣры люди, живущіе на основаніи иныхъ началъ дѣятельности, которые давно уже имѣютъ вмѣсто вѣры пустое мѣсто въ душѣ своей, которые, когда перестаютъ исполнять обрядовую сторону вѣры, ничего не рѣшаютъ въ душѣ своей. Воля ваша, но тутъ нѣтъ отпаденія отъ вѣры, потому что никто не можетъ отпасть отъ вѣры, не имѣя вѣры. Поэтому во всей этой тирадѣ я ничего не могу видѣть другаго, какъ только засвидѣтельствованіе того факта, что люди высшего общества жили безъ вѣры, а можетъ быть и живутъ безъ нея теперь. Фактъ этотъ очень многознаменателенъ, особенно по отношенію къ нашему времени. Онъ напоминаетъ намъ то, чего мы не должны-бы забывать. Мы жалуемся на упадокъ вѣры, на разстройство нравственно-религіознаго воспитанія и винимъ въ этомъ духовенство и духовныя семинаріи, которыя будто-бы играютъ роль разсадниковъ безбожія. Можетъ быть, конечно, какимъ-нибудь образомъ виновато въ этомъ и духовенство; можетъ быть въ какой-нибудь семинаріи и былъ когда-нибудь вольнодумецъ. Но намъ не слѣдовало-бы забывать хронологическихъ данныхъ. Намъ слѣдовало-бы помнить, что въ 38 году, когда семинаріи ни въ какомъ случаѣ нельзя бы-

ло обвинять въ безбожіи, въ гимназіяхъ оно проповѣдывалось 11 лѣтнимъ дѣтямъ. Что такъ называемое образованное общество уже тогда, и еще раньше, ставило какъ-бы въ особую заслугу не только жить безъ вѣры, на основаніи какихъ-то иныхъ началъ, но что оно насмѣхалось надъ религіей со словъ французскаго просвѣщенія, что безбожіе оно считало своей привиллегіей, на которую другіе не имѣли права, что люди этого круга сами не вѣрили въ Бога, но полагали, что всѣ другіе обязаны вѣрить, по своему невѣжеству,—все это намъ не мѣшало-бы помнить. Люди этого круга ведутъ свою родословную еще съ болѣе ранняго времени, чѣмъ на какое указываетъ графъ. О нихъ упоминаетъ еще Фонъ-Визинъ въ своихъ „Чистосердечныхъ признапіяхъ“. Намъ слѣдовало-бы помнить, что люди этого круга воспитывались между дѣвичьей, въ которой смягчались нравы подъ вліяніемъ женщинъ, и лакейской, въ которой испытывались административныя способности, воспитывались подъ руководствомъ какого-нибудь француза, который въ качествѣ гувернера начинаеть головы Руссо, Вольтеромъ, Дидро и прочими писателями, враждебными не только православію, но и религіи вообще. Что-же удивительнаго въ томъ, что въ наше время намъ приходится видѣть прямыя результаты и тогдашняго смягченія нравовъ, и тогдашней привычки къ администраціи, и тогдашняго противуправославнаго просвѣщенія. Между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ разница одна: что тогда было особенностію людей „нашего круга“, то теперь сдѣлалось достояніемъ разночинцевъ, и потому приобрѣло болѣе рѣзкій и бьющій въ глаза характеръ. Отцы наши ѣли кислое, а у дѣтей оскомина. (Іерем. 31, 29).

„Эти люди нашего круга, говоритъ графъ, находятся въ томъ положеніи, что свѣтъ знанія и жизни растопилъ искусственное зданіе, и они уже замѣтили это и уже освободили мѣсто, или еще не видятъ“. Выходитъ, что если человѣкъ не исполняетъ христіанскаго ученія, живетъ на основаніи иныхъ началъ, то это потому, что свѣтъ знанія и жизни растопилъ зданіе христіанскаго ученія. Мнѣ кажется, съ этимъ не возможно согласиться. Мнѣ кажется, что вѣра исчезаетъ изъ ду-

ни челоуѣка не подѣ вліяніемъ свѣта знанія и жизни, а подѣ вліяніемъ тьмы знанія и жизни. Главное—тьмы жизни,—страстей, эгоизма, т. е. грѣха. Можно и вѣрить, по руководствоваться въ своей жизни совѣмъ не вѣрою, а страстями, которыя пробуждаются раньше сознательнаго убѣжденія. Можно совершенно ясно видѣть, что пьянство зло, а трезвость добро, и все-таки можно пить запоемъ. *Video meliora, proboque, deteriora sequor.* *Не ежѣ хочу доброе сіе творю, но ещѣ не хочу, злое, сіе содѣваю.* *Ибо имѣ законѣ во удрѣзѣ моихъ, противоболуюющѣ закону ума моего и плыняющѣ мѣ закономѣ грѣховнымѣ.* Въ этомъ возстаніи грѣха на все идеальное, не исключая и религіозныхъ убѣжденій, заключается тайна грѣха. Подѣ вліяніемъ этого возстанія грѣха челоуѣкъ сначала раздвоается: убѣжденъ въ одномъ, а дѣлаетъ другое. Потомъ забываетъ свое убѣжденіе и начинаетъ оправдывать свои дѣла, противныя этимъ убѣжденіямъ. Наконецъ, подѣ вліяніемъ этихъ оправданій у него являются новыя убѣжденія, противныя прежнимъ. Такъ *отъ сердца происходятъ помышленія злая.* Такъ подѣ вліяніемъ грѣха исчезаетъ изъ души вѣра въ истину. Такъ ветхій челоуѣкъ воюетъ противъ новаго и въ душѣ христіанина. Въ этомъ состоитъ главная причина, почему христіане живутъ несоотвѣтственно христіанству, ученые несоотвѣтственно наукѣ, либералы несоотвѣтственно своему либерализму. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы въ людяхъ, описываемыхъ графомъ, вѣра исчезала потому, что свѣтъ знанія и жизни начиналъ управлять жизнью вмѣсто вѣры, тогда жизнь образованнаго общества всегда соотвѣтствовала-бы этому знанію и этому свѣту жизни. Но вѣдь люди, промѣнявшіе христіанство на Вольтера, Руссо, Мирабо, Лафайета и другихъ, на этотъ блудящій свѣтъ знанія, развѣ жили соотвѣтственно этому знанію? Отъ того времени мы имѣемъ не менѣе достовѣрное свидѣтельство, что эти благородные и правдивые люди поступали какъ-разъ вопреки тому, что думали. Графъ открытое признаніе православія встрѣчалъ лишь въ людяхъ тупыхъ, жестокихъ и безнравственныхъ; а умъ, честность, добродушіе, нравственность—въ безбожникахъ. Но извѣстный поэтъ-партизанъ, Денисъ Ивановичъ Давыдовъ, въ своей не менѣе из-

вѣстной „Современной пѣсни“, которая написана около 35 года, говорилъ иное. По его словамъ:

Всякій маменькинъ сыночекъ,
 Всякій обиразо,
 Модныхъ бредней дурачекъ,
 Корчитъ либерала.
 Деспотизма супостать,
 Равенства ораторъ,
 Вздудся слѣпъ и бородаць,
 Гордый регистраторъ.
 Томи Тьера и Рабо
 Онъ на память знаетъ,
 И, какъ арый Мирабо,
 Вольность прославляетъ.
 А глядишь—нашъ Мирабо
 Старого Гаврила
 За измятое жабо
 Хлещеть въ усъ да въ рыло,
 А глядишь,—нашъ Лафайетъ,
 Брутъ или Фабрицій,
 Мужичковъ подъ пресъ кладеть
 Вмѣстѣ съ свекловницей.

Не думаю, чтобы либералы здѣсь были изображены невѣрно. Не думаю также, чтобы по этому изображенію они обладали свѣтомъ знанія и жизни. Не думаю, чтобы они обладали умомъ, честностью, добротою и нравственностью. Скорѣе всего пѣтъ у нихъ вѣры, цѣтъ знанія, нѣтъ ума, честности, доброты и нравственности. Вѣра гибла отъ того же, отъ чего гибнетъ знаніе, гибнуть идеалы, — отъ страстей, отъ прихотей, отъ эгоизма, словомъ отъ того, что на религіозномъ языкѣ очель точно называется *грѣхомъ*.

Доказательство этому даетъ самъ графъ своимъ дальнѣйшимъ рассказомъ. Онъ говоритъ о томъ свѣтѣ знанія, который руководилъ въ это время имъ, и который однако не сдѣлалъ его ни особенно свѣдущимъ, ни особенно энергичнымъ, ни особенно нравственнымъ, и именно потому, что и въ немъ самомъ и въ окружающей его средѣ господствовали страсти, тщеславіе, эгоизмъ. „Сообщенное мнѣ съ дѣтства вѣроученіе исчезло во мнѣ также, какъ и въ другихъ людяхъ, съ тою только разницею, что мое отреченіе рано стало сознательно,

такъ какъ я въ 15 лѣтъ уже читалъ философскія книги. Съ 16 лѣтъ пересталъ стаповиться на молитву, по собственному побужденію ходить въ церковь и говѣть. Я не вѣрилъ въ то, что мнѣ было сообщено съ дѣтства, но я вѣрилъ во что-то. Во что вѣрилъ, — я никакъ не могъ-бы сказать. Вѣрилъ я и въ Бога, или скорѣе, я не отрицалъ Бога, но какого Бога, я бы не могъ сказать; не отрицалъ я и Христа и Его ученія, но въ чемъ заключалось Его ученіе, я также не могъ-бы сказать. (Замѣтьте, читатель, какова сознательность въ 15-ть лѣтъ!). Теперь вспоминая то время, я вижу ясно, что вѣра моя, — то, что кромѣ животныхъ инстинктовъ двигало моею жизнью, — единственная истинная вѣра моя въ то время была вѣра въ совершенствованіе. Но въ чемъ было совершенствованіе и какая была цѣль его, я бы не могъ сказать. (И во имя этого - то свѣта знанія, т. е. во имя того, чего не знали, вы отказались отъ вѣры!). Я старался совершенствовать себя умственно, я учился всему, чему могъ и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю, составлять себѣ правила, которымъ старался слѣдовать; совершенствовалъ себя физически, всякими упражненіями изощряя свою ловкость и силу, всякими лишеніями приучая себя къ выносливости и терпѣнію. Все это я считалъ совершенствованіемъ. Началомъ всего было, разумѣется, правдивное совершенствованіе; но скоро оно подмѣнилось совершенствованіемъ вообще. (Читатель видитъ, что тутъ подмѣна невозможна, а возможно лишь расширеніе частнаго правила въ общее, которое въ силу своей общности включаетъ въ себѣ это частное), т. е. желаніемъ быть лучше передъ другими, а не желаніемъ быть лучше передъ самимъ собою, или передъ Богомъ. (Очевидно это не общее желаніе совершенствованія, а иное совѣмъ желаніе, которое въ понятіе совершенствованія даже не входитъ). И скоро это стремленіе быть лучше передъ людьми (тщеславіе, читатель) подмѣнилось желаніемъ быть лучше людей“ (т. е. сильнѣе, важнѣе, богаче ихъ, т. е. эгоизмъ вышелъ наружу). И такъ, графъ, не знаніе и не опыты жизни растопили искусственное зданіе вѣры. Знанія у васъ не было, и вы не сознавали ясно того, на что промѣняли

вѣру, не сознавали своей теоріи совершенствованія, хотя въ 15 лѣтъ и читали какія-то философскія книги. Опыта жизни тоже у васъ не было, потому что въ 15 лѣтъ такого опыта не бываетъ, да и опытъ бываетъ разный. Но у васъ, какъ и у всякаго человѣка, были низшія, эгоистическія побужденія, и они-то были причиною, почему вѣроученіе *промѣняли* вы на другое ученіе, хотя и не ясно сознаваемое, но льстящее эгоизму, вашей прихоти, какъ вы иногда говорите. Виновато-ли тутъ вѣроученіе? Видна-ли здѣсь побѣда надъ нимъ этого смутнаго знанія? Нѣтъ, графъ, изъ фактовъ вами рассказанныхъ этого не видно. И вы, наконецъ, вынуждены назвать эту истинную причину невѣрія въ дальнѣйшемъ описаніи своей жизни.

„Когда-нибудь, говорите вы, расскажу исторію моей жизни, трогательную и поучительную, въ 10 лѣтъ моей молодости. (Вы, вѣроятно, разумѣете жизнь по выходѣ изъ университета со 2-го курса). Думаю, что многіе и многіе испытали тоже. Я всей душой желалъ быть хорошимъ, но я былъ молодъ, у меня были страсти, и я былъ одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, какъ я пытался высказывать то, что составляло самыя задушевныя мои желанія,—то, что я хочу быть нравственно хорошимъ, я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки, а какъ только я предавался гадкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли. Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любострастіе, гордость, гнѣвъ, месть,—все это уважалось. Отдаваясь этимъ страстямъ, я чувствовалъ, что я похожъ на большаго, что мной довольны. Хорошая тетюшка моя, честнѣйшее существо, съ которой я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала-бы для меня такъ, какъ связи съ замужнею женщиной, ибо rien ne forme un jeune homme, comme liaison avec une femme come il faut. Еще другаго счастья желала мнѣ она, чтобы я былъ адъютантомъ, и всего лучше, у Государя. И самаго большаго счастья,—того, чтобы я женился на очень богатой дѣвушкѣ и чтобы у меня, вслѣдствіе этой женитьбы, было какъ можно больше рабовъ. Безъ ужаса, омерзенія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ. Я убивалъ людей на войнѣ, вызывалъ на дуэль, чтобы убить, проигрывалъ въ карты, проѣдалъ труды мужиковъ; казилъ ихъ, блудилъ, об-

манывалъ. Ложь, воровство, любодѣяніе всѣхъ родовъ, пьянство, насиліе, убійство,—не было преступленія, котораго-бы я не совершилъ. И за все это меня хвалили, считали и считаютъ мои сверстники сравнительно нравственнымъ человѣкомъ!“ И такъ, графъ, смѣю спросить: есть-ли во всемъ этомъ поведеніи хотя малѣйшій слѣдъ господства знанія и свѣта жизни? Нѣтъ, здѣсь—ни того, ни другаго, и потому не могли они у людей вашего круга вытѣснить вѣроученія, вѣры въ которое тоже не существовало. Господствовали одинъ эгоизмъ, чувственность и страсти, и они-то были тѣми началами, которыя опредѣляли вмѣсто вѣры и знанія теченіе жизни.

Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы вы были воспитаны въ православной вѣрѣ, когда самаго воспитанія не было; нельзя сказать, чтобы было какое-нибудь отпаденіе отъ вѣры, когда самой вѣры не было; нельзя сказать, чтобы знаніе и опыты жизни растоптали въ васъ зданіе вѣроученія, когда ни знаніе, ни опыты жизни не показываютъ своего присутствія въ жизни. Были призраки вѣры, были призраки безсильнаго знанія, но господствовали страсти. Самыя страсти эти, кажется, не имѣли выдержанности и опредѣленнаго направленія. Не было какого-нибудь сильнаго хотѣнія, которое-бы ихъ объединяло. То дѣвичья, то лакейское крыльцо, то французъ-губернёръ и гостинная; страсть къ хорошимъ словамъ уничтожалась страстію къ дурнымъ дѣламъ; привычка къ расточительности противорѣчила страсти къ пріобрѣтенію; страсть къ почету уничтожалась склонностью къ лести и униженію. Словомъ, это была жизнь полная противорѣчій, и принципомъ ее можно назвать не какое-нибудь разумное хотѣніе, а капризную прихоть, каррикатуру на разумную волю. Получается въ высшей степени безотрадная картина. Гдѣ-же въ средѣ людей этого образованія люди правдивые и честные, люди добродушные и нравственные? Ихъ нѣтъ въ средѣ открыто исповѣдовавшихъ православіе, ибо, по словамъ графа, „явное признаніе и исповѣданіе православія большею частію встрѣчалось въ людяхъ тупыхъ, жестокихъ, безнравственныхъ и считающихъ себя очень важными“. Ихъ нѣтъ и въ средѣ открыто признающихъ себя невѣрующими, вопреки увѣренію графа, что тутъ-то именно

большею частію встрѣчались умъ, честность, добродушіе, прямота и нравственность. Примѣръ самаго графа и людей, которыхъ онъ сравнительно превосходитъ своею нравственностію, говоритъ другое. Тутъ былъ лишь одинъ лоскъ, внѣшній видъ всего этого; но на самомъ дѣлѣ тутъ были только одни постоянныя поправки ума, чести, совѣсти. Мнѣ кажется, этотъ-то внѣшній благообразный видъ, прикрывавшій порокъ, и былъ причиною, почему съ нимъ охотно мирились. Какъ-же не мириться, когда цинизмъ доходитъ до граціи, когда о прелюбодѣяннн говорятъ по французски?! Получается, читатель, картина общества по внѣшности цивилизованнаго, но по содержанію совершенно дикаго. Таковы-то были „люди нашего круга“.

Графъ утверждаетъ, что таковы они и теперь. Если-бы это была правда, то это было-бы ужасно. Ужасно было-бы именно потому, что изъ этихъ сферъ многіе ожидаютъ всего хорошаго для Россіи. Но можетъ-ли изъ Вавилона или Египта придти спасеніе Израилю? Люди, изображенные графомъ Толстымъ, едва-ли могутъ быть опорой напр. для князя Мещерскаго? Къ счастью нашему, читатель, и въ тѣ старыя, и въ наши новыя времена несомнѣнно были исключенія изъ общаго правила, какъ они бываютъ всегда и вездѣ. Доказательствомъ существованія этихъ людей служитъ фактъ освобожденія крестьянъ. Это освобожденіе совершили принципы, идеи, вѣра, вопреки страстямъ. Были слѣдовательно люди идей и вѣры. Были люди высокаго, общечеловѣческаго, гуманнаго образованія, какъ нѣкоторые изъ западниковъ. Были люди и вѣры, сознательной и глубокой, какъ напр. славянофилы, которымъ въ этомъ отношеніи отдають справедливость даже ихъ враги. Были люди, носившіе въ своей душѣ идеальныя начала и всѣми силами старавшіеся осуществить ихъ. Все доброе и хорошее, что мы имѣемъ, создано усиліями этихъ людей. Я даже думаю, что самъ графъ своею литературною дѣятельностію сдѣлалъ много хорошаго, потому что самымъ могущественнымъ образомъ помогалъ самосознанію русскаго общества, изображая жизнь въ правдивыхъ, художественныхъ рассказахъ, повѣстяхъ и романахъ. Если нельзя согласиться съ философіей этихъ романовъ, то нельзя не признать правды и тонкости въ изображеніи са-

мыхъ сокровенныхъ изгибовъ души людей образованнаго и даже необразованнаго общества. Прибавьте къ этому художественное, возвышающее душу наслажденіе, производимое могучимъ творческимъ талантомъ. Итакъ, были люди, руководившіеся не одними страстями. Если жизнь ихъ не вполне соответствовала ихъ вѣрованіямъ и идеаламъ, то кто-же можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ совершенно воплотилъ въ себѣ всю вѣру и вполне соответствуетъ идеалу? Развѣ есть такая вѣра и такой идеалъ, которые всецѣло могли-бы перейти въ жизнь? Если-бы это было возможно, тогда съ момента осуществленія этого кончилась-бы разумная жизнь и дѣятельность: все было-бы выполнено и нечего было-бы дѣлать, не для чего жить. Развѣ есть гдѣ-нибудь безстрастный и безгрѣшный человѣкъ, который-бы въ себѣ самомъ не находилъ препятствій къ осуществленію въ своей жизни вѣры и идеаловъ? Если-бы такой человѣкъ существовалъ, то это было-бы существо въ высшей степени совершенное, для котораго не было-бы неосуществимо никакое идеальное совершенство. Это было-бы существо богоподобное. Но въ томъ-то и дѣло, что вѣра и идеалы безконечно высоки, а мы слабы и низки. Жизнь есть постоянное усиліе подняться кверху; но въ этомъ усиліи мы часто падаемъ, идемъ прямою дорогою и блуждаемъ вокругъ да около. Блаженъ, кто ясно видитъ свѣтъ своей звѣзды, которую указываетъ намъ наша совѣсть:

Въ тревожномъ жизни колебаньи
Всегда съ душой враждуетъ плоть;
Да озаритъ твое сіянье
Стезю блудящаго, Господь!
Твои пути необъяснимы,
Твоихъ судебъ таинственъ ходъ;
Блаженъ, кто всѣхъ соблазновъ мимо
Дорогой свѣтлою идетъ!

СВ. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

(Продолженіе *)

Въ указанныхъ нами существенныхъ свойствахъ души,— ея простотѣ и саможизненности, ученіе о безсмертіи ея всегда искало себѣ наиболѣе твердой опоры. Но эта опора оказалась-бы не вполне надежною, если-бы мы не разъяснили одного недоумѣнія, которое противниками истины безсмертія, въ формѣ возраженія, издавна и постоянно выставлялось какъ несокрушимый аргументъ противъ психологическаго доказательства этой истины. Это недоумѣніе для насъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно имѣетъ силу даже при томъ основномъ предположеніи, которое мы поставили во главу этого доказательства,—предположеніи о самостоятельности и существенномъ отличіи души отъ тѣла.

Положимъ, говорятъ, душа и тѣло суть противоположныя по существу и свойствамъ начала. Но и противоположныя между собою начала могутъ находиться въ такомъ между собою отношеніи, что жизнь одного изъ нихъ условливается соединеніемъ съ другимъ началомъ и ихъ связью такъ, что самостоятельное существованіе одного изъ нихъ безъ другаго не мыслимо. Если два предмета,—говоритъ Юмъ, съ наибольшою логическою точностію формулирующій это возраженіе,— столь тѣсно между собою связаны, что за измѣненіемъ одного каждый разъ слѣдуетъ измѣненіе въ другомъ, то по всей ана-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 19.

логию должно заключать, что изъ разрушенія одного будетъ слѣдовать и разрушеніе другаго. Но такое тѣсное соединеніе и существуетъ между душою и тѣломъ; поэтому аналогія требуетъ допустить, что со смертію тѣла исчезнетъ и душа. Все обще между душою и тѣломъ; органы души суть вмѣстѣ и органы тѣла; что дѣйствуетъ на нихъ, то дѣйствуетъ и на душу и обратно; что ослабляетъ или укрѣпляетъ тѣло, то укрѣпляетъ или ослабляетъ и душу. Итакъ существованіе одного зависитъ отъ существованія другаго; смерть одного есть уничтоженіе и другаго *).

Въ представленномъ нами возраженіи не трудно различить: а) общее логическое основаніе его,—мысль, что зависимость одного предмета отъ другаго необходимо предполагаетъ, что и существованіе одного непременно условливается существованіемъ другаго и не мыслимо безъ него; б) эмпирическое подтвержденіе этой мысли,—фактъ, что дѣйствительно подобнаго рода зависимость, дѣлающая невозможнымъ существованіе одного предмета безъ другаго, имѣетъ мѣсто между душою и тѣломъ. Но ни то, ни другое не можетъ быть допущено.

а) Взаимная зависимость двухъ предметовъ только въ томъ случаѣ можетъ вести къ заключенію о невозможности раздѣльнаго существованія ихъ, когда эти предметы совершенно однородны и составляютъ органическія части одного и того же цѣлаго. Понятно, напримѣръ, что въ человѣкѣ голова не можетъ существовать безъ туловища, такъ-какъ это части одного и того-же органическаго цѣлаго, однородныя по существу. Но какъ скоро два предмета по существу разнородны, то ничто не препятствуетъ имъ и существовать отдѣльно другъ отъ друга; отдѣльное существованіе ихъ можетъ имѣть ре-

*) *Dialoge über natürl. Religion, übers. v. Paulsen. 1877. 156. 157.* Тоже самое возраженіе въ различныхъ формахъ повторяется и новѣйшими матеріалистами. Такъ напр. Бюхнеръ, представивши нѣкоторые факты зависимости души отъ тѣла, говоритъ: „въ виду такой совокупности фактовъ, безпристрастный естествоиспытатель съ своей точки зрѣнія съ рѣшительностію объявляетъ себя противъ идеи личнаго безсмертія, личнаго продолженія жизни послѣ смерти тѣла. Не размышленіе, а самолюбивый произволь, не наука, а вѣра могутъ поддерживать мнѣніе о личномъ безсмертіи“ (*Kraft und Stoff. 1864. 197. 198*). Тоже мнѣніе высказываютъ Молешоттъ и К. Фогтъ. (Слова ихъ,—у Бюхнера, *ib. 196*).

результатомъ только прекращеніе тѣхъ явленій, которыя вызывались именно ихъ сближеніемъ и взаимодействіемъ. Аналогіи такой возможности мы во множествѣ встрѣчаемъ на опытѣ, даже въ области міра физическаго, не смотря на то, что здѣсь между предметами вещественными не можетъ быть такого существеннаго различія, какъ между душою и тѣломъ, а только относительная неоднородность ихъ. Сближеніе, напримѣръ, разнородныхъ металловъ производитъ гальваническій токъ, который продолжается до тѣхъ поръ, пока имѣетъ мѣсто это сближеніе; по разъединеніе этихъ металловъ, прекращая токъ, не уничтожаетъ какого-либо изъ нихъ. Вода въ сосудѣ кипитъ, пока подъ сосудомъ поставленъ огонь; удалите огонь,—прекратится кипѣніе, но за прекращеніемъ кипѣнія не исчезнетъ ни сосудъ съ водою, ни огонь; исчезнетъ только известное парообразное состояніе воды, которое можетъ возобновиться, какъ скоро вновь будутъ сближены сосудъ съ водою и огонь. Чѣмъ разнороднѣе предметы, тѣмъ яснѣе становится возможность независимаго существованія ихъ, не смотря на необходимость существенной связи ихъ для произведенія даннаго явленія. Механизмъ, созданный человѣкомъ, производитъ известное дѣйствіе, какъ скоро приложена къ нему и управляетъ имъ рука человѣка. Отнимите руку,—механизмъ перестанетъ дѣйствовать, но ни самъ онъ, ни человѣкъ не перестанутъ существовать. Точно также, не смотря на существенную связь между душою и тѣломъ, необходимую для произведенія того, что мы называемъ земною жизнью, разрушеніе этой связи можетъ прекратить *эту* жизнь, но „предметы“, какъ выражается Юмъ, или субстанціи, производящія эту жизнь,—матерія, входившая въ составъ нашего тѣла, и душа, организовавшая эту матерію, могутъ оставаться. Растворженіе связи между душою и тѣломъ, могло-бы вести къ уничтоженію души лишь при томъ предположеніи, что душа и тѣло не только однородны, но и составляютъ лишь проявленіе одной и той же сущности—матеріи, суть феномены известной комбинаціи матеріальныхъ частицъ, которая имѣетъ мѣсто въ нашемъ организмѣ; очевидно, что тогда, при раствореніи давней связи между матеріальными частицами (смерть), уничтожилась-бы и

всѣ явленія, вызываемыя этою связью. Но при предположеніи субстанціальности души и ея отличія отъ тѣла, мысль о необходимости допустить уничтоженіе первой на основаніи одной только связи ея съ тѣломъ оказывается несостоятельною.

б) Какъ скоро не имѣетъ логической силы основаніе представленнаго нами возраженія, то очевидно не имѣетъ въ сущности никакого доказательнаго значенія и фактъ дѣйствительной зависимости души отъ тѣла. Какъ-бы ни было велико количество фактовъ этого рода, съ такимъ торжествомъ подбираемыхъ матеріалистами, они также мало могутъ доказывать уничтоженіе души вмѣстѣ съ смертію тѣла, какъ и ея матеріальность. Въ оцѣнкѣ значенія этихъ фактовъ съ нами сходятся даже безпристрастные психологи односторонне эмпирическаго направленія, какъ напримѣръ Бенеке. Допустимъ даже, говоритъ онъ, зависимость души отъ тѣла въ самомъ обширномъ смыслѣ, именно,—что душа относится къ тѣлу также, какъ растеніе къ почвѣ. Пока растеніе въ почвѣ, оно извлекаетъ изъ нея свои питательные соки; по мѣрѣ совершенства этихъ соковъ оно приносить и болѣе совершенные листья, цвѣты, плоды; не будетъ почвы,—не будетъ питанія для растенія и оно погибнетъ... Однако-же мы можемъ вынуть растеніе изъ земли и пересадить его въ другую землю, даже, если особенность растенія допускаетъ это, въ простую воду и оно, при этихъ измѣнившихся отношеніяхъ, можетъ точно также продолжать свою жизнь, цвѣсти и приносить плоды; даже болѣе,—въ новой почвѣ растеніе можетъ быть несравненно роскошнѣе и лучше, чѣмъ въ прежней. Точно также можно думать, что и душа, хотя въ продолженіе этой земной жизни постоянно извлекала, такъ сказать, пищу изъ этого тѣла, въ которое была всаждена, тѣмъ не менѣе можетъ продолжать свое существованіе и при другихъ условіяхъ, при которыхъ будетъ доставлена ей пища другимъ какимъ-либо способомъ. Можемъ мы мыслить отношеніе между душою и тѣломъ и въ другой еще формѣ. То, что было доселѣ растеніемъ, теперь можетъ сдѣлаться почвою; на основѣ нашей психической системы можетъ развиться и быть съ нею въ связи другая болѣе совершенная система, которая будетъ относиться къ настоя-

щей психической, какъ эта послѣдняя къ тѣлу. Зародыши этой высшей системы, можетъ быть, и теперь лежатъ въ насъ, только въ продолженіе настоящей жизни они остаются безъ возбужденія и такимъ образомъ безъ развитія и дѣйственности.—Для такого возбужденія и развитія нѣтъ нужды въ какой-нибудь новой чувственной системѣ (въ новомъ тѣлѣ); нужна только такая окружающая среда, которая была-бы въ состояніи возбуждать или дѣлать сознательными, заложенныя въ насъ и въ этой жизни, внутреннія силы или способности. Эта окружающая среда, будучи и чисто духовною, можетъ имѣть для развитія души то-же значеніе, какъ въ настоящее время внѣшнія впечатлѣнія или вообще чувственность. Выраженіе: „чувственность“ означаетъ собственно только „возбуждаемость отъ-внѣ“,—и это свойство не находится нисколько въ противорѣчій съ духовностію; духовныя впечатлѣнія окружающей среды точно также могутъ возбуждать душу къ развитію ея жизни, какъ и въ настоящее время впечатлѣнія чувственныя *).

в) Такимъ образомъ, даже допуская πανвозможно тѣсную зависимость души отъ тѣла въ этой жизни, мы не можемъ признать вѣрнымъ того заключенія, которое отсюда выводятъ противники истины безсмертія, именно,—что съ уничтоженіемъ одного изъ взаимно связанныхъ предметовъ (тѣло) необходимо уничтожается и другой (душа). Но допуская это, мы сдѣлали слишкомъ большую уступку нашимъ антагонистамъ. На самомъ дѣлѣ эта зависимость не только не такъ значительна, какъ они предполагаютъ, но, напротивъ, даже въ самыхъ выдающихся явленіяхъ этой зависимости, при болѣе внимательномъ анализѣ ихъ, мы найдемъ нѣкоторыя фактическія указанія на самостоятельность духовнаго начала и на возможность его существованія внѣ связи съ тѣломъ. Не входя въ разборъ частныхъ фактовъ этой зависимости, которые то у одного, то у другого матеріалиста приеодятся въ опроверженіе возможности существованія души по смерти тѣла, мы остановимся на одномъ общемъ, на который всѣ они указываютъ съ

*) Beneke. System der Metaphysik, 444. 460 и сл. Также его: Verhältniss von Seele und Leib. 154. 266 и сл.

особеннымъ торжествомъ, какъ на непобѣдимый аргументъ противъ ученія о безсмертіи, именно,—на связь развитія психическихъ силъ съ развитіемъ организма. Образованіе души, говорятъ, несомнѣнно идетъ въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ образованіемъ и развитіемъ тѣла. Едва замѣтная у дитяти, душа замѣтно растетъ и развивается съ ростомъ человѣка; какъ организмъ она полна жизни въ юности, достигаетъ окончательной зрѣлости съ зрѣlostію организма въ мужествѣ, замѣтно слабѣетъ и дряхлѣетъ съ упадкомъ силъ въ старости. Не очевидно-ли, что съ окончательнымъ прекращеніемъ органической жизни должна исчезнуть и жизнь души? *).

Параллелизма въ развитіи органической и психической стороны человѣческой природы, конечно, отвергать нельзя. Но такъ-ли безусловенъ и необходимъ этотъ параллелизмъ, какъ думаютъ, и имѣетъ-ли тотъ смыслъ, который ему навязываютъ, именно,—смыслъ полнѣйшей зависимости образованія души отъ развитія организма? Уже въ дѣтскомъ возрастѣ мы встрѣчаемъ факты, заставляющіе сомнѣваться въ абсолютномъ значеніи этого параллелизма; это извѣстные случаи очень ранняго, преждевременнаго развитія умственныхъ способностей въ дѣтствѣ. Тѣлесный организмъ при этомъ не только не представляетъ соотвѣтственнаго или ускореннаго развитія, но напротивъ, это развитіе какъ-бы останавливается, ослабѣваетъ; преждевременно развившіяся дѣти хилы, болѣзненны и, по замѣчанію врачей, не долголѣчны. Отъ чего-бы ни происходило это явленіе, но очевидно, что здѣсь психическое и органическое развитіе не идутъ параллельно, но скорѣе одно противорѣчитъ другому; развитіе психической стороны препятствуетъ развитію физической. Затѣмъ мы замѣчаемъ и обратные случаи, когда жизнь органическая идетъ нормальнымъ путемъ въ своемъ развитіи, между тѣмъ жизнь психическая останавливается и какъ-бы угасаетъ,—это случаи такъ называемаго идіотизма и сумасшествія. У природныхъ идіотовъ развитіе органической жизни идетъ обычнымъ путемъ; они часто пользуются даже здоровьемъ болѣе крѣпкимъ, чѣмъ душевно

*) Büchner. Kraft und Stoff. 197—198 и др.

здоровые люди и доживаютъ до глубокой старости; тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ умалишенныхъ. Отъ чего-бы опять не происходило это явленіе, но мы здѣсь имѣемъ очевидный фактъ несоотвѣтствія психическаго и физическаго развитія. Припомнимъ также многочисленные случаи, когда развитіе психической жизни стоитъ въ явномъ несоотвѣтствіи съ развитіемъ физической, когда не смотря на древнее положеніе: *in corpore sano mens sana*, душевная жизнь, умственная и нравственная, достигаетъ высокаго совершенства, не смотря на болѣзненное состояніе тѣла. Припомнимъ и тѣ, нерѣдко наблюдаемые физиологіею случаи, когда дѣятельность психическихъ силъ не прекращается, не смотря на болѣзненное измѣненіе органовъ, повидимому, существенно необходимыхъ для нормальной жизни души *). Всѣ эти факты никакъ не вяжутся съ мыслію о безусловной зависимости жизни психической отъ физической.

Могутъ сказать: эти факты представляютъ явленія ненормальныя, болѣзненныя и составляютъ исключенія изъ общаго закона соотношенія физической и психической сторонъ человѣка. Мы могли-бы отвѣчать на это, что подобнаго рода факты слишкомъ обыденны, часты, чтобы мы могли считать ихъ случайностями и исключеніями, на которыя не стоитъ обращать вниманія. Но въ этомъ нѣтъ нужды; въ самомъ обыкновенномъ, нормальномъ теченіи жизни, если присмотримся къ ней, найдемъ тѣ-же явленія несоотвѣтствія психическаго и физическаго развитія, которыя только болѣе рѣзко выступаютъ въ указанныхъ нами фактахъ.

Прежде всего организмъ человѣка является на свѣтъ со-

*) Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ случаевъ, приведенные у Бенеке. Врачъ Аберкромби рассказываетъ объ одной женщинѣ, у которой половина мозга превратилась въ болѣзненную массу и которая однако-жь, за исключеніемъ ослабленія зрѣнія, до послѣднихъ минутъ жизни сохранила безъ уменьшенія всѣ свои душевныя способности. Докторъ Ферьяръ упоминаетъ объ одномъ мужчинѣ, который до своей внезапно постигшей его смерти душевно былъ совершенно здоровъ, но у котораго при вскрытіи цѣлое правое полушаріе мозга было разрушено гніеніемъ. Галлоранъ рассказываетъ о случаѣ, когда, вслѣдствіе раздробленія черепа, нужно было произвести операцію извлеченія почти половины мозга, смѣшаннаго съ гноемъ. Операція не могла быть удачною, но замѣчательно, что въ теченіе семнадцати дней до своей смерти, до самой послѣдней минуты жизни, больной сохранилъ всѣ свои душевныя способности. (*System d. Metaphysik.* 444—445).

вершено сформировавшимся во всѣхъ своихъ частяхъ; процессъ его образованія завершился еще въ утробѣ матери. Дальнѣйшій органический процессъ состоитъ не въ образованіи и прибавленіи какихъ-либо новыхъ органическихъ частей или членовъ тѣла, но только въ количественномъ ростѣ, въ окончательномъ развитіи и укрѣпленіи существующихъ и данныхъ органическихъ формъ. Это развитіе продолжается лѣтъ до 25—30, и съ этой поры мы можемъ уже слѣдить за начинающимся ослабленіемъ энергіи органической жизни, которое наиболее яркими чертами выступаетъ въ старости.

Иначе идетъ жизнь души. Въ то время, когда организмъ уже окончательно сформировался, въ человѣкѣ чутъ теплится едва замѣтная искра психической жизни. Можемъ-ли мы видѣть въ душѣ младенца все содержаніе его послѣдующей психической жизни, всѣ особенности его индивидуальнаго я, точно также, какъ въ его поворожденномъ тѣлѣ, до мельчайшей жилки и косточки, видимъ всѣ тѣ органы и органическія отправления, которыя останутся у него и въ послѣдствіи? Очевидно, нѣтъ. Душа только что начинается, такъ сказать, формироваться въ то время, когда тѣло уже окончательно сформировалось. Если можно проводить аналогію между образованіемъ психической и физической сторонъ человѣка, то скорѣе можно находить эту аналогію между утробною жизнью младенца, когда формируется человѣческій организмъ изъ едва замѣтнаго зародыша, и жизнью души, на первыхъ порахъ ея развитія. Тотъ процессъ образованія, который для организма совершился въ утробѣ матери, только начинается для души съ появленіемъ на свѣтъ организма. Здѣсь не параллелизмъ развитія, а процессъ возникновенія новой и высшей формы жизни изъ низшей, которая должна служить для первой почвою и ступенью. Точно такое-же отношеніе между психическою и физической жизнью замѣчаемъ и въ дальнѣйшемъ теченіи той и другой. Душа только начинается вполнѣ образоваться, опредѣляться въ своей индивидуальности въ то время, когда организмъ человѣка, достигнувъ высшей точки своего развитія, начинаетъ клониться къ упадку; о лѣтахъ зрѣлыхъ можно сказать, что духъ только рождается тогда,

когда тѣло начинаетъ умирать. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, скажемъ словами одного мыслителя *), что душа предъ глубокою старостью становится болѣе сильною и способною къ самымъ важнымъ дѣламъ въ теченіе почти лѣтъ тридцати отъ того времени, какъ силы тѣла ослабѣваютъ: что въ большей части случаевъ она не теряетъ нисколько своей силы въ теченіе еще десяти лѣтъ продолжающагося физическаго ослабленія; что часто и нѣсколько лѣтъ дряхлости не производятъ на нее никакого замѣтнаго дѣйствія; что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она сохраняетъ всю живость своихъ способностей до послѣдняго конца, переживая такимъ образомъ почти совершенное истощеніе физическихъ силъ. Достоверно, что силы нашего тѣла, его гибкость, удободвижность, способность переносить труды, словомъ,—все качества его начинаютъ ослабѣвать съ тридцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ; между тѣмъ умъ совершенствуется быстро отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ; онъ мало или почти вовсе не чувствуетъ ослабленія къ шестидесяти годамъ; такимъ образомъ въ то время, когда тѣло сдѣлалось слабымъ,—къ 58 или 59 годамъ умъ является болѣе сильнымъ и способнымъ, чѣмъ за тридцать лѣтъ, когда тѣло находилось въ полномъ цвѣтѣ и силѣ своихъ физическихъ способностей. Точно также несомнѣнно и то, что тогда какъ тѣло начинаетъ быстро дряхлѣть между шестидесятью и семидесятью годами, у большинства людей умъ едва-ли утрачиваетъ сколько-нибудь своей силы; люди вообще продолжаютъ пользоваться всеми своими духовными способностями до 75 или 76 лѣтъ, тогда какъ лишь немногіе въ эти годы могутъ похвалиться чѣмъ-либо кромѣ остатковъ своихъ физическихъ силъ. Наконецъ, есть примѣры, что люди обладаютъ еще вполне своими умственными способностями въ 80 лѣтъ и болѣе, когда тѣло едва сохраняетъ нѣкоторые остатки жизни. Изъ этихъ фактовъ мы имѣемъ право заключать, что безъ какого-нибудь необыкновеннаго привходящаго случая, напр. серьезной болѣзни, въ пра-

*) Lord Brougham, въ его Discours sur la theologie naturelle, trad. par Tarver, p. 130 и слѣд.

вилльномъ и обычномъ теченіи жизни, душа и тѣло слѣдуютъ въ своей жизни совершенно различными путями,—большею частию въ противоположномъ направленіи. Это даетъ намъ сильное доказательство того, что душа независима отъ тѣла и что разрушеніе ея въ то мгновеніе, когда она достигла полной силы, было-бы противно всякой аналогіи въ природѣ“.

Но если, какъ показываютъ неоспоримые факты, душевная жизнь развивается и сохраняется не смотря на ослабленіе и упадокъ жизни физической, то какъ объяснить, по видимому, также неоспоримый фактъ противоположнаго свойства, именно,—замѣтное ослабленіе душевныхъ силъ въ глубокой старости въ связи съ ослабленіемъ организма? Положимъ, нѣкоторые старцы сохраняютъ до самой смерти полную ясность умственныхъ способностей; но ни для кого не тайна, что вообще энергія психической жизни у нихъ упадаетъ, память и живость воображенія слабѣютъ, желанія и страсти становятся мало-по-малу ограниченнѣе и наконецъ совершенно притупляются; а иногда дряхлость отражается и на умственныхъ способностяхъ: старики обращаются въ дѣтей.

Но противорѣчащихъ явленій не можетъ быть въ законо-мѣрномъ теченіи какъ физической, такъ и психической жизни. Поэтому въ виду несомнѣнныхъ фактовъ независимости развитія психическихъ силъ отъ физическихъ, мы, твердо стоя на почвѣ этихъ фактовъ, имѣемъ право спросить: не кажущееся-ли это противорѣчіе, и указанная нами сейчасъ явленія, не говоря нисколько объ угасаніи и наконецъ прекращеніи психической жизни, не представляютъ-ли намъ только явленіе необнаруженія или сокрытія этой жизни, которое и можетъ повести къ поспѣшной мысли объ ея отсутствіи и прекращеніи.

Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что мы обыкновенно судимъ о содержаніи и полнотѣ нашей психической жизни отчасти по внѣшнимъ обнаруженіямъ ея, отчасти, что касается до нашей собственной внутренней жизни, по степени ясности сознанія ея содержанія. Но тотъ-же опытъ показываетъ, что ни внѣшнія обнаруженія психической жизни, ни степенъ сознанія ея содержанія далеко не исчерпываютъ всей

полноты и глубины этого содержанія. Первое само собою понятно; въ душѣ каждаго таится безчисленное множество представленій, мыслей, желаній, стремленій, изъ которыхъ только самая незначительная часть заявляетъ о своемъ существованіи внѣшнимъ выраженіемъ въ словахъ, поступкахъ и пр. Что касается до втораго, то не подлежитъ сомнѣнію психологическій фактъ, что ничто внешнее въ душу чловѣка и приобрѣтешное ею, путемъ-ли впечатлѣній чувственныхъ или посредствомъ саморазвитія души и свободной комбинаціи впечатлѣній—не теряется, но существуетъ въ безсознательномъ состояніи, только по временамъ и то въ незначительномъ количествѣ вышывая, такъ сказать, до уровня сознанія,—въ явленіи напр. воспоминавія. Отсюда видно, что необнаруженіе психическаго содержанія во-внѣ и неясность сознанія этого содержанія (такъ называемое ослабленіе памяти) въ старости нисколько еще не говоритъ о постепенномъ исчезновеніи этого содержанія, а съ нимъ и психической жизни. Какъ храпятся въ нашей душѣ не исчезая, а только погружаясь въ безсознательное состояніе, тысячи представленій и мыслей давно минувшихъ лѣтъ, будучи готовы однакожъ возникнуть снова, при вызовѣ ихъ новыми впечатлѣніями, такъ точно и въ душѣ старца можетъ храниться во всей полнотѣ содержаніе всей его психической жизни, хотя-бы присутствіе его не обнаруживалось ни во-внѣ, ни для собственнаго его сознанія. Здѣсь, только въ большей интенсивности, имѣетъ мѣсто тоже явленіе, которое замѣчается и во всей нашей жизни, именно,—значительный перевѣсъ невыраженнаго и несознаваемаго содержанія психической жизни надъ ясно сознаваемымъ и выраженнымъ; различіе лишь въ томъ, что въ глубокой старости этотъ перевѣсъ становится замѣтнѣе и рѣшительнѣе.

Отъ чего зависитъ это явленіе меньшаго обнаруженія во-внѣ и большаго сокрытія во-внутрь душевной жизни во время старости,—явленіе, которое очевидно не позволительно было-бы смѣшивать съ ея исчезновеніемъ? Прежде всего оно, конечно, зависитъ отъ ослабленія и упадка органической жизни; разрушающіеся органы тѣла перестаютъ быть гибкими и послушными орудіями духа; въ слѣдствіе этого ни душа не

можетъ обнаруживать во внѣ съ полною энергіею всѣхъ тѣхъ своихъ свойствъ; которыя требуютъ для точнаго обнаруженія соответствующихъ физиологическихъ отправления; ни внѣшнія впечатлѣнія не могутъ дѣйствовать на душу съ такою силою, какъ въ лѣта полной жизнедѣятельности нашего организма. Слабо дѣйствующія, въ слѣдствіе общаго ослабленія организма, внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ въ свою очередь такое же слабое воспріятіе и воздѣйствіе въ душѣ. Мы разумѣемъ здѣсь не одну энергію внѣшнихъ чувствъ, посредствомъ которыхъ душа входитъ въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, но и разнообразныя физиологическія отправления, въ связи съ которыми и подъ условіемъ которыхъ наша душа только и могла обнаруживать нѣкоторыя свои свойства; отсюда объясняется прекращеніе въ старости многихъ страстныхъ аффектовъ, влеченій и страстей, напримѣръ чувственной любви и т. п. Вообще замѣтно упадаетъ вся та сторона душевной жизни, которою она обращена была къ міру чувственному и которая обуславливается связью нашей души съ тѣломъ. Но не въ одномъ только упадкѣ энергіи органической жизни заключается причина ослабленія жизни психической въ старости. Если-бы такое ослабленіе зависѣло отъ этой одной причины, то оно и простиралось-бы только на тѣ явленія душевной жизни, которыя пахотятся въ болѣе тѣсной связи съ органическими отправлениями. Но мы замѣчаемъ кажущееся угасаніе психической жизни по всѣмъ ея сторонамъ; слѣдовательно есть какая-либо общая, чисто психическая причина этого явленія. Эта причина заключается въ достиженіи душою цѣли ея земнаго существованія. Цѣль земной жизни души состоитъ въ постепенномъ образованіи нашей психической индивидуальности, черезъ усвоеніе и переработку впечатлѣній міра внѣшняго. Какъ скоро по мѣрѣ силъ и энергіи души это образованіе закончено, душа мало-по-малу перестаетъ съ прежнею живостію воспринимать впечатлѣнія отъ-внѣ и съ своей стороны воздѣйствовать на окружающій ее міръ. Вниманіе ея ко всему внѣшнему, какъ бываетъ въ старости, притупляется; интересъ ко всему земному мало-по-малу исчезаетъ; духъ нашъ начинаетъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ; является нѣко-

торое утомленіе жизнию и желаніе покоя. Душа, какъ наполненный до краевъ сосудъ или какъ папитанная водою губка, отказывается припимать новое содержаніе отъ-внѣ. Вообще, чѣмъ богаче становится содержаніемъ внутренняго, высшаго психическаго, тѣмъ менѣе она нуждается въ усвоеніи новаго, внѣшняго, тѣмъ болѣе притупляется ея чувствительность ко внѣшнему міру и интересъ къ нему. И въ цвѣтущемъ возрастѣ человѣка мы замѣчаемъ то явленіе, что напряженіе и развитіе высшихъ психическихъ силъ, напримѣръ при усиленныхъ умственныхъ занятіяхъ, при религіозномъ подвижничествѣ, сопровождается потерей впечатлительности и интереса къ внѣшнимъ явленіямъ жизни, нѣкоторымъ безучастіемъ ко всему, что не входитъ прямо въ кругъ этихъ высшихъ стремленій, и сосредоточеніемъ души въ себѣ самой. Нѣчто подобное мы видимъ и въ старости, гдѣ въ большей сравнительно свѣжести и продолжительнѣе всего сохраняются умственные силы, гдѣ среди угасанія всѣхъ жизненныхъ интересовъ, продолжаетъ жить и иногда сильнѣе, чѣмъ въ лѣта молодости и мужества, дѣйствовать интересъ религіозный. Если къ этой внутренней причинѣ ослабленія душевной энергіи присоединимъ упомянутое нами ослабленіе органической жизнедѣятельности, то мы поймемъ, почему наша душа въ глубокой старости становится безучастною ко всему земному, заключается, такъ сказать, сама въ себѣ, какъ заворачивается и какъ бы замираетъ личинка насѣкомаго, оканчивающая одинъ циклъ жизненнаго развитія и готовящаяся къ жизни въ новой ея формѣ.

Но это сосредоточеніе душевной жизни самой въ себѣ и не проявленіе ея во-внѣ столь-же мало говоритъ о ея дѣйствительномъ угасаніи, какъ и въ обычномъ теченіи жизни притупленіе чувствительности ко всему внѣшнему, и упадокъ психической энергіи при засыпаніи, и почти полное угасаніе сознанія въ глубокомъ снѣ—противъ возможности пробужденія снова въ болѣе энергическомъ и освѣженномъ состояніи. Постепенное ослабленіе нашихъ чувствъ и всего тѣлеснаго организма, уменьшеніе въ слѣдствіе этого притока новыхъ впечатлѣній, собственная усталость, такъ сказать, души, исполнив-

шей земное пазпаченіе,—все это производитъ то, что мы погружаемся въ себя, замыкаемся отъ внѣшняго міра, что наше сознаніе при недостаткѣ возбужденій отъ-внѣ теряетъ свою эвергію. Но это явленіе составляетъ только естественный переходный моментъ въ жизни души, ничто приобрѣтенное въ теченіи ея земной жизни не утрачено, но только временно сокрыто во глубинѣ нашего бессознательнаго бытія. Окончательное разрушеніе и спаденіе земной оболочки души, смерть тѣла, освободитъ и скрытую эвергію духа и подъ вліяніемъ невѣдомыхъ намъ впечатлѣній инаго загробнаго міра онъ получитъ новое жизненное возбужденіе и начнетъ новую жизнь.

Что физическая смерть не можетъ служить препятствіемъ для продолженія жизни души, это доказываетъ несомнѣнный фактъ, свидѣтельствующій, что и въ теченіе настоящей, земной жизни связь души съ тѣломъ не простирается до полной зависимости ея отъ матеріальнаго состава послѣдняго. Мы знаемъ, что наше тѣло подвергается постоянной перемѣнѣ во всѣхъ своихъ частяхъ. „Вѣроятно ни въ одномъ двадцатипятилѣтнемъ человѣкѣ нѣтъ ни одной частицы того тѣла, которое онъ имѣлъ будучи десяти лѣтъ; тѣмъ менѣе можно предположить, чтобы у него осталась какая-либо частица того тѣла, съ которымъ онъ родился. Все принадлежавшее ему прежде вошло въ новыя соединенія, составило можетъ быть часть другихъ людей или животныхъ, или вошло въ составъ какихъ-либо растений или минераловъ; произошло совершенно тоже самое, что произойдетъ въ послѣдствіи, послѣ смерти человѣка, когда его тѣло, разложившись, образуетъ новыя подобныя соединенія. Между тѣмъ душа человѣка, при перемѣнахъ тѣла, оставалась тою-же и неизмѣнною, такъ какъ она едина и проста, и смѣна матеріальныхъ частичекъ въ тѣлѣ на нее не имѣла вліянія. Но если душа осталась тою-же, когда все или почти все тѣло измѣнилось, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что существованіе души нисколько не зависитъ отъ существованія тѣла, ибо она уже пережила совершенную его перемѣну или, употребляя болѣе общее выраженіе,—пережила полное разрушеніе этого тѣла. Поэтому, если самымъ сильнымъ доказательствомъ того мнѣнія, что душа погибаетъ вмѣстѣ

съ тѣломъ, считаютъ феноменъ смерти, то фактъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, служить достаточнымъ на него отвѣтомъ. Это доказательство основывается на томъ, что мы не знаемъ ни одного достовѣрнаго случая, когда душа существовала-бы послѣ смерти тѣла. Но вотъ здѣсь представляется именно этотъ желаемый случай, потому что очевидно, что то, что происходитъ въ тѣлѣ вдругъ, въ минуту смерти, имѣетъ мѣсто въ теченіе всей нашей жизни; правда, все это происходило болѣе постепенно, но что касается до результата, также дѣйствительно. Смерть не разлагаетъ тѣла на его первые элементы, чтобы образовать изъ нихъ новыя соединенія болѣе полно и совершенно, чѣмъ 15 или 20 лѣтъ жизни, въ теченіе которыхъ разрушается это самое тѣло, посредствомъ точно такого же разрѣшенія и соединенія элементовъ. Между тѣмъ, по прошествіи этихъ лѣтъ, послѣ того, какъ наше первоначальное тѣло совершенно разсѣялось и образовало другія сочетанія, наша душа осталась тою-же самою, съ тою-же памятью, съ тою-же силою внутренняго воспріятія, съ тѣмъ-же сознаниемъ личнаго тожества, какъ если-бы тѣло не подвергалось никакой перемѣнѣ“. Итакъ и при жизни въ сущности происходитъ точно тоже явленіе, какъ и при смерти тѣла, только съ меньшею степенью быстроты. „Каждый-бы повѣрилъ отдѣльному существованію души, если-бы ему доказали на опытъ, что она существуетъ безъ тѣла; но факты, на которые мы указали, и доказываютъ, что она существуетъ безъ того тѣла, съ которымъ иѣкогда была соединена; и хотя она потомъ соединилась съ другимъ (того тѣла, которое мы имѣли 15, 20 лѣтъ тому назадъ, теперь уже нѣтъ), но такъ какъ она не болѣе привязана къ этому послѣднему, какъ и къ первому, то ясно, что ея существованіе отлично и независимо отъ существованія этого тѣла. Точно также, каждый-бы повѣрилъ, что душа переживаетъ тѣло, если-бы наглядно можно было показать ея существованіе послѣ смерти тѣла; но представленные нами факты и доказываютъ, что душа продолжаетъ существовать послѣ хроническаго разложенія, которому тѣло подвергается въ теченіе всей своей жизни. Итакъ мы имѣемъ здѣсь желаемое доказательство существованія души послѣ разложенія тѣ-

лесной оболочки, съ которою она была связана... Имъ доказывается по нашему мнѣнію“, говоритъ лордъ Брумъ, которому принадлежитъ сейчасъ приведенное нами разсужденіе, „возможность безсмертія души также строго и ясно, какъ если-бы кто изъ тѣхъ, кого уже пѣтъ, снова-бы ожилъ и возвратился къ жизни“ *).

Представленными нами фактами достаточно устраняется то, часто выставляемое противъ истины безсмертія души, возраженіе, будто связь и зависимость души отъ тѣла до такой степени тѣсна и существенна, что дѣлаетъ невыслышимымъ продолженіе ея жизни безъ тѣла, со смертію послѣдняго. Въ этихъ фактахъ, психологическое доказательство безсмертія души, основанное на понятіяхъ ея духовности, простоты и не сложности, получаетъ новое, сильное подтвержденіе.

Но достаточно-ли однихъ этихъ понятій для доказательства нашей истины? По мнѣнію Канта, простота души свидѣтельствуется только о томъ, что она не можетъ быть уничтожена посредствомъ разложенія на части, какъ предметы физическіе или наше тѣло, но не говоритъ еще о томъ, чтобы для души невозможенъ былъ другой какой-либо способъ уничтоженія. Если душѣ и не свойственна величина экстенсивная (т. е. протяженность и въ слѣдствіе этого, — дѣлимость), то ей во всякомъ случаѣ, какъ показываетъ опытъ, свойственна величина интензивная (т. е. различіе степени силы и напряженности ея способностей и силъ). Но уничтоженіе возможно и при послѣдняго рода величинѣ точно также, какъ и при первой; различіе будетъ лишь въ томъ, что тамъ оно происходитъ чрезъ раздробленіе или разложеніе протяженнаго, а здѣсь — чрезъ постепенное уменьшеніе интензивности, чрезъ большее и большее ослабленіе ея силы (*remissio*) души, которое можетъ дойти до совершеннаго ея уничтоженія. Душа можетъ исчезнуть, какъ постепенно замирающій звукъ, какъ постепенно слабѣющій и наконецъ исчезающій свѣтъ. Различныя степени напряженія нашихъ душевныхъ силъ и самаго сознанія то болѣе, то менѣе яснаго, представляются намъ въ формѣ интензивной ве-

*) Lord Brougham, Discours sur la Theol. natur. trad. par. Tarver, p. 115—119.

личины; постепенное ослабленіе сознанія можетъ дойти до полнаго его уничтоженія, а вмѣстѣ съ нимъ и самой души *).

Это возраженіе противъ истины безсмертія души прежде всего грѣшитъ тѣмъ, что вообще смѣшиваетъ обнаруженія психической дѣятельности съ началомъ, лежащимъ въ основѣ этихъ обнаруженій, субстанцію души съ ея проявленіями. Можетъ увеличиваться и уменьшаться энергія дѣятельности различныхъ психическихъ силъ, можетъ даже вовсе не проявляться этой энергіи до извѣстнаго возбужденія и развитія ихъ, напр. въ младенчествѣ, но самой души, какъ таковой, столь-же мало можно приписать интенсивную величину, какъ и экстенсивную. Какъ невозможно сказать, что одна душа больше или меньше другой по пространственному объему, такъ невозможно сказать и того, что одна душа больше или меньше другой по степени или напряженности бытія.

Но если понятіе интенсивной величины можетъ имѣть мѣсто только въ приложеніи къ феноменамъ душевной жизни, а не къ самому существу души, то очевидно, мысль Канта о возможности ослабленія интенсивной энергіи души до уничтоженія ея самой не можетъ быть допущена. Какъ понятіе величины экстенсивной (пространственной) необходимо соединяется въ нашемъ умѣ съ представленіемъ безконечной дѣлимости или уменьшенія ея безъ возможности дойти до совершеннаго уничтоженія дѣлимаго, такъ точно и понятіе величины интенсивной предполагаетъ только безконечное уменьшеніе степени, но не уничтоженіе самой уменьшающейся интенсивной величины. Поэтому какъ въ мірѣ физическомъ, сколько-бы ни продолжали дѣленіе даннаго вещества, мы никогда не достигнемъ совершеннаго исчезновенія его, но будемъ получать только меньшія и меньшія части его, такъ точно и въ мірѣ духовномъ, какъ-бы (мысленно) ни уменьшали степень энергіи психической жизни, мы можемъ дойти только до наименьшей степени этой энергіи, но не до уничтоженія ея. Это чисто теоретическое соображеніе **) оправдывается и опы-

*) Критика чистаго разума. 1867 г. Пер. Владиславлева, стр. 312—316.

**) Оно вполне согласно и съ теоріею самого Канта объ интенсивной величинѣ, такъ что въ его возраженіи противъ ученія о безсмертіи нельзя не замѣ-

томъ. Ссылаясь и съ своей стороны на опытъ, Кантъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду сознание. Повидимому мы здѣсь имѣемъ передъ собою не только степени ясности его, но и фактъ совершеннаго исчезновенія его, напр. во время сна, обморока и т. п. Но дѣйствительно-ли здѣсь упадокъ сознания (уменьшеніе интенсивной величины) доходитъ до совершеннаго уничтоженія его? Если-бы оно на самомъ дѣлѣ уничтожилось, то возникшее вновь сознание было-бы уже не то же самое, что прежде, а иное, что противорѣчитъ ясному сознанию тождества нашего я. Итакъ, строго говоря, оно и не исчезало, но только находилось на самой низшей степени интенсивности, настолько низкой, что казалось какъ-бы несуществующимъ. То, что мы сказали о сознаниі, относится и ко всѣмъ актамъ психическимъ. Извѣстны случаи воспоминанія того, что въ теченіи многихъ лѣтъ казалось совершенно забытымъ и исчезнувшимъ; также какъ представленія и мысли, хранятся иногда въ нашей душѣ склонности, желанія и чувства, которыя мы считали совершенно исчезнувшими, но которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, оживаютъ и пробуждаются въ насъ съ прежнею силою и энергіею. Все это ясно показываетъ, что въ нашей душѣ ничего окончательно не исчезаетъ, но кажущееся исчезновеніе свидѣтельствуетъ только о возможности (употребляя терминологию Канта) крайняго уменьшенія интенсивной величины души, но не ея уничтоженія.

Но устранивъ возраженіе Канта противъ безсмертія души, мы однако-же не устранили еще самой мысли, лежащей въ его основаніи,—мысли о возможности для души какой-либо внутренней причины ея уничтоженія, которое можетъ имѣть мѣсто, не смотря на ея простоту, несложность и духовность. Дѣйствительно, на основаніи этихъ понятій мы собственно имѣемъ право утверждать лишь то, что наша душа не можетъ прекратить своего существованія вмѣстѣ съ тѣломъ и отъ тѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ смерть тѣла, въ

слѣдствіе его сложности и дѣлимости. Но психологическое доказательство еще не ручается за то, чтобы въ самой душѣ, независимо отъ связи ея съ тѣломъ, не могло быть собственной, внутренней причины прекращенія ея бытія. Возможность такого прекращенія, въ силу собственнаго закона ея жизни, по видимому, предполагается уже самымъ понятіемъ о ней, какъ о существѣ хотя и духовномъ, но ограниченномъ предѣлами, если не пространства, то времени. Все, что имѣетъ начало во времени, говорятъ, должно имѣть и конецъ.

Дѣйствительно, если простота души давала возможность сравнивать ее съ простымъ элементомъ (атомомъ) физической природы и утверждать за нею ту-же неразрушимость, какую наука приписываетъ послѣднему, то саможизненность души, какъ начала живаго, условливающаго извѣстную совокупность жизненныхъ явленій, называемыхъ психическими, даетъ намъ право сравнивать ее съ органическимъ началомъ, производящимъ совокупность жизненныхъ феноменовъ въ индивидуумахъ органическихъ. Это органическое начало, какъ не вещь-существенное, мы можемъ мыслить аналогическимъ съ душою. Но теперь, обращая вниманіе на организмы, мы легко замѣчаемъ, что кромѣ свойствъ дѣлимости и разлагаемости, которыя условливаютъ ихъ разрушеніе при дѣйствіи неблагоприятныхъ внѣшнихъ вліяній, можетъ быть другая, чисто внутренняя причина ихъ смерти, именно,—истощеніе жизненной силы. Конечно, растеніе, животное, человѣческій организмъ могутъ погибнуть, и большею частію погибаютъ отъ неблагоприятнаго дѣйствія на нихъ внѣшнихъ агентовъ; но представимъ, что все внѣшнія условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь организма, дѣйствуютъ постоянно въ высшей степени благоприятно для сохраненія этой жизни. Органическое существо, какъ-бы долго ни жило при содѣйствіи самыхъ счастливыхъ условій жизни, все-таки умретъ, если не отъ внѣшнихъ причинъ, то по самому свойству своей природы, не позволяющей ему существовать вѣчно, сверхъ опредѣленнаго срока времени; оно умретъ отъ самоистощенія. Окружите дерево самымъ заботливымъ уходомъ; оно просуществуетъ очень долго, но рано или поздно погибнетъ, истративъ весь запасъ жизненной силы. Человѣче-

скій организмъ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, можетъ просуществовать сто и болѣе лѣтъ, но наконецъ разрушится, если не отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и не отъ болѣзни, то отъ того, что сила жизни перестанетъ въ немъ дѣйствовать, дошедши до положеннаго природою предѣла. Итакъ, не одна только матеріальность предметовъ и происходящая отсюда ихъ сложность и дѣлимость можетъ быть причиною уничтоженія, но и собственная природа ограниченныхъ существъ. Тоже можетъ быть и съ душою; недоступная уничтоженію причинами внѣшними, подобно вещественнымъ предметамъ, она можетъ уничтожиться, какъ всякое органическое существо, вслѣдствіе самоистощенія по достиженіи узаконеннаго предѣла бытія.

Отвѣта на представленное недоумѣніе мы не можемъ найти въ одномъ понятіи духовности души и ея отличія отъ тѣла. Мы должны попытаться доказать, что душа не можетъ погибнуть не только отъ внѣшнихъ ей причинъ разрушенія, какова напр. смерть тѣла, но и отъ *своихъ* внутреннихъ причинъ, что въ ней самой не кроется начала уничтоженія.

Первую замѣчательную попытку такого доказательства мы находимъ у Платона. Въ одномъ изъ своихъ доказательствъ безсмертія души онъ именно обращаетъ вниманіе не только на внѣшнія, но и на внутреннія причины, отъ которыхъ могла бы разрушиться душа и старается показать, что такихъ причинъ для нея нѣтъ. Благопріятствующія жизни какого-либо существа условія его бытія Платонъ, вообще по отношенію къ нему, называетъ *добромъ*, а неблагопріятныя разрушающія его и уничтожающія, — *зломъ*. Каждая вещь, по его мнѣнію, имѣетъ въ этомъ смыслѣ свое собственное добро и свое собственное зло; такъ напр. болѣзнь есть зло для тѣла, гніеніе для дерева, ржавчина для желѣза. Такое зло можетъ быть или внутреннимъ, или внѣшнимъ. Внутреннее зло есть то, которое касается самой природы известной вещи и ее разрушаетъ; внѣшнее можетъ быть гибельно въ той лишь мѣрѣ, въ какой оно подаетъ поводъ ко злу внутреннему или производитъ его. Такъ напр. для тѣла болѣзнь есть зло внутреннее, а вредное кушанье — зло внѣшнее, которое потому только вредитъ тѣлу, что производитъ зло внутреннее или болѣзнь.

Теперь, если есть существо, которому хотя свойственно зло внутреннее, по это зло не разрушаетъ его (какъ напр. разрушаетъ тѣло его внутреннее зло, — болѣзнь), то такое существо должно было признано неразрушимымъ. А такого рода существо и есть душа. Внутреннее зло или недуги души: несправедливость, неумѣренность, невѣдѣніе и другіе, хотя и дѣлаютъ ее несовершеннѣе, но не разрушаютъ и не уничтожаютъ ее, какъ болѣзнь тѣла. Напротивъ замѣчаютъ, что люди съ ненормальнымъ и несправедливымъ направленіемъ души гораздо дѣятельнѣе и предпримчивѣе, когда дѣлаютъ неправду. Если же такимъ образомъ внутреннее зло не можетъ разрушить души, то тѣмъ болѣе зло внѣшнее. Оно могло-бы сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если-бы производило внутреннее зло въ душѣ, если-бы напр. болѣзнь или смерть дѣлала душу порочнѣе или несправедливѣе, а несправедливость затѣмъ разрушила-бы существо ея. Но послѣдняго не только никогда не бываетъ, но, напротивъ, смерть освобождаетъ душу отъ всякаго зла, которому она была подвержена вслѣдствіе соединенія съ чувственнымъ тѣломъ. Итакъ, поеліку никакое зло, ни внутреннее, ни внѣшнее, не можетъ разрушить души, то она неразрушима и безсмертна *).

Въ этомъ остроумномъ доказательствѣ Платонъ приравниваетъ болѣзнь, разрушающія организмъ, къ нравственнымъ болѣзнямъ души, и такъ какъ эти внутреннія причины не одинаково дѣйствуютъ въ своей сферѣ, и въ области жизни тѣлесной производятъ смерть, а въ области духовной не только не разрушаютъ души, но, какъ свидѣтельствуемъ опытъ, дѣлаютъ ее даже энергичнѣе, жизнениѣе, такъ сказать, — напр. страсти, то онъ и заключаетъ, что нѣтъ не только внѣшнихъ, но и внутреннихъ причинъ уничтоженія души. Но тѣмъ не менѣе доказательство Платона, хотя и указываетъ на одну изъ сторонъ различія души и тѣла, могущихъ вести къ предположенію о различной судьбѣ той и другаго, но упускаетъ изъ виду одну изъ главныхъ внутреннихъ причинъ, могущихъ прекратить жизнь души, кромѣ той, которую онъ называетъ внутреннимъ

*) Rep. X. С.

недугомъ или зломъ; это—естественное истощеніе жизненной силы души.

Чтобы рѣшить вопросъ, нѣтъ ли въ самой душѣ, въ силу ея ограниченной природы, какихъ-либо независящихъ отъ внѣшнихъ причинъ условій къ ея уничтоженію, мы уже должны выйти за предѣлы психологическаго доказательства, имѣющаго въ виду только общія существенныя свойства души, главнымъ образомъ ея простоту и самостоятельность. Что нужно для рѣшенія этого вопроса, это отчасти можетъ быть предуказано тою самою аналогіею души съ жизненною силою, которая служила намъ для разъясненія настоящаго затрудненія. Какія условія и признаки того явленія, которое мы назвали самоистощеніемъ жизненной силы, естественною смертію организма? Очевидно, это самоистощеніе, эта смерть наступаетъ тогда, когда организмъ вполне выполнитъ свое назначеніе, разовьетъ всѣ свои органы, совершитъ всѣ свои жизненныя функціи. Если теперь тотъ законъ, что существо, вполне выполнившее свою жизненную задачу, развившее всѣ свои силы, должно прекратить свое бытіе,—примѣнимъ къ душѣ, то очевидно, рѣшеніе занимающаго насъ теперь вопроса будетъ зависетьъ отъ того, признаемъ-ли мы, что душа въ теченіе земной жизни выполняетъ и можетъ выполнить свое назначеніе, или нѣтъ. Итакъ мы для окончательнаго рѣшенія вопроса о безсмертіи души должны остановиться на вопросѣ о назначеніи человѣка и возможности или невозможности выполнить это назначеніе здѣсь, на землѣ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по отношенію къ истинѣ безсмертія души, должно дать намъ новое доказательство этой истины, которое можно назвать *телеологическимъ*, такъ какъ оно основывается на разсмотрѣніи цѣли существованія человѣка.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ этого рода доказательству, подведемъ итоги достигнутыхъ уже нами результатовъ, чтобы окончательно выяснитъ тѣ значительныя пріобрѣтенія, которыя уже сдѣланы нами въ пользу истины безсмертія души.

Въ силу своей духовности и самостоятельности душа не можетъ быть уничтожена тѣми физическими причинами, которыя производятъ разрушеніе нашего тѣла. Слѣдовательно душа,

жизнь которой условливается *своими* внутренними причинами, не смотря на смерть физическую, может и должна продолжать свое существованіе до того неопредѣленнаго момента, когда она прекратитъ жизнь вслѣдствіе предполагаемаго только нами (но еще не отстраненнаго) истощенія своей собственной, жизненной силы. Есть-ли такой моментъ, возможно-ли вообще истощеніе жизнедѣятельности души, — психологическое доказательство объ этомъ ничего еще не говоритъ; но оно на основаніи опыта достовѣрно можетъ сказать, что настоящая жизнь души не представляетъ даже отдаленныхъ признаковъ приближенія такого самоистощенія. Какъ-бы ни была продолжительна земная жизнь человѣка, какъ-бы ни была полна она, какими-бы сокровищами опыта, знанія, нравственныхъ совершенствъ ни обогатился человѣкъ, никто не скажетъ, чтобы въ этомъ отношеніи для него не было возможно дальнѣйшее и дальнѣйшее развитіе и усовершеніе. И здѣсь, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, мы встрѣчаемъ не параллелизмъ, а совершенную противоположность между жизнью души и тѣла. Нашъ организмъ, достигнувъ извѣстной, высшей точки своего развитія, уже не можетъ развиваться дальше; какъ самый ростъ его прекращается, такъ и прочія физиологическія отправления представляютъ только повтореніе прежняго; не только дальше развиваться, но и стоять даже на одной точкѣ органическая жизнь не можетъ; она постепенно клонится къ упадку и угасаетъ отъ самоистощенія, если даже не будетъ никакихъ болѣзней или внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ, преждевременно ее прекращающихъ. Нашъ психическій организмъ, какъ мы видѣли, не слѣдуетъ въ своемъ развитіи законамъ организма физическаго; ни высшей точки, ни предѣла для его развитія въ земной жизни мы не находимъ. Отсюда видно, что предполагаемый моментъ самоистощенія души (если онъ есть) не только не можетъ совпадать съ моментомъ истощенія органической силы и происходящей отсюда смерти, но долженъ быть отнесенъ далеко за предѣлы настоящей самой продолжительной жизни.

Такимъ образомъ анализъ существенныхъ свойствъ души приводитъ насъ, если не къ окончательному выводу о *безко-*

нечномъ продолженіи ея сознательнаго бытія,—къ безсмертію въ строгомъ смыслѣ слова, то къ несомнѣнному признанію продолженій ея бытія по смерти тѣла,—къ признанію загробной жизни.

Заключая предыдущее доказательство безсмертія души, основанное на самой идеѣ безсмертія, мы нашли въ логическомъ строѣ этого доказательства аналогію между нимъ и оптологическимъ доказательствомъ бытія Божія. И въ настоящемъ случаѣ мы можемъ указать на такую же аналогію между изложеннымъ нами психологическимъ и космологическимъ доказательствомъ бытія Божія. Какъ въ послѣднемъ изъ существенныхъ свойствъ міра вообще разумъ заключаетъ о первой, безусловной причинѣ міра, такъ и здѣсь изъ существенныхъ свойствъ нашего духовнаго космоса,—нашей души, мы заключаемъ о ея загробномъ существованіи.

В. Нудравцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛАКТАНЦІЙ И ЕГО ФИЛОСОФСКІЯ СУЖДЕНІЯ.

(Окончаніе *).

Отъ опредѣленія философіи Лактанціей переходитъ къ критическому анализу самаго содержанія ея. Главныя составныя части философіи суть: логика, физика и этика. Логика занимается рѣшеніемъ вопроса о познаніи, физика—о сущемъ, этика—о принципахъ нравственной дѣятельности человѣка, о „верховномъ“ благѣ.

Взглядъ Лактанція на сущность, характеръ, степень и границы философскаго знанія весьма интересенъ. Основная ложь философіи въ этомъ отношеніи несомнѣнно состоитъ въ томъ, что она хочетъ достигнуть „совершеннаго знанія“ только при помощи одного „соображенія“, т. е. однимъ отвлеченнымъ мышленіемъ. Философы стремятся познать вещи, стояція внѣ нашего опыта и наблюденія. Но никто не можетъ знать того, чего онъ самъ не видѣлъ или не слышалъ. Следовательно, философы, разсуждающіе о вещахъ, стоящихъ внѣ всякаго опыта, никогда и не могутъ имѣть „совершеннаго“ знанія; а гдѣ нѣтъ знанія, тамъ остаются только однѣ догадки, предположенія, гипотезы (*opinatio*); догадки-же дѣлаются только о томъ, чего навѣрное не знаютъ. Догадки поэтому могутъ быть только вѣроятны, но никогда не могутъ быть достовѣрны; степень вѣроятности ихъ зависитъ всецѣло отъ степени ихъ удаленности отъ провѣрки опыта. Кто что знаетъ, тотъ въ томъ угѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 19.

ренъ. Кто въ чемъ не увѣрепъ, тотъ того не знаетъ, и лишь догадывается. Мысль эту Лактанцій поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. Пусть каждый, по своему мнѣнію, выскажетъ свое сужденіе о положеніи города, котораго извѣстно намъ только одно имя. Одинъ скажетъ, что онъ находится въ равнинѣ, что стѣны его каменные, что дома его очень высоки, что улицы его широкія и что въ немъ много храмовъ и разныхъ украшеній; опишетъ также нравы, обычаи и образъ жизни жителей. Другой заговоритъ объ этомъ-же городѣ уже совершенно другое, третій третье и т. д. Кто-же, спрашивается, высказалъ дѣйствительную правду? Можетъ быть, никто ее не сказалъ. Но такъ какъ здѣсь высказано все, что входитъ въ понятіе города, соотвѣтствуетъ общему порядку вещей и обыкновенному представленію и сужденію людей, то непремѣнно нужно предположить, что въ томъ, что высказано, была какая-нибудь и частичка правды. Тѣмъ не менѣе все-таки нельзя знать, кто именно высказалъ эту частичку правды. Легко можетъ быть, что всѣ въ чемъ-либо ошиблись и что всѣ сказали что-либо справедливое. Стало быть, заключаетъ Лактанцій, безразсудно полагать, что можно узнать посредствомъ одного размышленія, какимъ образомъ устроенъ невидѣнный нами городъ. А между тѣмъ такимъ-же точно характеромъ отличается и философское званіе въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оно переступаетъ границы опыта и основывающихся на немъ выводовъ и умозаключеній. Поэтому едва-ли можетъ кто-либо сомнѣваться въ томъ, что Зенонъ и стоики имѣли полное право отвергать несомнѣнную истинность всякаго рода догадокъ. Дѣлать догадки о предметахъ, которыхъ знать нельзя, свойственно болѣе безразсудному и дерзкому, нежели благоразумному человѣку. Итакъ, если нельзя имѣть совершеннаго знанія, какъ утверждаетъ и Сократъ, и если не слѣдуетъ дѣлать догадокъ, какъ учитъ Зенонъ, то, очевидно, вся философія сама собою уничтожается.

Довѣріе къ философскому познанію въ глазахъ Лактанція прежде всего подрываетъ, такъ сказать, сама-же философія. Она распадается на множество школъ (*in multas sectas*) съ самыми разнообразными направленіями и самыми противорѣчи-

вами мнѣвіями. На чьей-же сторонѣ истина?—спрашиваетъ Лактанцій. Ясно, что она не можетъ находиться во всѣхъ школахъ. Даже болѣе: ея нѣтъ ни въ одной школѣ. Разсматривая ученія всѣхъ школъ, мы будемъ говорить всегда одно и то же: „мы не можемъ ничего придать одной, чего-бы не убавили у другой“. Всякая философская школа осповывается не иначе, какъ на развалинахъ другихъ школъ. Ни одна не хочетъ уступить мудрости другой, потому что ни одна не хочетъ сознаться, что впала въ безуміе (*stultitia*). Одна взаимно опровергаетъ другую. Философы, принадлежащіе къ одной школѣ, обвиняютъ въ глупости другія школы такихъ-же точно философовъ, какъ и они сами. Нельзя похвалить ни одной школы безъ того, чтобы остальные философы не порицали ея. Нельзя присвоить ей истины безъ того, чтобы другіе философы не пали въ ней лжи. Кому же послѣ этого вѣрить? Одной ли школѣ, расхваливающей свое ученіе, или многимъ, уличающимъ ее въ невѣжествѣ? Конечно, мнѣніе многихъ должно имѣть преимущество предъ мнѣніемъ одного, такъ какъ никто не судитъ воли безпристрастно о самомъ себѣ. Если-же мы остаемся въ неизвѣстности относительно всѣхъ, говоритъ Лактанцій, то надобно или всему свѣту вѣрить, или никому не вѣрить. Если никому не вѣрить, то никого не будетъ и мудраго, хотя каждый желаетъ, чтобы его считали мудрымъ. Если всему свѣту вѣрить, то равнымъ образомъ можно сказать, что и весь свѣтъ не мудръ, потому что нѣтъ ни одного человека, у котораго-бы другіе не оспаривали права на мудрость.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что не одинъ только Лактанцій такъ судилъ о философскомъ знаніи. Также смотрѣли на философское знаніе Сократъ, Аркзилай и даже вся философская школа такъ называемыхъ академиковъ, которые въ этомъ отношеніи стали въ самое непримиримое противорѣчіе съ другою философскою школою,—школою такъ называемыхъ физиковъ. Замѣтивъ, что въ природѣ есть много темнаго и непонятнаго, академики вывели отсюда заключеніе, что ничего нельзя знать; физики напротивъ, легко открывъ нѣкоторыя ясныя и очевидныя истины, посмѣшили сдѣлать заключеніе, что нѣтъ ничего такого, чего-бы нельзя было знать. Цер-

вые не поняли того, что ясно; послѣдніе не поняли того, что темно. Одни старались отрицать знаніе, другіе — поддержать его. Какой-же изъ этихъ двухъ школъ, спрашиваетъ Лактанцій, присвоить мудрость, которая, очевидно, не можетъ быть дѣлима?

Видя, какъ противорѣчивы между собою все философія ученія, Аркезилай, главный представитель школы академикомъ, прямо объявилъ, что все философія ученія безъ исключенія ложны, и ссылаясь на сознаніе знаменитѣйшихъ философовъ, а главнымъ образомъ — на Сократа, въ противоположность главѣ школь — Зенону, также утверждалъ, что знать ничего нельзя. На этомъ принципѣ онъ развилъ даже цѣлую философію систему, главное положеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы не философствовать совсѣмъ.

Впрочемъ, указывая на недовѣріе къ философіи знанію, высказанное Аркезилаемъ и академикомъ, мы этимъ вовсе не желаемъ сказать того, что и не доувѣрившій философіи знанію Лактанцій былъ вполне съ ними согласенъ. Напротивъ, онъ даже превосходно опровергаетъ ихъ. Аркезилай, говоритъ Лактанцій, вѣрно доказалъ, что дерзко или безразсудно мечтать одними догадками достигнуть до познанія истины. Между тѣмъ нельзя же было опровергнуть лжи, не имѣя никакого понятія объ истинѣ. Аркезилай положилъ начало философіи, отрицающей истинность самой философіи. Но знать, что ничего нельзя знать, уже само по себѣ значитъ знать что-нибудь. Совершенно ничего не зная, мы бы не знали и того, что ничего нельзя знать. Кто утверждаетъ, какъ аксіому, что ничего не знаетъ, тотъ этимъ самымъ даетъ знать о себѣ, что онъ уже что-нибудь знаетъ. Разсужденіе Аркезилая, по словамъ Лактанція, сходно съ предлагаемымъ въ школахъ образомъ ложнаго умозаключенія: „мнѣ приснилось, будто не нужно вѣрить снамъ“. Стало быть, кто вѣритъ сну, тотъ не долженъ ему вѣрить; а кто не вѣритъ сну, тотъ долженъ ему вѣрить. Аркезилай прекрасно опровергъ мнѣнія другихъ, по свое собственное обосновалъ плохо, такъ какъ нельзя согласиться, чтобы мудрость состояла лишь въ томъ, чтобы ничего не знать. Напротивъ того, чтобы быть мудрымъ, надобно не-

премѣнно знать что-нибудь. Вооружаясь противъ философовъ и доказывая, что они ничего не знаютъ, Аррезилай только самъ потерялъ имя философа, такъ какъ ученіе его состояло въ томъ именно, чтобы не быть философомъ. Древніе опровергаемые имъ философы, по словамъ Лактанція, могли-бы ему отвѣтить такимъ образомъ: „если ты уличаешь насъ въ томъ, что мы ничего не знаемъ, и если мы, по твоему мнѣнію, не философы потому, что ничего не знаемъ, то и самъ ты также не философъ, объявляя, что ничего не знаешь“.

Уже изъ опроверженія мнѣнія Аррезилая съ очевидностію слѣдуетъ, что Лактанцій вовсе не отвергалъ возможности для человѣка собственнаго ему знанія. Въ другомъ мѣстѣ онъ даже доказываетъ его необходимость. Состояніе нашей природы и разныя необходимыя дѣла, говоритъ онъ, обязываютъ насъ знать многія вещи. Можно умереть, когда мы не знаемъ, что полезно для сохраненія нашей жизни и что вредно ей. Много есть также истинъ, открытыхъ долговременнымъ опытомъ. Астрономы, напр., замѣтили движеніе небесныхъ свѣтилъ и измѣненія время года. Медики научились познавать различіе темпераментовъ, силу и дѣйствіе травъ и лекарствъ. Земледѣльцы знаютъ качество земель, признаки дождя и перемѣны, происходящія въ воздухѣ. Знанія эти во времена Лактанція считались вульгарными, ограниченными, „простонародными“, хотя простонародіе, по словамъ Лактанція, знаетъ иногда больше, нежели самые философы, потому что оно не знаетъ болѣе ничего, кромѣ того, что обязано знать. Спросите его, знаетъ-ли оно что-нибудь или не знаетъ; оно скажетъ откровенно, что именно знаетъ и чего не знаетъ. Но существуетъ-ли знаніе философское, не вульгарное, есть-ли въ мірѣ то, что Лактанцій называетъ мудростію?—Да, отвѣчаетъ на это Лактанцій, мудрость есть и даже между философами; только никто изъ нихъ ея не знаетъ. Думающіе, что все можно знать, не имѣютъ ея. Думающіе, что ничего нельзя знать, также не имѣютъ ея. Первые навязываютъ человѣку то, что ему не принадлежитъ. Послѣдніе слишкомъ многое отнимаютъ у него. Тѣ и другіе приходятъ къ крайностямъ. Въ чемъ-же послѣ этого состоитъ, по Лактанцію, мудрость? Она состоитъ,

говорить Лактанцій, въ томъ, чтобы мы вѣрили съ одной стороны въ то, что человѣкъ всего не можетъ знать, потому что всевѣдѣніе свойственно только одному Богу, а съ другой, что онъ и не лишень всякаго званія, потому что совершенное незнаніе свойственно только однимъ скотамъ. Человѣческое знаніе есть именно средина между двумя этими крайностями. Иное знать, а другаго не знать — это составляетъ удѣлъ человѣка. Его знаніе перемѣшивается съ незнаніемъ. Знаніе происходитъ отъ ума, ниспосланнаго съ неба, а незнаніе отъ тѣла, составленнаго изъ земли. Такимъ образомъ одна изъ частей человѣка у насъ сродная съ Богомъ, другая общая съ животными. Удѣлъ одной есть свѣтъ, удѣлъ другой — тьма. Мы отчасти одарены вѣдѣніемъ, отчасти — невѣдѣніемъ. Это какъ-бы мостъ, чрезъ который подобно пройти, чтобы избѣжать опасности ¹⁾.

Пробнымъ камнемъ всякаго рода философствованія является ученіе о Богѣ, какъ Виновникѣ всего существующаго. Философія, болѣе или менѣе приближающаяся къ уразумѣнію истины, не можетъ отрицать ни бытія Бога, какъ Творца міра, ни Его единства, ни Его промысленія о Своемъ твореніи. „Мы думаемъ, говоритъ Лактанцій ²⁾, что нѣтъ человѣка, который, пользуясь умомъ для размышленія и разсудкомъ для вывода умозаключеній, самъ собою не дошелъ-бы до того понятія, что Творецъ всѣхъ вещей есть только одинъ и что Онъ одинъ сохраняетъ всѣ творенія тою силою, какую употребилъ и для ихъ созданія“. А нѣсколько выше ³⁾ онъ выражаетъ ту-же мысль такимъ образомъ: „существуетъ-ли въ мірѣ человѣкъ, который былъ-бы столь грубъ и котораго-бы умъ и нравы были столь дики, что, поднявши глаза къ небу, не убѣдился-бы въ необходимости Провидѣнія, хотя-бы и не зналъ, какой Богъ движетъ вселенною, созерцая одно расположеніе небесныхъ тѣлъ, ихъ движеніе, пространство, пользу, сіяніе, дѣйствія? Онъ не можетъ не повясть, что видимыя имъ вещи, находящіяся въ столь превосходномъ порядкѣ и движущіяся съ такимъ правильнымъ устройствомъ, происходятъ отъ причины

¹⁾ Div. Instit. lib. III. cap. 3—6.

²⁾ Div. Instit. lib. I. cap. 3.

³⁾ Cap. 2.

еще совершеннѣйшей и отъ премудрости прямо Божеской“. И къ чести древнихъ философовъ Лактанцій считаетъ нужнымъ сказать, что почти всѣ они признавали необходимость бытія Божія. Всѣ они, при видимомъ и постоянно разпорясін во всѣхъ другихъ мнѣніяхъ, всегда были совершенно согласны между собою въ томъ, что Провидѣніе должно существовать необходимо. Правда, они употребляли названія неодинаковыя: естества, тонкаго духа, верховнаго разума, необходимости, агента, потребности, божественнаго закона и т. п.,—но подъ всѣми этими различными именами они разумѣли одного и того же единого Бога. Такъ, *Θαλες* Милетскій, одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ, который, какъ думаютъ, первый сталъ разсуждать о явленіяхъ природы, полагалъ, что всѣ вещи произошли отъ воды; онъ утверждалъ, что Богъ воспользовался этою стихіею для сотворенія видимаго міра. Такимъ образомъ, по мнѣнію *Θαλεса*, говоритъ Лактанцій, вода есть вещество (*materia*), а Богъ начало и причина (*principium causaque*) всего происходящаго. *Πυθαγόρας* же такъ опредѣлилъ, что такое Богъ: Духъ, проходящій и разливающійся чрезъ всѣ части вселенной, отъ котораго получаютъ жизнь животныя и все происходящее. *Анаксагоръ* училъ, что Богъ есть безконечный, самодвижущійся разумъ. *Клеанъ* и *Анаксименъ* считали Богомъ чистѣйшую и ближайшую къ небу часть воздуха (*aethera*) ¹⁾. По мнѣнію *Хризиппа* Богъ есть естественная сила, возбуждаемая и приводимая въ движеніе божественною необходимостію. *Зенонъ* считаетъ Бога божественнымъ и естественнымъ закономъ. Гораздо возвышеннѣе понятіе о Богѣ имѣли послѣдующіе философы, въ особенности же *Аристотель* и *Платонъ*. Первый, сомнѣваясь въ истинности языческой религіи, всегда утверждалъ, что существуетъ только разумъ, который и управляетъ всею вселенною. Послѣдній, считающійся изъ всѣхъ философовъ умнѣйшимъ и просвѣщеннѣйшимъ, не употребляя имени воздуха, разума или естества, верховнаго властителя надъ всею вселенною прямо называетъ Богомъ, и признаетъ Его единымъ

¹⁾ Срв. Plutarch. lib. I cap. 3; Placit. Stobaeum Eclog. physic. cap. XIII., Cicero. lib. I. de Nat. D. cap. X. Diog. Laërt. lib. II. Min. Felie. d. I. n. 6.

Творцемъ великаго и чуднаго міра. *Цицеронъ*, послѣдователь и почитатель Платона, часто свидѣтельствуесть о единствѣ Божіемъ и въ своемъ разсужденіи о законахъ называетъ Бога верховнымъ существомъ и при этомъ утверждаетъ, что міръ управляется первымъ изъ всѣхъ существъ. Въ книгѣ своей о *естествѣ боговъ* онъ также говоритъ: „нѣтъ ничего величественнѣе и превосходнѣе божественнаго естества; одна только эта сущность можетъ имѣть верховную власть надъ всѣми тварями; одна она независима, а все прочее отъ нея зависитъ“. А какое возвышенное представленіе онъ имѣлъ о Богѣ, показываетъ слѣдующее выраженіе его: „Богъ, насколько мы можемъ постигнуть Его, есть духъ свободный, изъятый отъ всякаго разрушенія, бессмертный, всевѣдущій, дающій всему движеніе“ ¹⁾. *Сенека*, самый рѣшительный стоикъ, который, по словамъ *Лактанція*, руководствуется во всемъ мнѣніями *Портика*, въ весьма многихъ мѣстахъ своихъ разсужденій воздаетъ Богу подобающую Ему славу. А *Гермесъ*, который, по свидѣтельству *Цицерона*, былъ египтянами включенъ въ число боговъ, своею жизнью и ученіемъ заслужившій названіе *Трисмегиста* (т. е. трижды великаго), жившій не только раньше Платона, но раньше *Пифагора* и семи древнихъ мудрецовъ, разсуждая о величіи Бога, доказываетъ ту мысль, что у Бога нѣтъ даже имени по причинѣ Его величія и единства. Вотъ собственныя слова его: „Богъ единъ; а что едино, то не имѣетъ нужды въ имени; Богъ есть то, что есть: вотъ Его имя. Итакъ, Богъ не имѣетъ имени, потому что Онъ единъ; имена нужны тѣмъ, которыхъ много; они нужны для избѣжанія сбивчивости при ихъ множествѣ, дабы одно лицо отличалось отъ другаго особымъ именемъ“ ²⁾. Подобно этому и *Сократъ* говоритъ у *Ксенофонта*, что не нужно доискиваться, какой видъ или образъ имѣетъ Богъ ³⁾. Платонъ въ своей книгѣ о законахъ также говоритъ, что никакъ не слѣдуетъ стараться узнать, что такое есть Богъ, потому что нельзя его ни открыть, ни изъяснить.

Между древними *Протагоръ*, по мнѣнію *Лактанція*, первый

¹⁾ Div. Instit. lib. I. cap. 5; срв. Cicer. lib. I. Tusc. Quaest. n. 66.

²⁾ Div. Instit. lib. I, cap. 6; срв. De ira Dei, cap. XI,

³⁾ Срв. lib. 4. ἀπορρήγχατ.

усумнился въ бытіи Божіемъ; онъ говорилъ именно, что ему въ точности неизвѣстно, существуетъ-ли Богъ или не существуетъ ¹⁾. Конечно, здѣсь еще нѣтъ полнаго отрицанія, здѣсь высказано только сомнѣніе въ бытіи Божіемъ. Тѣмъ не менѣе ученіе это аѳинянамъ показалось настолько злочестивымъ, настолько противнымъ истинѣ религіи, что они изгнали Протагора изъ своихъ владѣній и публично сожгли все его книги, въ которыхъ оно содержалось. Рѣшительнѣе были въ своихъ мнѣніяхъ Діагоръ и Теодоръ Тирентскій, которые съ настойчивостію отвергали бытіе не Бога, а боговъ, за что и назывались атеистами или безбожниками, каковыми они действительно и были съ греческой, языческой точки зрѣнія. Но были-ли они атеистами въ собственномъ смыслѣ, — съ увѣренностію отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно.

Но если почти все древніе философы были согласны между собою въ томъ, что необходимо признать бытіе Божіе, то не все они одинаково представляли себѣ отношеніе Бога къ міру. Одни изъ древнихъ философовъ признавали Бога въ собственномъ смыслѣ Творцемъ міра и его Промыслителемъ. Лучшими проповѣдниками и истолкователями такого рода философскаго ученія были латинскіе поэты Вергілій и Овидій, за что Лактанцій и считаетъ въ особенности перваго близкимъ къ истинѣ — „*primus Maro non longe fuit a veritate*“.

Другіе философы признавали Бога Творцемъ міра, но не въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ рядомъ съ бытіемъ Бога допускали безначальное существованіе матеріи или вещества, изъ котораго Богъ и образовалъ міръ, далъ безобразному веществу опредѣленную форму, видъ, образъ. Они думали, что вначалѣ или прежде всего существовалъ какой-то хаосъ или странное смѣшеніе стихій и что Богъ, сотворивъ міръ, ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только устроилъ это смѣшеніе и его части привелъ въ порядокъ. Мысль эту въ своей книгѣ *o essentia deorum* Цицеронъ, напр., изъясняетъ такимъ образомъ: „невѣроятно, чтобы вещество, изъ котораго составлены все вещи, было твореніемъ Провидѣнія. Скорѣе можно полагать,

¹⁾ De ira Dei, cap. IX; ср. Instit. divin. lib. 1, cap. 2.

что оно всегда сохраняло и нынѣ сохраняетъ собственную свою природу и силу. Божественное провидѣніе не сотворило вещества. Оно воспользовалось тѣмъ веществомъ, какое нашло, подобно какъ мастеръ пользуется деревомъ или воскомъ, которыхъ не можетъ создать. Если-же Богъ не сотворилъ вещества, то равнымъ образомъ не сотворилъ ни земли, ни воды, ни воздуха, ни огня“¹⁾. Приведши эту выдержку, Лактанцій удивляется—„какая масса заблужденій въ немногихъ словахъ!“ — Если-бы это мнѣніе всецѣло принадлежало только одному Цицерону, то надъ опроверженіемъ его не стоило-бы и трудиться. Во-первыхъ, говоритъ Лактанцій, странно видѣть, что Цицеронъ, во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ признававшій бытіе Провидѣнія и сильно вооружавшійся противъ людей, отвергавшихъ его, вдругъ измѣнилъ ему и сдѣлался какъ-бы предателемъ его. Кто вздумалъ-бы опровергать въ этомъ Цицерона, тому не нужно тутъ ни много трудиться, ни много размышлять. Стоитъ только прочесть внимательнѣе собственныя его слова; ничѣмъ лучше нельзя опровергнуть его, какъ имъ-же самимъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ Цицеронъ говоритъ съ чужаго голоса, является только популяризаторомъ ученія, проповѣдуемаго цѣлою философскою школою, то Лактанцій считаетъ нужнымъ взглянуть на дѣло нѣсколько глубже. По его мнѣнію, приведенное философское ученіе слишкомъ непоследовательно, чтобы могло скрыть свою ложь; оно противорѣчитъ само себѣ и стоитъ лишь на половинѣ своей дороги. Совмѣстнаго отъ вѣчности бытія Бога и матеріи разумъ человѣческой допустить не можетъ. При истинномъ понятіи о Богѣ, какъ существѣ вѣчномъ и всемогущемъ, бытіе отъ вѣчности матеріи становится логически невозможнымъ и совершенно излишнимъ. Какое преимущество въ этомъ случаѣ, спрашиваетъ Лактанцій, могло-бы имѣть могущество Божіе предъ слабостію человѣка, если-бы Богъ въ чемъ-нибудь постороннемъ имѣлъ надобность? Онъ могъ-бы имѣть такую надобность лишь тогда, когда-бы не могъ ничего сдѣлать безъ того, чтобы прежде не доставлено было Ему

¹⁾ Instit. div. lib. II, cap. 8.

вещество. Но если-бы Онъ ждалъ, пока кто снабдитъ Его веществомъ, то могущество Его было-бы ограниченное и тотъ, кто-бы доставилъ Ему вещество, былъ-бы могущественнѣе, чѣмъ Онъ. Какое же имя дали-бы мы тому, кто могущественнѣе самого Бога? А такъ какъ невозможно допустить, чтобы кто могъ быть могущественнѣе Бога, потому что Онъ есть безконечное во всемъ совершенство, сила и могущество, то надобно сознаться, что вещество есть такое-же дѣло рукъ Божіихъ, какъ и всѣ другія вещи, изъ него составленныя. Ясно, что ничто не могло и не должно было получить существованія безъ произволенія и участія Божія. Съ другой стороны, — если-бы мы во что-бы то ни стало хотѣли держаться понятія отъ вѣчности существующей матеріи, то мы назвали-бы Бога только инымъ именемъ и должны-бы были приписать матеріи всѣ свойства Божества. Весьма вѣроятно, говоритъ Цицеронъ, что вещество, изъ котораго составлены всѣ вещи, всегда сохраняло и нынѣ сохраняетъ собственную свою натуру и силу. Но какую собственную силу, спрашиваетъ Лактанцій, можетъ оно имѣть? Оно должно было откуда-то ее получить; отъ кого-же, какъ не отъ Бога? Если оно получило натуру, то должно было прежде родиться. Но какъ могло вещество родиться, если-бы Богъ не произвелъ его? Натура эта, отъ которой будто-бы происходятъ всѣ вещи, не могла ихъ произвести безъ того, чтобы самой не имѣть по крайней мѣрѣ ума и понятія. Если-же она имѣетъ умъ и понятіе, т. е. мудрость или умѣнье изобрѣтать качество твореній и могущество производить ихъ, то она, стало бытъ, есть Богъ. Отсюда понятно уже, какимъ образомъ и Сенека, одинъ изъ утонченнѣйшихъ стоиковъ, пришелъ къ тому заключенію, что натура есть не что иное, какъ Богъ, т. е. къ міровоззрѣнію пантеистическому. „Зачѣмъ, говоритъ онъ, не хвалить намъ Бога, котораго могущество естественно, потому что онъ не заимствуетъ его ни отъ кого другого? Мы дѣйствительно должны хвалить Бога, котораго могущество естественно и который самъ есть естество и натура“. Такимъ образомъ, только при непослѣдовательномъ мышленіи и при неясныхъ понятіяхъ о Богѣ и матеріи можно остановиться на томъ полу-пути, на ко-

торомъ остановилась разбираемая философская школа, и придти къ мысли, что вещество никогда не было сотворено, подобно какъ не сотворенъ и Богъ, который изъ вещества произвелъ міръ. Для этого, говоритъ Лактанцій, слѣдовало-бы допустить бытіе двухъ существъ, которыя, будучи оба вѣчны, были-бы противны другъ другу; а это не могло-бы обойтись безъ несогласія и вражды какъ со стороны того, такъ и другого. Какъ скоро сила и власть ихъ различны (а если они существуютъ отъ вѣчности каждое отдѣльно, то онѣ должны быть различны),—они должны вести борьбу между собою и слѣдовательно не могутъ оставаться вѣчными, одно изъ двухъ должно одержать побѣду. Ясно, что должно быть только одно вѣчное существо, которое является какъ-бы источникомъ, изъ котораго происходятъ другія существа. Такимъ образомъ, необходимо предположить, что или Богъ произошелъ отъ вещества, или вещество произошло отъ Бога. Легко однако-же понять, кто отъ кого происходитъ. Одинъ имѣетъ умъ, другое не имѣетъ его. Могущество дѣйствовать находится только тамъ, гдѣ есть чувство, движеніе, мысль и умъ. Нельзя ничего ни предпринять, ни начать, ни совершить, если это дѣло не было предвидѣно умомъ, если не было обдуманно прежде, чѣмъ стало существовать, если не упрочено, когда уже произведено. Только тотъ можетъ что-нибудь творить, кто имѣетъ къ тому волю и руки. То, что не имѣетъ смысла, не можетъ пристуиить ни къ какому дѣлу, равно какъ и то, что не имѣетъ движенія воли, не можетъ произвести ничего. Послѣ этого ясно, что Богъ не происходитъ отъ вещества, потому что то, что имѣетъ чувство, не можетъ происходить отъ того, что не имѣетъ чувства. То, что имѣетъ умъ, не можетъ происходить отъ того, что не имѣетъ ума. То, что безстрадательно, не можетъ происходить отъ того, что страдательно. То, что безтѣлесно, не можетъ происходить отъ того, что тѣлесно. Вещество, напротивъ, дѣйствительно происходитъ отъ Бога. То, что твердо, жестко и не гибко (*Quidquid est solido et contrectabili coarctare*), получаетъ силу свою извнѣ. То, что получаетъ силу свою извнѣ, можетъ разрушаться. То, что разрушается, имѣетъ конецъ. То, что имѣетъ конецъ, имѣло и начало свое,

т. е., имѣло своего Творца, одареннаго умомъ, предвѣдѣніемъ, могуществомъ и всеми совершенствами; Творецъ этотъ есть не кто иной, какъ Богъ. Кто имѣетъ чувство, умъ, предвѣдѣніе, могущество и премудрость, тотъ можетъ производить одушевленныхъ и неодушевленныхъ тварей и знаетъ, какъ ихъ производить. Вещество не могло всегда существовать, потому что если-бы оно существовало отъ вѣчности, то не способно было-бы подвергаться переменамъ. То, что существовало отъ вѣчности, никогда не перестанетъ существовать и такъ какъ оно не имѣло начала, то не имѣетъ и конца. Чаще и легче случается, что имѣющее начало не имѣетъ конца, но никогда—наоборотъ. Если же изъ того, что вещество подвержено переменамъ и перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, мы съ необходимостію должны придти къ заключенію, что оно должно было имѣть начало и источникъ,—то какой другой можетъ быть виновникъ его, какъ не самъ Богъ? Онъ одинъ не сотворенъ. Такимъ образомъ, соглашаясь съ разумными разсужденіями Лактанція, не только нельзя допустить параллельнаго отъ вѣчности существованія Бога и матеріи, изъ которой будто-бы былъ образованъ міръ, но необходимо признать, что и сама матерія или вещество не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только твореніемъ единаго, вѣчнаго, разумнаго, всемогущаго Бога.—Въ древней философіи были, впрочемъ, и другаго рода гипотезы о происхожденіи міра, отвергавшія въ Богъ всякое творческое значеніе, отказывавшія ему даже и въ значеніи художника (*faber*). Были философы, которые, признавая бытіе Божіе, но не желая допустить (по какой причинѣ—увидимъ ниже), что міръ есть твореніе божественнаго провидѣнія, утверждали, что онъ или произошелъ отъ случайнаго скопленія извѣстныхъ тѣлъ (теорія атомистическая), или произведенъ внезапно одною силою природы (гипотеза физиковъ). Согласно съ *Стратономъ* они думали, что природа сама по себѣ имѣетъ силу производить и разрушать все вещи, хотя, впрочемъ, утверждали при этомъ какъ-бы въ опроверженіе всего ученія своего, что въ самой природѣ нѣтъ ни вида, ни чувства.

Главными представителями атомистической теоріи считаются *Левкинъ*, *Демокритъ* и *Эпикуръ*. Первый положилъ начало

ей, второй продолжалъ развитіе и усовершенствованіе ея для предупрежденія возможныхъ возраженій противъ нея. Всѣ древніе философы думали, что міръ составленъ изъ четырехъ стихій. Левкиппъ призналъ это предположеніе недостаточнымъ для объясненія происхожденія міра и сталъ учить, что обыкновенныя стихіи имѣютъ такія основныя начала, которыя не могутъ быть ни видимы, ни осязаемы, ни ощущаемы какимъ-бы то ни было образомъ. Онъ вообразилъ ихъ, говоритъ Лактанцій, столь мелкими, что самою топкою иглою нельзя ихъ раздѣлить, а потому и назвалъ ихъ *атомами*. Но такъ какъ онъ предвидѣлъ возраженіе, что, при одинаковости вида, атомы не могли-бы произвести столь чуднаго разнообразія твореній, какое замѣчается во вселенной,—то онъ и вынужденъ былъ оговориться, что атомы по формѣ весьма разнообразны: иные гладки, другіе шероховаты, нѣкоторые круглы, а прочіе остро-конечны и походятъ на крючки. Они летаютъ и движутся непрерывно въ воздухѣ подобно пыли, являющейся въ то время, когда лучъ солнечный проходитъ чрезъ отверстіе окна. Какимъ-же образомъ атомы не могутъ безслѣдно исчезнуть, удалившись другъ отъ друга въ необъятномъ міровомъ пространствѣ? На этотъ вопросъ Эпикуръ отвѣчаетъ предположеніемъ, что пустоты нѣтъ, что вездѣ существуютъ безконечныя пространства и безчисленное множество міровъ ¹⁾.

Разбирая эту теорію, Лактанцій останавливаетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ: основаніи бытія

¹⁾ Достоинство замѣчанія сужденіе Эпикура объ устройствѣ міра. „Провидѣніе, говоритъ онъ, нисколько не заботилось объ образованіи тѣлъ животныхъ и члены ихъ не опредѣлены ни на какое употребленіе: глаза даны не для того, чтобы видѣть, уши не для того, чтобы слышать, языкъ не для того, чтобы говорить, ноги не для того, чтобы ходить; всѣ эти органы устроены прежде, чѣмъ стали способными къ какому-либо подобному употребленію... Порядка въ мірѣ нѣтъ; составляющія его части не на своемъ мѣстѣ и многія вещи нужно бы измѣнить... Плоды деревьевъ рождаются сами собою, они произведены не въ пользу животныхъ и въ произведеніи ихъ Провидѣніе не принимало никакого участія. Видимыя въ мірѣ вещи явились также не по опредѣленію Провидѣнія: онѣ происходятъ отъ случайнаго сѣпленія атомовъ, носящихся въ воздухѣ. Эти атомы не примѣтны для глаза, они не имѣютъ ни цвѣта, ни теплоты, ни запаха, величина ихъ такъ мала, что они не могутъ быть подвергнуты никакому дѣленію“. Срв. *Institut. div. lib. III., cap. 17.*

атомовъ и на предположеніи недостаточности вообще атомистической теоріи для объясненія происхожденія міровой жизни. Гдѣ, спрашиваетъ онъ, тѣ мелкія тѣла, чрезъ случайное сѣщеніе которыхъ произошелъ міръ? откуда онѣ взялись? кто когда ихъ видѣлъ? кто когда слышалъ о нихъ? Неужели одинъ только Левкинъ имѣлъ глаза и умъ? Или — лучше сказать, — не онъ-ли одинъ не имѣлъ ума и глазъ, потому что выдумалъ такія вещи, которыя смѣшны и невѣроятны, нежели сны и мечты? Если эти мелкія тѣла гладки и круглы, то, очевидно, онѣ не могутъ соединиться, чтобы составить что-либо цѣлое; если же между ними есть шероховатая и имбюція видъ треугольниковъ и крючковъ (*et aspera, et angulata, et hamata*), то въ нихъ должны быть концы и переднія части, которыя могутъ быть дѣлимы, и слѣдовательно должны быть видимы и осязаемы. — Еще болѣе неудовлетворительною оказывается атомистическая теорія въ рѣшеніи самаго вопроса о происхожденіи міра. Если отъ атомовъ происходятъ все вещи, то откуда-же происходятъ сами атомы? Что привело ихъ въ движеніе, кто далъ имъ первый толчекъ къ образованію міра и кто остановилъ ихъ творческую дѣятельность по совершеніи творенія? — Божественная необходимость; но вѣдь это слово совершенно пустое и ничего не означаетъ, какъ и слово „случай“. Если атомы существуютъ отъ вѣчности, то они не могутъ имѣть и конца; а такое предположеніе ведетъ къ новому абсурду. Пбо если-бы было справедливо, что все существующее въ мірѣ составлено изъ недѣлимыхъ тѣлъ, продолжающихъ существовать еще и въ настоящее время, то ничто не требовало бы, говоритъ Лактанцій ¹⁾, особыхъ сѣмянъ для своего произрастанія; ни яйца не нужны-бы были для высиживанія птицъ, ни птицы для того, чтобы нести яйца; животные не стали-бы рождаться обыкновеннымъ образомъ; деревья и травы росли-бы безъ сѣмянъ, которыя мы сѣемъ. Почему-же эти атомы не производятъ деревьевъ, травъ и растений безъ земли, безъ влажности, безъ корней, если и воздушное пространство наполнено атомами? Ясно, что сами по себѣ, если-бы они и

¹⁾ De ira Dei cap. X.

дѣйствительно существовали, атомы не могутъ произвести рѣшительно ничего, потому что всякая вещь имѣетъ свою особую природу, имѣетъ свойственное ей сѣмя и особымъ образомъ начинается и происходитъ. Нужно-ли еще говорить о животныхъ, устройство которыхъ такъ чудно, что нѣтъ ни одной части, которая-бы не имѣла своего мѣста, своего назначенія, своей красоты? Обративъ на разсмотрѣнїе ихъ только нѣкоторое вниманіе, легко убѣдиться, говоритъ Лактанцій, что они не могутъ быть произведеніемъ простаго случая. Если бы мы даже и допустили, что члены, кости, нервы, кровь и влаги состоятъ изъ атомовъ, то изъ чего, спрашивается, состоятъ чувства, память, мысль, сужденіе и умъ? Какимъ образомъ атомы, случайно сдѣвливающіеся и скопляющіеся вмѣстѣ, могутъ произвести твореніе, исполненное разума? Неужели мы можемъ сказать даже, что естественный образъ человѣка есть произведеніе искусства, и что самый человѣкъ есть не что иное, какъ дѣйствіе случая и случайное скопленіе какихъ-то мелкихъ частей? Способность художника не простирается до того, чтобы онъ могъ дать чувство своему творенію. Онъ не можетъ придать ему ни зрѣнїя, ни слуха, ни обонявїя, ни чудеснаго дѣйствїя органовъ, проявляющихся внѣ, или скрытныхъ и внутреннихъ. Какой художникъ могъ составить сердце человѣка, сообщить ему даръ слова и внушить ему мудрость? Въ комъ есть какой-либо смыслъ, тотъ повѣритъ-ли, чтобы случайное скопленіе атомовъ могло произвести то, чего не можетъ произвести человѣкъ со всею своею мудростію? Вотъ въ какія мечты, говоритъ Лактанцій, впали философы, отрекаясь предоставить Богу славу творенїя міра и управленїя имъ. Признавая всѣ вещи составленными изъ атомовъ, атомисты впрочемъ исключаютъ изъ числа ихъ боговъ и сознаются, что боги нетлѣнны, вѣчны и блаженны. Но если есть что-либо такое, что не состоитъ изъ атомовъ, говоритъ Лактанцій, то почему-бы не сказать, что и все прочее не состоитъ изъ нихъ?

Столь же неудовлетворительною предъ безпощаднымъ судомъ Лактанція оказывается и другая изъ упомянутыхъ нами гипотезъ, по которой предполагается, что міръ сотворенъ мгновенно одною изъ силъ природы, не имѣющею однакоже ни

вида, ни чувства. Въ опроверженіе этой гипотезы Лактанцій говоритъ ¹⁾, что если природа сотворила міръ, то нужно предполагать, что для сотворенія его она употребила совѣтъ и разумъ, такъ какъ для совершенія чего-нибудь подобно имѣть вѣдѣніе о томъ и волю къ тому. Если сама природа не имѣетъ ни вида, ни чувства, то какъ могла она сотворить существа со столь чудеснымъ видомъ и со столь живымъ чувствомъ? Кто въ состояніи сказать утвердительно, чтобы природа безъ познанія, безъ искусства, безъ умѣнія, по одному только случаю, могла произвести тѣла животныхъ, составъ которыхъ столь утонченъ и удивителенъ, или небо, котораго расположеніе столь мудро соразмѣрено съ нуждами человѣка?... Хризиппъ говоритъ: если что-либо существуетъ такое, чего человѣкъ не можетъ сдѣлать со всею своимъ разумомъ, то подобно, чтобы эта вещь была больше, сильнѣе и умнѣе, нежели человѣкъ. Человѣкъ не могъ и не можетъ сотворить ни неба, ни звѣздъ. Слѣдовательно, тотъ, кто ихъ сотворилъ, долженъ превосходить человѣка въ умѣніи, въ изобрѣтеніи, въ благоразуміи и въ могуществѣ. Такимъ существомъ можетъ быть не другой кто, какъ Богъ. Если природа, которую нѣкоторые философы считаютъ матерію всехъ вещей, не имѣетъ ни познанія, ни чувства, то она не можетъ дѣлать ничего. Гдѣ нѣтъ ни познанія, ни мысли, тамъ нѣтъ также ни движенія, ни дѣйствія. Но если природа пользуется разумомъ для произведенія своихъ твореній, если она употребляетъ умъ или разумъ для ихъ устройства и приведенія въ порядокъ, если она оказываетъ свое могущество для ихъ усовершенствованія и сохраненія, — то почему вмѣсто того, чтобы называть ее природою, не называется она Богомъ? Если природа, которой основное начало состоитъ въ дѣйствованіи безъ вѣдѣнія, могла сотворить все видимыя вещи, то спрашивается, почему она могла сотворить небо и почему не могла создать города, или дома? Почему могла произвести горы и мраморы и не могла составить колонны или статуи? — Что слѣзия, неразумная природа не могла произвести разумнаго существа, напримѣръ — ду-

¹⁾ De ira Dei, cap. X.

ни человѣческой,—это сознавалъ не одинъ только Лактанцій, но и многіе лучшіе люди языческаго міра. Такъ, Цицеронъ въ своихъ „Тускуланскихъ вопросахъ“ и въ своей книгѣ объ утѣшеніи прямо говоритъ, что на землѣ нельзя найти основнаго начала, отъ котораго-бы происходила человѣческая душа. „Нѣтъ въ ней, говоритъ онъ, ни составныхъ, ни смѣшанныхъ частей; нѣтъ въ ней ничего, что было-бы составлено изъ земли или изъ влажности воды, и что принадлежало-бы природѣ воздуха или огня. Во всѣхъ этихъ тѣлахъ или стихіяхъ нѣтъ ничего, содержащаго въ себѣ память, мысль и умъ, который вспоминаетъ прошедшее, знаетъ настоящее и предвидитъ будущее,—чего не могъ-бы онъ дѣлать, если-бы не имѣлъ въ себѣ чего-либо божественнаго. Откуда-бы могъ произойти этотъ умъ, если-бы онъ не происходилъ отъ самого Бога?“¹⁾ Эта истина, говоритъ Лактанцій, очевидна, потому что все, имѣющее разумъ, можетъ происходить отъ такого только основнаго начала, которое само его имѣетъ. Разумъ свойственъ единственно только природѣ, имѣющей чувство и мудрость; а такая природа есть не что иное, какъ самъ Богъ. Если-же міръ сотворенъ съ содѣйствіемъ разума и тѣмъ-же разумомъ управляется, то это—явное и несомнѣнное доказательство, что только одинъ Богъ и могъ быть его создателемъ.

Можетъ показаться довольно страннымъ и даже непонятнымъ, какимъ образомъ нѣкоторые древніе языческіе философы, допуская бытіе Божіе, не признавали однакоже Бога Творцемъ и Промыслителемъ міра. Главная причина этого, какъ кажется, заключалась въ томъ, что древніе философы не могли ясно представить себѣ самой цѣли сотворенія міра. Богъ, какъ существо ни отъ кого независимое и ни въ чемъ не нуждающееся, могъ существовать и существовалъ безъ міра. А если у Бога не было цѣли или идеи міра, то для Него, какъ существа разумнаго, сотвореніе міра было и не возможно. Правда, стоики учили, что Богъ сотворилъ міръ для людей; за то Эпикуръ прямо объявилъ, что онъ не знаетъ, для какой цѣли сотворены даже и самые люди. „Безумно было-бы утвер-

¹⁾ De ira Dei cap. X; срав. Cicer. Tusc. Quaestion. lib. 1. cap. 27.

ждать, говорить онъ, чтобы всѣ красоты вселенной были произведены на пользу человека; ибо какую пользу боги могли бы извлечь изъ насъ, принявши на себя трудъ сдѣлать что-либо изъ уваженія къ намъ?“ Платонъ, опасаясь приписать Богу несовершенное и кратковременное твореніе, сказалъ, что оно вѣчно. Почему-же, спрашиваетъ по этому поводу Лактанцій ¹⁾, люди не вѣчны? Когда люди, для которыхъ сотворенъ міръ, имѣютъ конецъ; то почему міръ не имѣетъ конца? Вѣроятно-ли, чтобы міръ былъ прочнѣе и долговременнѣе, нежели тѣ самыя, для пользованія которыхъ онъ предназначенъ?

Отвергнувъ такимъ образомъ мнѣніе Платона, Лактанцій склоняется на сторону стоиковъ, хотя и не соглашается съ ними вполне. Мнѣніе стоиковъ, что міръ сотворенъ на пользу человека, говоритъ Лактанцій, достоверно, хотя они и ошибаются, когда говорятъ, будто-бы онъ сотворенъ на пользу однихъ людей, вмѣсто того, чтобы сказать, что онъ сотворенъ на пользу человека; тутъ подъ словомъ *человѣкъ* разумѣется вообще вся природа.—Ничто не производится само для себя; все сотворено для какого-либо употребленія. Да и кто могъ бы быть настолько безмысленъ и настолько не благоразуменъ, что сталъ-бы строить что-либо такое, отъ чего нельзя было бы получить никакой пользы? Кто строитъ домъ, тотъ строитъ его для того, чтобы въ немъ можно было жить. Кто строитъ корабль, тотъ строитъ его для того, чтобы можно было плавать на немъ по морю. Кто прибрѣтаетъ сосудъ, тотъ прибрѣтаетъ его для того, чтобы въ немъ что-либо хранить. Такимъ образомъ, ничто не дѣлается по пустому, ничто не остается безъ употребленія. Міръ сотворенъ, говоритъ Лактанцій, также не для себя самого, потому что, будучи безчувственъ, онъ не имѣетъ нужды ни въ солнечномъ жарѣ, ни въ лунномъ свѣтѣ, ни въ дуновеніи вѣтровъ, ни въ освѣженіи дождя, ни въ пищѣ отъ плодовъ. Нельзя даже сказать, чтобы міръ созданъ былъ для Бога, потому что Богъ столько-же не нуждается въ мірѣ, какъ и въ различныхъ произведеніяхъ, въ немъ заключающихся. Стало бытъ ясно, что міръ сотворенъ

¹⁾ Instit. div. lib. VII, cap. 3.

для животныхъ, потому что они пользуются всѣми благами, въ немъ имѣющимися, и если-бы въ свое время ихъ не получали, то не могли-бы и существовать. Наконецъ, ясно также и то, что животныя созданы для человѣка, что они предназначены для его услугъ и употребленія и что ни одно изъ нихъ ни на землѣ, ни въ водѣ, не можетъ подобно ему постигнуть причины сотворенія міра. Для чего-же созданъ самъ человѣкъ? Если Богъ, говоритъ Лактанцій, не сотворилъ міра для Себя, потому что въ немъ Онъ не имѣетъ никакой надобности, а сотворилъ его для человѣка, который и пользуется всѣмъ тѣмъ, что есть въ мірѣ,—то ясно, что Онъ создалъ человѣка для Себя. Противъ такого мнѣнія возражалъ, впрочемъ, еще Эпикуръ, когда спрашивалъ: „въ чемъ человѣкъ можетъ быть полезенъ Богу и какое побужденіе могъ имѣть Богъ для сотворенія человѣка?“ На вопросъ Эпикура Лактанцій отвѣчаетъ такимъ образомъ: Онъ сотворилъ его для того, чтобы въ мірѣ было созданіе, которое бы способно было цѣнить Его творенія, измѣрять всеобъемлемость Его провидѣнія, удивляться величію Его могущества и власти,—чтобы былъ духъ, который бы могъ почитать Его, какъ Бога, и возносить Ему достоющія хвалы и подобающее поклоненіе.

Что весь міръ созданъ для человѣка, а человѣкъ для того, чтобы, почитая Бога и поступая по Его волѣ, достигъ безсмертія и вѣчнаго блаженства, — объ этомъ свидѣтельствуется какъ ежедневный опытъ, такъ и самый составъ человѣка, столь отличный отъ состава всѣхъ другихъ тварей. Человѣкъ, говоритъ Лактанцій ¹⁾, будучи составленъ изъ земнаго тѣла и небесной души, имѣетъ также и двѣ жизни—одну временную, свойственную тѣлу, другую вѣчную, свойственную душѣ. Первую жизнь мы получаемъ при своемъ рожденіи, второй-же достигаемъ не иначе, какъ своими подвигами, потому что безъ труда не должны наслаждаться безсмертіемъ. Первую получаемъ, не имѣя о ней никакого понятія, вторую-же получаемъ съ полнымъ сознаніемъ, потому что она есть награда за добродѣтель, а не даръ природы; Богъ восхотѣлъ, чтобы мы за-

¹⁾ Instit. div. lib. VII, cap. V.

служивали ея тою жизнію, какую проводимъ здѣсь. Безсмертіе души признавали также и нѣкоторые древніе языческіе писатели и философы, напр. *Фересидъ* и *Платонъ*; а стоикъ *Зенонъ* утверждалъ даже, что за этою жизнію существуютъ еще два отдѣльные мѣста для пріема душъ добрыхъ и злыхъ людей, что одни наслаждаются совершеннымъ спокойствіемъ, а другіе мучатся въ странѣ мрака и ужасной тинѣ, грязи. Платонъ разсуждаетъ такимъ образомъ. „Все то, что имѣеть чувство и движеніе, говоритъ онъ, само по себѣ безсмертно; ибо что не имѣеть начала движенія, то не имѣеть и конца, потому что ему нечего опасаться быть отстраненнымъ отъ самого себя... Наша душа, которая постигаетъ столь важныя вещи (Платонъ имѣеть въ виду утопченность изобрѣтеній души нашей, быстроту ея мыслей, легкость понятій, способность вспоминать прошедшее, предвидѣть будущее и познавать почти невѣроятное множество искусствъ и наукъ, о которыхъ другія животныя не имѣють ни малѣйшаго понятія), наша душа безъ сомнѣнія происходитъ отъ неба, потому что не возможно приписать происхожденія ея землѣ. Въ ней ничего нѣтъ земнаго. Все, что есть земнаго въ человѣкѣ, возвращается въ землю, изъ которой взято; а все, что въ немъ тонкаго и небеснаго, возвращается на небо, какъ скоро освободится отъ тѣла, въ которомъ заключено было, какъ въ темницѣ“. Вотъ сокращенное изложеніе ученія Платона, подробно раскрытаго въ его сочиненіяхъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Платонъ, за немногими исключеніями, стоитъ почти одиноко въ исторіи древней философіи. Другіе философы не признавали безсмертія, а потому и не считали его верховнымъ благомъ, котораго достиженіе человѣкъ долженъ поставить цѣлію всей своей жизни. Такъ, Эпикуръ верховное благо полагалъ въ удовольствіяхъ ума, а Аристиппъ—въ удовольствіяхъ тѣла. Кирицейцы: Каллифонъ и Диномакъ въ удовольствію присоединяли честность. Діодоръ находилъ, что верховное благо состоитъ въ томъ, чтобы не подвергаться скорби, а Геронимъ—чтобы не чувствовать ея. Перипатетики искали ея въ благахъ ума, тѣла и фортуны. Гельмъ утверждалъ, что оно находится въ познаніяхъ. Фе-

повѣ—въ жизни сообразной природѣ, нѣкоторые стоики—въ добродѣтели. Аристотелемъ полагалъ его единственно въ честности и добродѣтели. Вотъ мнѣнія древнихъ философовъ. Какого-же, спрашиваетъ Лактанцій ¹⁾, держаться при столь великомъ разнообразіи? Авторитетъ ихъ одинаковъ. Очевидно, остается одно: если мы способны сами собою идти по доброму пути, то не будемъ имѣть нужды прибѣгать къ ученію такой философіи, потому что въ насъ и безъ того довольно мудрости; если-же мы въ такомъ положеніи, что должны еще учиться, то какимъ образомъ судить намъ о томъ, чему мы не научились, а особенно, когда академикъ станетъ удерживать насъ за маптию, какъ обыкновенно онъ поступаетъ, и воспрепятствуетъ намъ повѣрить въ чемъ-либо другому философу, между тѣмъ какъ этотъ и съ своей стороны ничего не указываетъ такого, чему можно было-бы вѣрить?

Эпикуръ говоритъ: „мудрецъ всегда счастливъ и хотя-бы былъ ввергнутъ внутрь вола Фаларисова, то скажетъ: „мнѣ и тутъ хорошо, я и тутъ доволенъ“. Лактанцій не соглашается съ Эпикуромъ и говоритъ, что кто полагаетъ верховное благо въ однихъ удовольствіяхъ ума, тотъ еще не настоящій мудрецъ, потому что хотя удовольствіе это и дѣйствительно составляло-бы радость, покой или безопасность, но это было-бы благо обыкновенное. Что касается Аристиппа, полагавшаго верховное благо въ удовольствіяхъ тѣла, то Лактанцій считаетъ его мнѣніе почти не стоящимъ опроверженія. Скотство, съ какимъ Аристиппъ погружался во все роды скарденныхъ похотей, говоритъ Лактанцій, и низость, съ какою онъ дѣлался рабомъ чувственныхъ удовольствій, довольно ясно свидѣлствуютъ, что онъ самъ былъ не человѣкъ, и что не существовало никакого различія между имъ и скотомъ, исключая развѣ дара слова. Если-бы ослы, собаки и свиньи могли говорить и если-бы кто спросилъ ихъ, зачѣмъ они слѣдуютъ за своими самками съ такимъ бѣшенствомъ, что не могутъ съ ними различиться, что ради того пренебрегаютъ пищею, дерутся другъ съ другомъ, не отстаютъ и при пораженіи, презираютъ дождь,

¹⁾ Instit. div. lib. III, cap. VII.

холодъ, трудъ и опасность, — то что отвѣчали-бы они, какъ не то, что удовольствіе тѣла составляетъ верховное благо и что ради наслажденія имъ они не боятся никакого зла и готовы перенести всякія раны и претерпѣть самую смерть? Неужели мы будемъ усвоивать правила нашего поведенія отъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ чувствъ тварей, лишенныхъ разума?

Не одобряетъ Лактанцій и мнѣнія перипатетиковъ и стоиковъ. Скорѣе, говоритъ онъ, циникамъ, нежели перипатетикамъ и стоикамъ, свойственно полагать, что верховное благо состоитъ въ свободѣ отъ скорби. Подобное мнѣніе прилично было-бы только людямъ больнымъ и немощнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, — что тутъ мудренаго, когда подобное верховное благо можетъ доставить медикъ? Впрочемъ, чтобы наслаждаться и такимъ верховнымъ благомъ, — сначала пужно переносить скорбь. Не претерпѣвая скорбей, мы не будемъ ощущать и пріятнаго удовольствія отъ отсутствія скорбей. Соединявшіе для составленія верховнаго блага съ удовольствіемъ честность хотѣли, кажется, только избѣгнуть затрудненій, свойственныхъ прочимъ мнѣніямъ, а между тѣмъ придумали такое благо, которое заключаетъ противорѣчіе самому себѣ, такъ какъ кто ищетъ удовольствія, говоритъ Лактанцій, въ томъ нѣтъ честности, а кто честенъ, тотъ не будетъ имѣть удовольствій. А что это за блага, которыя называются благами фортуны? Не тѣ-ли это блага, которыя пріобрѣтаются удачнымъ воровствомъ и грабежемъ? Зенонъ полагалъ, будто-бы верховное благо состоитъ въ томъ, чтобы жить всегда сообразно природѣ; а по мнѣнію Лактанція, это значитъ — жить такъ, какъ живутъ скоты. Выше ставитъ Лактанцій то философское ученіе, по которому верховное благо состоитъ въ познаніяхъ или въ наукахъ. Но и это мнѣніе невѣрно, такъ какъ люди никогда не ищутъ познаній только ради самыхъ познаній. Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ доволенъ пріобрѣтеніемъ ихъ, не ожидая отъ нихъ никакого плода? А это значитъ, что сами по себѣ ни познанія, ни науки не могутъ быть верховнымъ благомъ. Добродѣтель также есть болѣе средство къ достиженію верховнаго блага, нежели самое верховное благо.

Въ высшей степени интересенъ взглядъ Лактанція на ученіе Платона по этому предмету. Верховное благо Платонъ полагалъ во всеобщемъ счастіи людей. Такое всеобщее счастіе, по ученію Платона, можетъ составить лишь корень всѣхъ добродѣтелей—справедливость, а справедливость, по его мнѣнію, состоитъ въ равенствѣ и въ отсутствіи между людьми различія по праву ихъ происхожденія; первое можетъ быть достигнуто уничтоженіемъ права частной собственности, а послѣднее — уничтоженіемъ брачной жизни. „Люди, говоритъ онъ ¹⁾, частно ничего собственнаго не имѣютъ, и чтобы быть равными, какъ того требуетъ справедливость, всѣми вещами они должны владѣть сообща“. И въ другомъ мѣстѣ: „граждане будутъ жить въ большемъ согласіи и связаны будутъ узами тѣснѣйшей дружбы, когда мужчины будутъ мужьями всѣхъ женъ и отцами всѣхъ дѣтей“. Какое странное заблужденіе! восклицаетъ Лактанцій. Можетъ-ли быть велика та дружба, которая не имѣетъ въ виду извѣстнаго предмета? Какимъ образомъ жена и мужъ могутъ любить другъ друга, когда они долго не живутъ вмѣстѣ и не сохраняютъ взаимной вѣрности? Какая можетъ существовать добродѣтель, когда люди увлекаются единственно необузданною похотію? Когда дѣти будутъ общественными, кто станетъ ихъ любить, не зная, тотъ или другой ихъ отецъ или, по крайней мѣрѣ, сомнѣваясь въ этомъ? Какъ будетъ дитя почитать отца своего, котораго не знаетъ? Оно сочтетъ отца чужимъ, а чужаго своимъ отцемъ. Сама природа противится учрежденію столь безразсудной общности имуществъ, потому что если-бы жены и могли-бы быть общественными, то уже дѣти—ни въ какомъ случаѣ,—они должны имѣть непременно лишь одного опредѣленнаго отца и одну опредѣленную мать. Проповѣдуемая Платономъ общность имуществъ на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ чудовищная смѣсь разврата и любодѣйства. Платонъ, говоритъ Лактанцій, отказался-бы найти тутъ искомое имъ доброе согласіе, если-бы хорошенько вникнуть въ то, что такое согласіе исключительно обуславливается справедливостію, заключающеюся не во вѣнн-

¹⁾ Instit. div. lib. III, cap. XXI.

нихъ вещахъ и даже не въ тѣлѣ, а въ сердцѣ. Кто хочетъ ввести между людьми совершенное равенство, тотъ долженъ отнять у нихъ не жезъ и не богатство, а гордость и князливость ихъ. Когда у богатыхъ отыметса несправедливость и гордость, тогда не будетъ никакого различія между ними и бѣдными; они будутъ равны и по настроенію духа, даруемаго одною только религіею. Платонъ, по словамъ Лактанція, совершенно разрушалъ справедливость, когда хотѣлъ се поддержать, не появивши того, что истинная общность имуществъ состоитъ не въ общемъ владѣніи тѣлѣнными вещами, а въ единеніи духа и сердца. Вѣрно, что справедливость есть мать всѣхъ остальныхъ добродѣтелей: гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ и она не существуетъ. Своимъ-же ученіемъ Платонъ сразу хочетъ уничтожить всѣ добродѣтели. Онъ устранилъ умѣренность, потому что тамъ нѣтъ умѣренности, гдѣ никто не имѣетъ собственности. Онъ устранилъ воздержаніе, потому что люди воздерживаются только отъ присвоенія чужаго имущества, а чужаго имущества нѣтъ тамъ, гдѣ все общественное. Онъ устранилъ чистоту и цѣломудріе, такіа добродѣтели, которыя повсюду пользуются всеобщимъ и наибольшимъ уваженіемъ и составляютъ лучшее украшеніе того и другаго пола. Онъ устранилъ невинность и скромность, дозволивъ почитать честными и законными такіа дѣла, которыя всегда и всѣми признавались позорными и преступными. Послѣ этого теряютъ всякій смыслъ слова Платона, что „государства были-бы счастливы только тогда, когда-бы управлялись философами и когда бы управляющіе ими предавались изученію философіи“ ¹⁾. Да, саркастически замѣчаетъ по этому поводу Лактанцій, дѣйствительно, надлежало-бы предоставить управленіе царствомъ столь правдивому и справедливому мужу, который отнималъ-бы имѣніе у однихъ, чтобы отдать его другимъ, и который рѣшился отдать на поруганіе всѣхъ женщинъ,—чего ни одинъ государь никогда не дѣлалъ!

Такимъ образомъ, всѣ главные мотивы нравственной дѣятельности человѣка, указаные древнею языческою философіею, предъ судомъ Лактанція, оказались ложными и въ сущности

¹⁾ Срв. De republ. lib. V.

даже противуправственными, несоответствующими нравственной природѣ человѣка. Доводы, на которыхъ основываются сужденія Лактанція, въ большинствѣ случаевъ оказываются настолько серьезными и убѣдительными, что съ ними трудно не согласиться даже и предубѣжденному человѣку. Такимъ образомъ, попятно, почему въ языческомъ мірѣ даже между самыми философами лучшія нравственныя дѣйствія, какими они представляются въ христіанствѣ, теряютъ свой нравственный смыслъ и свое высокое значеніе. Вотъ примѣръ. Лучшіе языческіе философы совершенно справедливо смотрѣли на любостяжаніе и корыстолюбіе какъ на зло, какъ на серьезное препятствіе къ нравственному усовершенствованію. Но что сказать, спрашиваетъ Лактанцій, о такомъ человѣкѣ, который, продавъ свое имѣніе, бросилъ вырученную за него плату въ море, — какъ сдѣлалъ это Кратесъ Фивскій? Едва-ли онъ поступилъ тутъ благоразумно. „Ступай, сказалъ онъ, въ глубину моря, несчастное корыстолюбіе: я тебя гублю для того, чтобы ты меня не погубило“. По этому поводу Лактанцій дѣлаетъ Кратесу внушеніе такого рода: „если подлинно пренебрегаешь ты имѣніемъ своимъ, то употреби его во благо, употреби на вспомоцествованіе бѣднымъ. То, что ты хочешь сгубить, можетъ быть обращено на то, чтобы многимъ не дать умереть съ голода, жажды или наготы. Подражай по крайней мѣрѣ безразсудству и бѣшенству *Тудината*. Брось деньги свои народу: это способъ избавиться отъ нихъ и ихъ не погубить“. — То же самое имѣетъ полное примѣненіе и къ поведенію Демокрита. „Демокрита хвалятъ за то, что онъ отрекся отъ обработки своихъ земель; а я похвалялъ-бы его за то, говоритъ Лактанцій, еслибы онъ отдалъ ихъ для обработки кому-либо другому. Въ томъ нѣтъ мудрости, когда мы совершаемъ такое дѣло, которое бесполезно или даже дурно, если-бы всѣми было выполняемо“.

Ложью основныхъ философскихъ принциповъ нравственной дѣятельности нужно объяснять и искаженіе нравственныхъ понятій, такъ часто встрѣчающагося въ ученіи лучшихъ языческихъ философовъ. По свидѣтельству Лактанція, они, напримѣръ, перѣдко отказывались отъ наслѣдства послѣ роди-

телей, какъ будто-бы обладаніе имъ было зло; бросались въ море во время тихой погоды, страшась кораблекрушенія во время бури,—что, конечно, нужно объяснять не мужествомъ, а боязнію; думая привлечь уваженіе къ себѣ за свою щедрость, издвали свое имущество безъ всякой чести и достоинства; а Зенонъ дошелъ даже до того, что отнесъ къ порокамъ и нравственной распущенности даже состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ ¹⁾.

Наконецъ, ложью основныхъ принциповъ древней философской школы нужно объяснить и самую распутную жизнь и порочное поведеніе не только обыкновенныхъ смертныхъ, но даже и философовъ,—нравственную распущенность, которая поражала не христіанскаго только мыслителя, какимъ былъ Лактанцій, но и лучшихъ язычниковъ, какъ, напримѣръ, Цицерона и Сенеку. „Сколько,—спрашиваетъ, напримѣръ, Цицеронъ,—такихъ философовъ, которыхъ поступки и жизнь были бы управляемы такъ, какъ повѣлываетъ разумъ? Сколько напротивъ изъ нихъ такихъ, которые изъ своихъ занятій составляютъ только предметъ тщеславія, вмѣсто того, чтобы ихъ ставить правиломъ своего поведенія? Какъ мало такихъ, которые соглашаются сами съ собою и исполняютъ преподаваемые ими правила? Бываютъ изъ нихъ столь вздорные и вешальчивые люди, что лучше-бы было, если-бы они никогда ничему не учились. Другіе одержимы невѣроятною страстію скоплять богатства. Иные преисполнены чрезмѣрнаго честолюбія и опровергаютъ ученіе своими поступками“ ²⁾ Не лучше отзывается о философахъ въ письмѣ къ своему другу Цицерону и римскій историкъ Корнелій Непотъ ³⁾. „И не только не думаю, говоритъ онъ, чтобы философія научила насъ жить хорошо и споспѣшествовала къ нашему счастью, но увѣренъ,

¹⁾ Вотъ идеаль языческаго мыслителя: „Величайшее благо, говоритъ Цицеронъ въ своей книгѣ *объ употребленіи*, было-сы для насъ не раждаться софѣмъ и не подвергаться соблазнамъ жизни; второе-же благо—какъ можно скорѣе умереть и избѣгнуть превратности фортуны, какъ-бы какого пожара“. *Instit. div. lib. III, cap. XIX.*

²⁾ *Tuscul. lib. II. Cap. 4. Instit. div. lib. III. Стр 15.*

³⁾ Письмо это, къ сожалѣнію, до насъ не дошло.

что занимающіеся ею имѣютъ гораздо большую пѣжду, нежели другіе, въ наставникахъ и руководителяхъ своихъ поступковъ. Въ числѣ ихъ я вижу такихъ, которые въ школахъ преподаютъ прекрасныя правила на счетъ воздержанія, умѣренности и цѣломудрія, а въ домахъ своихъ предаются самому позорному сладострастію“.

Признавая ложными какъ языческую философію вообще, такъ и языческую философскую поѣнку въ частности, Лактанцій убѣдительно доказываетъ, что верховное благо состоитъ только въ религіи, въ частности—въ нашемъ безсмертіи, которое дается намъ не природою нашею, а при благодати Божіей достигается нашими собственными добрыми дѣлами, нашимъ поведеніемъ, во всемъ согласнымъ съ волею Божіею. Истинная философія есть та, которая, не переступая предѣловъ человѣческаго знанія, находится въ полнѣйшемъ единеніи съ истинною, богооткровенною религіею и изъ нея заимствуетъ рѣшеніе высшихъ вопросовъ, простирающихся за предѣлы свойственнаго человѣку знанія. Сама по себѣ философія, какою она была среди язычниковъ, еще не ведетъ насъ къ истинной религіи, а потому она и не заключаетъ въ себѣ истинной мудрости. У язычниковъ, говоритъ Лактанцій ¹⁾, философія и религія отдѣлены другъ отъ друга. Занимающіеся науками и искапемъ мудрости не вмѣшиваются въ служеніе богамъ, а посвятившіе себя обязанностямъ жрецовъ не берутся поучать мудрости. Это самое показываетъ уже, что у язычниковъ не было ни истинной мудрости, ни истинной религіи. Только тамъ, гдѣ мудрость и религія составляютъ единое цѣлое, та и другая истинны. Наша религія (т. е. христіанская) необходимо должна быть просвѣщенная, потому что мудрость у насъ находится въ религіи, а религія—въ мудрости: у насъ онѣ нераздѣльны.

Вотъ то отношеніе, какое Лактанцій желалъ-бы видѣть осуществленнымъ между христіанскою религіею и здоровою философіею!

Въ заключеніе нельзя не сказать, что при постоянномъ свѣтѣ

¹⁾ Instit. div. lib. IV, cap. 3.

ломъ и ясномъ взглядъ на вещи, Лактанцій иногда впадаетъ и въ заблужденія или—точнѣе сказать—раздѣляетъ иногда заблужденія своего времени и своего общества. Такъ, паприжѣръ, онъ вѣровалъ въ тысячелѣтнее царствованіе Христа на землѣ (хиліазмъ); утверждалъ, что антиподовъ быть не можетъ и т. п. Но станемъ-ли мы обвинять его здѣсь за эти ошибочныя мнѣнія, за то, что въ этомъ отношеніи и онъ былъ сыномъ своего времени? Не Америку открывать съ антиподами, а раскрыть ложь древней языческой философіи—ставилъ своею задачею умный Лактанцій, желавшій показать превосходство христіанскаго разумнаго міросозерцанія предъ міросозерцаніемъ языческимъ. Здѣсь его слава, здѣсь его и міровое значеніе!

Свящ. М. Бункевичъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Диогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

Продолжаемъ изреченія Пинеагора:

Жизнь избирать должно наилучшую, но не такую, которую пріятной дѣлаетъ лишь привычка. Богатство—не прочная опора; слава—еще менѣе прочная; тѣло—также; власть, почести—все это также опоры не прочныя и слабыя. Какія-же опоры прочны?—Благоразуміе, великодушіе, мужество. Эти опоры не поколеблетъ никакая буря. Вотъ законъ Божій: только одна добродѣтель есть сила; все-же остальное—пустая болтовня.

Спрошенный о томъ, когда люди дѣйствуютъ подобно Богу, Пинеагоръ отвѣтилъ: когда говорятъ и дѣлаютъ правду.

Пинеагоръ-же говорилъ, что пьянство есть упражненіе въ безуміи.

Когда его спросили о томъ, при какомъ условіи преданный пьянству могъ-бы перестать пьянствовать, то онъ отвѣтилъ: если онъ возможно чаще будетъ представлять въ умѣ своемъ то, что дѣлаетъ въ пьяномъ видѣ.

Онъ-же говорилъ, что нужно или молчать, или говорить то, что лучше молчанія.

Въ города,--говорилъ онъ еще,—сначала входитъ роскошь, потомъ пресыщеніе, затѣмъ наглость, а наконецъ гибель.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 19.

Пифагоръ-же называлъ тотъ городъ наилучшимъ, въ которомъ находятся добрые люди.

По ученію Пифагора и его школы начало всего есть единица; затѣмъ изъ единицы происходитъ неопредѣленная двоица, подчиненная единицѣ, какъ матерія своему виновнику; изъ единицы и неопредѣленной двоицы происходятъ числа; изъ чиселъ—точки, изъ точекъ—линіи, а изъ линий—плоскости; изъ плоскостей—твердыя фигуры, а изъ сихъ послѣднихъ—подлежащія чувственному воспріятію тѣла, къ числу которыхъ принадлежатъ и четыре стихіи: огонь, вода земли, воздухъ. Эти стихіи служатъ основою всѣхъ измѣненій и превращеній. Изъ нихъ образуется міръ одушевленный, мысленный, шарообразный, средину земли объемлющій и самъ шарообразный и населенный вокругъ 1).

Кромѣ вышеприведенныхъ сравненій и загадочныхъ изреченій самого Пифагора, въ его школѣ были ходячими и многія другія подобнаго рода изреченія, которыхъ происхожденіе относительно было также къ самому Пифагору или къ ближайшимъ ученикамъ его. Вотъ эти изреченія:

Честь подобна вооруженію, нарисованному на картинѣ: она доставляетъ пріятность, а пользы никакой.

Образованіе подобно золотому вѣнку: ибо и честь приноситъ имѣющему его и пользу.

Пустоголовыхъ людей легко можно таскать за уши, какъ пустую посудину.

Жизнь, подобно музыкальному инструменту, бываетъ пріятнѣе, когда въ ней напряженіе дѣятельности смѣняется ослабленіемъ ея, отдыхомъ.

Разумъ, подобно хорошему скульптору, представляетъ душѣ прекрасные образы.

Умъ мудрецовъ, какъ золото, тяжеловѣсенъ.

У хвастуновъ, также какъ и въ позлащенномъ оружіи, внутреннее не соотвѣтствуетъ наружному.

Доброе слово имѣетъ ту-же силу, что и благовонное миро: и въ болѣзни помогаетъ, и въ здоровьи услаждаетъ.

1) Diog. L. VIII, 1—99. I. Stobei, Florileg. serm. I, V, XI, XVII, XXX, XXXIV, XLI.

Въ дурномъ человѣкѣ, какъ въ злой собакѣ, нужно бояться больше молчанія, нежели слова.

Ни супругѣ наложницу, ни дружбѣ лесть не должно предпочитать.

Болтуны, подобно ласточкамъ, излишнею говорливостію уменьшаютъ пріятность бесѣды съ ними.

Людей злыхъ въ ихъ нечестіи, а неблагоразумныхъ и дерзкихъ въ старости за грѣхи преслѣдуютъ богини-мстительницы.

Человѣку благовоспитанному какъ съ пиршества, такъ и съ жизненнаго поприща нужно выходить въ полномъ благообразіи.

Пристанью для корабля служитъ гавань, а для жизни—дружба.

Выговоръ отца есть сладкое лекарство: потому что имѣеть больше пользы, нежели желанія уколоть самолюбіе сына.

Благоразумный человѣкъ, подобно хорошему борцу, долженъ всею тяжестію своего тѣла напирать на противоборствующую ему судьбу.

Довольство своимъ положеніемъ, на подобіе краткой и пріятной прогулки, удовольствіе доставляетъ большое, а усталость небольшую.

Норовистыя лошади сдерживаются уздою, а люди раздражительные—разумными убѣжденіями.

Шутку, какъ и соль, должно употреблять съ умѣренностію.

И обувь, сдѣланная по ногѣ, и жизнь благоустроенная не тяготитъ человѣка.

Доходящія до пятокъ одежды стѣсняютъ тѣло, а огромное богатство—душу.

Для пробѣгающихъ одну стадію на общественныхъ играхъ опредѣлителемъ награды за побѣду служитъ предѣль стадин, а для потрудившихся на жизненномъ поприщѣ указателемъ награды за ихъ благоразуміе въ трудѣ служитъ старость.

Кто спѣшитъ увидѣть добродѣтель, какъ-бы отечество свое, тому должно стараться миновать удовольствія, какъ пѣнія Сиренъ ¹⁾.

Какъ плавающіе по морю въ хорошую погоду имѣютъ все

¹⁾ Сирены—баснословныя сестры-дѣвѣны, жившія близь страшнаго прохода въ Сицилійскій проливъ Скяллы; онѣ своимъ волшебнымъ пѣніемъ завлекали сюда мимо плывшихъ мореходцевъ и умерщвляли ихъ въ самомъ проходѣ.

въ готовности и на случай бури, такъ и въ благополучіи люди благоразумные уготовляютъ средства и на случай несчастія.

Свѣтлыя одежды отъ употребленія, и послѣ того какъ вымыты, все-таки-же опять дѣлаются грязными; а души, разъ очищенныя отъ невѣжества, уже навсегда остаются свѣтлыми.

Бѣглецы, даже и не преслѣдуемые, находятся въ страхѣ: и перазумные, даже еще и ничего не сдѣлавъ дурнаго, находятся въ тревогѣ.

Богатство сребролюбивыхъ, подобно солнцу, спустившемуся за горизонтъ, никого изъ живыхъ не радуетъ.

Плоды земли вырастаютъ одинъ разъ въ годъ, а плоды дружбы—во всякое время.

Дѣло музыканта—всякую струну инструмента сладить одну съ другою; а дѣло благовоспитаннаго человѣка—примѣниться ко всякой душѣ.

Ни удара, наносимаго человѣкомъ больнымъ, ни угрозы, высказываемой человѣкомъ перазумнымъ, не должно бояться.

Тонкая нижняя одежда покрывается бронею, а духъ облекается скорбію.

Образъ жизни больнаго человѣка также непріятенъ, какъ и душа перазумнаго.

Не наученныя грамотѣ дѣти смѣшнваютъ буквы, а невоспитанные люди смѣшнваютъ дѣла.

Умъ, свѣдущій въ философіи, подобенъ кучеру: онъ сдерживаетъ наши пожеланія и всегда ведетъ ихъ къ добру.

При извѣстныхъ обстоятельствахъ и полынь дѣлается слаще меда: равнымъ образомъ обстоятельства дѣлаютъ иногда и врага болѣе цѣннымъ, нежели друга.

И хорошій кормчій иногда подвергается кораблекрушенію, и человѣкъ добрый подвергается несчастію.

Громъ наводитъ страхъ въ особенности на дѣтей, а угрозы—на перазумныхъ.

Статую красить видъ, а человѣка—дѣяніе его.

Что пить смертоносный ядъ изъ золотой чашки, тоже самое и принимать совѣтъ отъ вѣроломнаго друга.

Появленіе ласточекъ предвѣщаетъ хорошую погоду, а мудрыя рѣчи—душевное спокойствіе.

Не столько сиротствующимъ дѣтямъ, сколько людямъ неразумнымъ нужны попечители.

Счастье подобно дурному распорядителю на публичныхъ состязаніяхъ: оно часто удостоиваетъ награды даже и ничего не сдѣлавшаго.

Для счастливаго плаванія нуженъ хорошій кормчій и попутный вѣтеръ: для благоденствія въ жизни нужно благоразуміе и счастье.

Трусливый имѣетъ противъ себя оружіе, а неразумный—деньги.

Утверждать судно на непрочномъ якорѣ и надежду—на дурномъ мнѣніи есть одно и тоже.

Солнце часто омрачаютъ облака, а разумокъ—страсти.

Ни больному не приноситъ пользы золотой одръ, ни неразумному—большое счастье.

Умѣренное питье воды ослабляетъ воспалительныя состоянія желудка; а кроткая рѣчь охлаждаетъ гнѣвное расположеніе.

Ни терпкое вино не удобно къ тому, чтобы его много пить, ни грубое обращеніе не удобно для собесѣдованія.

Гнѣвъ обезьяны и угроза льстеца имѣютъ одинаковое значеніе.

Въ жизни, какъ въ драмѣ, первое дѣйствіе есть юность: поэтому всѣ внимательно смотрятъ на нее (юность).

Цисьмена должны быть какъ можно болѣе неизгладимыми, а дѣянія—какъ можно болѣе славными.

Какъ въ растеніяхъ, такъ и въ дѣтяхъ первый ростокъ уже предугазываетъ имѣющій быть плодъ добродѣтели.

На пиру пріятнѣе человѣкъ не пьяный, а въ добрыхъ дѣлахъ—не беззаконный.

Что воспитывать змѣю, тоже самое и благодѣтельствовать человѣку злему: ни въ той, ни въ другомъ благодѣяніе не производитъ благорасположенія.

Въ тихую погоду рѣдко бываетъ кораблекрушеніе; а при безразсудствѣ въ управленіи кораблемъ рѣдко не бываетъ кораблекрушенія.

Пустые мѣхи надуваетъ вѣтеръ, а людей неразумныхъ—самоуверченіе.

При гимнастическихъ упражненіяхъ нужно остерегаться усталости, а при благоуспѣшности въ дѣлахъ—зависти.

Мѣра во всемъ—самое лучшее дѣло, сказалъ кто-то изъ мудрецовъ ¹⁾: внимая слову его, и мы прекратимъ изложеніе житейскихъ правилъ ²⁾.—

Въ жизни, какъ въ статуѣ, всѣ части должны быть строго соразмѣрны.

Статуя на своемъ пьедесталѣ, а человекъ честный, на добромъ произволеніи утверждаясь, долженъ быть непоколебимъ.

Куреніе ладана должно воздавать богамъ, а похвалу—добрымъ людямъ.

Защищать должно тѣхъ, которые безвинно терпятъ несправедливость, а восхвалять—тѣхъ, которые отличаются какимъ-либо добрымъ дѣломъ.

Какъ породистая лошадь не по дорогой сбруѣ узнается, а по добротѣ природы, такъ и человекъ честный не по большому имуществу узнается, а по благородству души.

Когда мудрецъ откроетъ уста свои, то изъ нихъ видѣется красота души его, какъ изъ храма, когда въ немъ отворять двери, видѣются красивыя статуи.

Ни корабль не должно утверждать на одномъ якорѣ, ни жизнь—на одной надеждѣ.

Ни шутка безъ бесѣды, ни богатство безъ добродѣтели не имѣетъ пріятности.

Ни у храма не должно отнимать жертвенника, ни у человеческой природы—милосердія.

Одному только разуму, какъ мудрому понечителю, должно вѣрять всю жизнь и въ особености—юности.

Какъ пустое судно нужно утверждать на подставкѣ, такъ и душу—на благоразуміи.

Разумъ въ душѣ самъ способствуетъ своему возрастанію.

Въ жизни, какъ и въ драмѣ, первыя слова должны отличаться не столько обиліемъ, сколько благоразуміемъ.

Хорошо, чтобы видѣнъ былъ въ очагѣ свѣтлый огонь, а въ счастіи—умъ.

¹⁾ Одинъ изъ семи мудрецовъ—Клеобулъ Линтскій.

²⁾ Этотъ заканчивается рядъ сравненій пифагорейца Дамофила.

Какъ изъ управляемаго хорошими законами города должно изгонять челоуѣка, производящаго смуты, такъ и изъ души, которой мы желаемъ спасенія, — наклонныя къ дурному пожеланія.

Въ плаваніи по морю должно повиноваться кормчему, а въ жизни — челоуѣку болѣе другихъ разсудительному.

Челоуѣкъ трусливый на войнѣ есть предатель отечества, а челоуѣкъ славолюбивый есть предатель отцовскаго имущества.

Неразумные при выпиваніи вина доходятъ до опьяненія, а при несчастіяхъ — до совершенной потери ума ¹⁾.

Ни люди, не знающіе музыки, не могутъ приладиться къ музыкальнымъ инструментамъ, ни люди невоспитанные — къ несчастіямъ.

Жизнь неблаговоспитанныхъ облекается множествомъ покрововъ тщеславія, подобно тому какъ тѣло актера множествомъ ненужныхъ въ обыкновенное время одеждъ.

Для неразумныхъ, также какъ и для дѣтей, достаточно незначительнаго предлога къ тому, чтобы заплакать.

Странники блуждаютъ въ дорогахъ, а невоспитанные — въ дѣлахъ.

На больного возлагать бремя и невоспитанному доставлять счастье есть одно и то же.

Ни плавающимъ не безопасно становиться якоремъ гдѣ-бы то ни было помимо гавани, ни живущимъ — жить помимо закона.

Протей ²⁾ при каждомъ удобномъ случаѣ мѣнялъ свой видъ, а невоспитанный мѣняетъ свою душу.

Многихъ какъ больныхъ, такъ и счастливыхъ тяготитъ множество окружающихъ ихъ людей.

И. Ж.

(Продолженіе будетъ.)

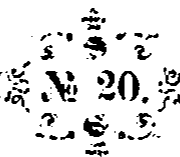
¹⁾ Въ греческомъ игра словъ: *παρουσιστι* (— доходятъ до опьяненія) и *παρουσιστι* (— теряютъ умъ).

²⁾ Морское божество, обладавшее даромъ предсказанія и способностію мѣнять свой видъ на всевозможныя формы.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20. 1885 года.

Содержаніе: Извлеченіе изъ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 433 и опредѣленія Св. Синода отъ 14 февраля—4 марта 1885 года за № 280. — Вѣдомость о кружечномъ сборѣ въ пользу слѣпыхъ, поступившемъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ 1885 года въ кружки по 5-му округу благочинія Старобѣльскаго уѣзда. — Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи. — Отъ совета Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Извлеченіе изъ журнала Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ за № 433 и опредѣленія Св. Синода отъ 14 Февраля—4 Марта 1885 года за № 280.

I.

Во всѣ 25 лѣтъ своего существованія (съ 1860 г.) журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ былъ вѣренъ своей программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и веденъ былъ тщательно и вполне соотвѣтственно поставленной имъ задачѣ—быть пособіемъ для сельскихъ пастырей въ ихъ высокомъ священномъ служеніи. Длинныхъ ученыхъ трактатовъ въ этомъ журналѣ почти не помѣщалось; всѣ статьи были по большей части мелкія, но всегда съ задачею журнала строго и вѣрно соображенныя, цѣли изданія вполне соотвѣтствующія. Въ немъ давались и даются наставленія и совѣты священникамъ, рѣшались и рѣшаются недоумѣнные случаи, очень не рѣдко въ пастырской дѣятельности встрѣчающіеся, и все это дѣлается весьма основательно, всегда согласно съ духомъ и ученіемъ православной Церкви. Богатый матеріаломъ, для пастырей Церкви весьма полезнымъ и цѣннымъ во всѣ годы изданія, журналъ этотъ въ послѣднее время сталъ еще содержательнѣе отъ двухъ приложений къ нему, каковы: а) „Проповѣди“ и б) „Богословскій библиографическій листокъ“. Первые, т. е. проповѣди, къ пониманію протого народа хорошо принаровленные, могутъ быть произносимы

священниками съ церковныхъ кафедръ съ пользою для ихъ простыхъ слушателей; а „листокъ“ даетъ возможность самимъ священникамъ своевременно знакомиться со всѣмъ, что печатается въ нашихъ духовныхъ журналахъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Это послѣднее приложеніе къ „Руководству для сельскихъ пастырей“ — „Богословскій библиографическій листокъ“ придасть журналу особую цѣнность и сдѣлать его полезнымъ не для одного только духовенства сельскаго, а даже и для духовныхъ семинарій.

II.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 23 ноября 1884 года за № 913, журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, № 433, съ заключеніемъ Комитета по прошенію редактора издаваемого при Кіевской духовной семинаріи журнала подъ названіемъ: „Руководство для сельскихъ пастырей“ — Архимандрита Иринея, о рекомендованіи этого пастырскаго журнала для выписки въ церковныя бібліотеки, въ виду того, что онъ, и по содержанію, и по направленію своему, вполне соотвѣтствуетъ характеру и цѣлямъ означенныхъ бібліотекъ. Учебный Комитетъ полагаетъ полезнымъ рекомендовать означенный журналъ къ выпискѣ не въ церковныя только, а и въ семинарскія бібліотеки. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ по духовному вѣдомству, сообщить съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

ВѢДОМОСТЬ

о кружечномъ сборѣ въ пользу слѣпыхъ, поступившемъ въ теченіи недѣли о слѣпомъ 1885 года въ кружки по 5-му округу благочинія Старобѣльскаго уѣзда.

1) Слоб. Старой-Айдаря свящ. Александр. Ветуховымъ 10 руб., сельскими старостами Старо-Айдарскаго общества 25 р., слободы Петропавловки свящ. І. Ястремскимъ 3 руб., слоб. Черняговки свящ. Н. Матвеевымъ 3 р., 5) слоб. Машниновки священ. Харл. Твердохлѣбовымъ 6 р. 15 к., слоб. Новой-Айдаря свящ. І. Федоровскимъ 15 р., слобод. Муатовой свящ. Мих. Сепявиннымъ 2 р. 3 к., слоб. Алексѣевки свящ. А. Федоровымъ 6 р., слоб. Волкодавовой священ. А. Базилевичемъ 2 р., 10) слоб. Штормовой священ. І. Инноковымъ 5 р. 12 к., слоб. Спѣваковки свящ. В. Алексѣевскимъ 5 р. 20 коп., слоб. Денежниковой священ. А. Стапо-

вымъ 13 р. 40 к., слоб. Безгиновой священ. А. Лобковскимъ 5 р. 12 к., слоб. Чебановки священ. А. Титовымъ 50 к., 15) слоб. Варваровки свящ. Н. Склярнымъ 1 руб., слоб. Вѣлявки священ. К. Пасѣдкнымъ 50 к., слобод. Мпхайловки свящ. Д. Пантелеемоновымъ 1 р., села Гречпшкына свящ. І. Орлоблинымъ 56 к., слоб. Новой-Айдарн протоіер. М. Ветуховымъ 13 р. 36 к., итого 117 р. 94 к. За выключеніемъ 59-ти коп. на пересылку при сей вѣдомости представляется *это семнадцать рублей 35 коп.* (117 р. 35 к.).

Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.

— Правленіе Харьковской духовной семинаріи покорнѣйше проситъ оо. благочинныхъ Харьковской епархіи—при полугодичной высылкѣ въ семинарское правленіе денегъ на содержаніе бѣдныхъ учениковъ и на другія потребности семинаріи, назначенныхъ XI епархіальнымъ съѣздомъ въ опредѣленномъ количествѣ съ каждой церкви, обозначать каждый разъ число церквей благочинническаго округа.

— Правленіе Харьковской духовной семинаріи считаетъ своимъ непремѣннымъ и пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность благочинному 1-го Купянскаго округа, священнику о. Василю Попову, пожертвовавшему на украшеніе семинарскаго храма 20 р. и священнику слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, о Симеону Петрову, пожертвовавшему на тотъ-же предметъ 5 рублей.

Отъ Совѣта Харьковского Епархіальнаго женскаго училища.

Совѣтъ училища симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія: 1) на украшеніе новостроющагося храма при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ поступили пожертвованія отъ нижекстѣдующихъ лицъ: при рапортѣ протоіерея Θεодора Тимоѣева 7 р., священника Николая Θεодоровскаго 8 р., священника, пожелавшаго оставить имя свое неизвѣстнымъ,—10 р., отъ причта и прихожанъ села Знаменскаго 5 р., священника Павла Клементьева 5 р., священника Максима Подлущкаго 5 р., священника Александра Гризодубова 3 р. 50 к., священника Іоанна Ракшевскаго 2 р., собранные отъ прихожанъ благочиннымъ священникомъ Алексѣемъ Ястремскимъ всего 2 р., собранные о. благочиннымъ 1-го округа Старобѣльскаго уѣзда священникомъ Николаемъ Шокотовымъ девяносто рублей шестидесять копѣекъ (90 р. 60 к.) и отъ священника Льва Дейниховскаго 2 р.; всего 138 р. 10 к., а съ прежде пожертвованными —

554 р. 75 к. Совѣтъ училища считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность вышесозначеннымъ жертвователямъ и при семъ имѣетъ честь извѣстить, что пожертвованія могутъ быть присылаемы чрезъ оо. благочинныхъ или непосредственно на имя Совѣта Епархіального женскаго училища.

2) Объ особенномъ усердіи о. благочиннаго священника Николая Шокотова, расположившаго къ пожертвованіямъ духовенство своего округа и собравшаго среди него на украшеніе новоустрояющагося училищнаго храма *девятисто рублей шестьдесятъ копѣекъ*, Совѣтъ училища счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ особо доложить Его Преосвященству и во исполненіе Архипастырской резолюціи, послѣдовавшей на журнальномъ опредѣленіи Совѣта отъ 14—21 октября н. г., симъ имѣетъ честь выразить достопочтеннѣйшему о. благочинному свою особую искреннѣйшую благодарность за его ревностное усердіе къ доброму и полезному дѣлу.

3) Многіе изъ родителей еще доселѣ не уплатили, а нѣкоторые хотя и уплатили, но не вполнѣ, взносъ, слѣдующій за содержаніе въ училищѣ ихъ дочерей въ текущемъ полугодіи. Во избѣжаніе могущихъ быть затрудненій, таковыя родители симъ извѣщаются, что крайній срокъ для окончательнаго взноса назначенъ 20 ноября текущаго года; никакихъ отсрочекъ допускаемо не будетъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— На праздное священническое мѣсто къ Варваровской церкви села Канитольскаго, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ діакопъ Введенской церкви села Артемовки, Харьковскаго уѣзда, *Тарасій Алексеевъ*.

— Штатный діакопъ Архидіаконо-Стефановской церкви села Бѣлянскаго, Изюмскаго уѣзда, *Василій Наумовъ* умеръ; на его мѣсто опредѣленъ псаломщикъ Покровской церкви села Куньяго, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Пономаревъ*, а на мѣсто сего послѣдняго опредѣленъ окончившій курсъ ученія въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, священнической сынъ *Дмитрій Пономаревъ*.

— Псаломщикъ-діакопъ Покровской церкви села Дмитровки, Изюмскаго уѣзда, *Парамонъ Чернявскій* утвержденъ штатнымъ діакономъ при той-же церкви.

— Сверхштатный псаломщикъ Лебедянской Николаевской церкви, *Василій Стефановъ* опредѣленъ діакономъ къ Успенской церкви слоб. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

-- Псаломщикъ Лебединской Вознесенской церкви *Теодоръ Кремловскій*, рукоположенный въ санъ діакона 9 октября, утверждень штатнымъ діаконѣмъ при сей-же церкви.

— Псаломщикъ, діаконъ Ахтырской Архангело - Михайловской церкви, *Михаиль Запоровскій* утверждень штатнымъ діаконѣмъ при сей церкви.

— Псаломщикъ Троицкой церкви села Гракова, Зміевского уѣзда, *Митрофанъ Архангельскій* рукоположенъ во діакона къ означенной церкви.

-- Псаломщикъ Рождество - Богородичной церкви слободы Сѣпной, Богодуховскаго уѣзда, діаконъ *Іоасафъ Равскій* утверждень штатнымъ діаконѣмъ къ означенной церкви, 17 октября 1885 года. Мѣсто-же псаломщика при той церкви состоитъ празднымъ.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слоб. Грушевахи, Изюмскаго уѣзда, *Теодоръ Грабовскій* умеръ.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Свято - Духовской церкви г. Харькова перемѣщенъ псаломщикъ Скорбященской церкви г. Чугуева *Стефанъ Семейкинъ*.

— Псаломщикомъ къ Покровской церкви слоб. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, перемѣщенъ псаломщикъ Покровской церкви слоб. Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, *Петръ Петрусенко*.

— Сверхштатный псаломщикъ Христорожественской церкви слоб. Тимофѣевки, Сумскаго уѣзда, *Васплій Дикаровъ* утверждень штатнымъ псаломщикомъ при сей-же церкви.

— Сверхштатный псаломщикъ Ахтырской Архангело-Михайловской церкви, *Стефанъ Сукачевъ* утверждень штатнымъ псаломщикомъ при сей-же церкви.

— Сверхштатный псаломщикъ Дмитріевской церкви села Рыснаго, Ахтырскаго уѣзда, *Захарій Фіалковскій* утверждень штатнымъ псаломщикомъ при сей-же церкви.

— Сверхштатный псаломщикъ Іоанно-Предтечевской церкви с. Ново-Івановки (Гнилица тожь), Зміевского уѣзда, *Александръ Криникій* утверждень штатнымъ псаломщикомъ при сей церкви.

— Потомственный почетный гражданинъ *Теодоръ Капустянскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской церкви села Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ діакона *Порфирій Котляревскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви слободы Коломаки, Валковскаго уѣзда.

— Сверхштатный псаломщикъ Вознесенской церкви села Скрыпаева, Зміевского уѣзда, *Герасимъ Софійенко* опредѣленъ штатнымъ псаломщикомъ къ Троицкой церкви слободы Гракова, того-же уѣзда.

— 13 окт. опредѣленъ псаломщикомъ въ слоб. Черкасскую Лозовую,

Харьковск. у., бывшій воспитанникъ Харьковской дух. семинаріи, *Мелетій Стышевцевъ*.

— 13 окт. утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ при Троицкой церкви слоб. Ново-Глухова, Купянскаго уѣзда, допущенный къ исправленію псаломщицкой должности при сей церкви, дьячковскій сынъ *Даніилъ Любарскій*.

— 17 октября сверхштатный псаломщикъ Вознесенской церкви слоб. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, *Илія Грабовскій* утвержденъ штатнымъ псаломщикомъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.— Къ вопросу о прекращеніи работъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.—Штрафы за пьянство.—Заботы о поднятіи церковнаго пѣнія при богослуженіи.—Къ вопросу о причинахъ возникновенія штунды на югѣ Россіи.—О діаконахъ, какъ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ.—Присужденіе Уваровскихъ наградъ.—Злоупотребленія по сбору пожертвованій на Афонскіе монастыри.—Православіе въ Японіи.

Болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, съ Высочайшаго соизволенія, на Кавказѣ основано Общество возстановленія православнаго христіанства. Цѣль основанія этого Общества чисто религіозная: распространеніе православія между горскими племенами, принадлежавшими некогда къ православной Церкви, но, вслѣдствіе несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ, впадшими въ магометанство. Преслѣдуя эту цѣль, Общество принесло существенную пользу дѣлу православія. Дѣятельность его обнимала собою обширный кругъ: оно разсылало въ разныя мѣста миссіонеровъ, открывало православныя приходы, заводило въ нихъ школы, строило церкви, содержало духовенство, учителей, готовило будущихъ миссіонеровъ, распространяло книги религіознаго содержанія и т. п. Благодаря такой дѣятельности, лучи православной вѣры опять засіяли и на вершинахъ горъ, и въ ихъ ущельяхъ; народъ началъ выходить изъ своего дикаго состоянія; въ немъ начали развиваться чувства законности и порядка, уваженіе къ правамъ личности и собственности; обычаи его стали понемногу улучшаться, нравы смягчаться, чувства облагораживаться, понятія возвышаться. Къ сожалѣнію бла-

готовная дѣятельность Общества въ послѣднее время была парализована его финансовою несостоятельностью, въ слѣдствіе большихъ денежныхъ затратъ на орошеніе принадлежавшей ему Караязской степи. И первый періодъ существованія Общества закончился возвращеніемъ Караязской степи правительству, которое уплатило долги Общества и положило назначить Обществу за Караязскую степь пособіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ Общество подчинено Св. Синоду и ввѣрено ближайшему руководству Экзарха Грузіи.

Въ новомъ своемъ положеніи Общество сохраняетъ во всей своей силѣ, во всемъ великомъ первоначальномъ значеніи, основную идею своего учрежденія; задача его — возстановленіе среди инородцевъ-горцевъ православія, воспитаніе ихъ въ духѣ православной вѣры, остается неизмѣнною. Задача великая, требующая громаднхъ средствъ и усилій и достойная сочувствія и содѣйствія каждаго истинно - русскаго человѣка, истинно - православнаго христіанина. Къ сожалѣнію, средства Общества, включая сюда и правительственныя пособія, недостаточны для выполненія этой задачи; въ настоящее время средства эти едва достаточны на содержаніе существующихъ церквей, духовенства и школъ. Что-же касается до постройки новыхъ церквей, значительной ремонтировки старыхъ, снабженія ихъ утварью и друг. церковными принадлежностями, открытія новыхъ школъ, назначенія въ извѣстные пункты спеціальныхъ миссіонеровъ, воспитанія и образованія сиротъ и бѣдныхъ членовъ духовенства, постройки или исправленія общественныхъ домовъ для причтовъ, открытія новыхъ приходовъ, увеличенія членовъ причтовъ, — все эти настоятельныя нужды, при настоящихъ денежныхъ средствахъ, должны оставаться неудовлетворенными. Естественно потому, что общество при настоящихъ условіяхъ не можетъ удовлетворительно осуществлять великую задачу, которая положена въ его основаніи. Осуществленіе ея возможно только при значительныхъ пожертвованіяхъ въ пользу Общества и этихъ пожертвованій Общество можетъ ожидать только отъ русскаго народа, которому оно обязано всемъ, что сдѣлано до сего времени.

Полагая, что многимъ изъ истинно русскихъ людей, которые пожелали-бы содѣйствовать по возможности распространенію своей отеческой вѣры и на далекихъ окраинахъ Кавказа, было-бы весьма интересно ближе ознакомиться съ кругомъ дѣятельности вышеозначеннаго Общества, приводимъ здѣсь Высочайше утвержденный уставъ его.

У С Т А В Ъ

Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, ВЫСОЧАЙШЕ
утвержденный въ 10-й день февраля и 9-й день марта 1885 года.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

§ 1. Общество имѣеть цѣлью — возстаповленіе православнаго христіанства между горскими племенами Кавказа.

§ 2. Общество состоитъ подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини ОЛЫИ ѲЕОДОРОВНЫ и въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода.

§ 3. Ближайшее направленіе дѣйствій Общества возлагается на Экзарха Грузіи, въ качествѣ его предсѣдателя.

§ 4. Всѣ распорядительныя дѣйствія принадлежатъ Совѣгу Общества.

§ 5. Общество имѣеть свою печать съ гербомъ Россійской имперіи и съ надписью: „печать Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“.

ГЛАВА II.

Составъ Общества.

I. Ч л е н а х ъ.

§ 6. Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ состоитъ: изъ членовъ почетныхъ, членовъ дѣйствительныхъ, членовъ-сотрудниковъ и членовъ-ревнителей.

§ 7. Члены Общества, сообразно различнымъ наименованіямъ, обязываются платить ежегодно: перваго разряда (члены почетные) 250 руб., втораго разряда (члены дѣйствительные) 150 руб. и третьяго разряда (члены-сотрудники) 50 руб.

Ежегодныя членскіе платежи для означенныхъ въ предшедшемъ пунктѣ разрядовъ могутъ быть замѣнены единовременнымъ взносомъ капитала: для перваго разряда 2500 р., втораго—1500 р. и третьяго—1000 р.

Члены четвертаго разряда (члены-ревнители) обязываются внести единовременно капиталъ въ 50 руб.

Всѣ лица, внесшія въ пользу Общества единовременно наличными деньгами или государственными процентными бумагами капиталъ, въ указанныхъ выше размѣрахъ, получаютъ пожизненное званіе членовъ Общества.

Примѣчаніе. Лицамъ, вступившимъ въ званіе членовъ 4-го разряда до 16-го іюня 1868 года, предоставляется внести единовременно 50 руб. или же вносить членскій платежъ въ размѣрѣ и на основаніяхъ, существовавшихъ до упомянутаго срока, т. е. по 20 руб. въ годъ.

§ 8. Въ члены Общества поступаютъ лица обоюго пола и всѣхъ состояній. Число ихъ не ограничено.

§ 9. Члены Общества утверждаются въ семь званій Высочайшею властію, по представленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и получаютъ дипломы за подписью предсѣдателя, вице-предсѣдателя, надлежащею скрѣпою и съ приложеніемъ печати Общества.

Примѣчаніе. Знаки 1-го и 2-го разрядовъ, установленные для членовъ Общества, носятя на шеѣ на широкой свѣтло-фіолетовой лентѣ, а знаки

3-го и 4-го разрядовъ на узкой свѣтло-фіолетовой цѣтѣ лентѣ на лѣвой сторонѣ груди—послѣ орденскихъ знаковъ и медалей.

§ 10. Заслуги тѣхъ членовъ Общества, кои своимъ усердіемъ или пожертвованіями будутъ особенно содѣйствовать возстановленію православнаго христіанства на Кавказѣ, представляются Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по ходатайству Совѣта Общества, Всемилостивѣйшему вниманію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

§ 11. Члены Общества, не выполнившіе обязанности, определенной § 7, считаются сложившими съ себя свое званіе.

II. О Совѣтѣ и общихъ собраніяхъ Общества.

§ 12. Общество дѣйствуетъ по всемъ своимъ дѣламъ чрезъ особый, учрежденный во главѣ его, Совѣтъ. Годовое общее собраніе членовъ Общества созывается Совѣтомъ для выслушанія отчета о дѣятельности Общества, для избранія ревизионной комиссіи и выбора 4-хъ членовъ Совѣта. Члены Общества всѣхъ разрядовъ участвуютъ въ общемъ годовомъ собраніи Общества съ правомъ голоса.

§ 13. Совѣтъ подъ предѣлательствомъ Экзарха Грузинъ состоитъ изъ вице-предѣдателя, назначаемого Главнотачальствующимъ гражданскою частію на Кавказѣ, и изъ 8 членовъ Общества, изъ коихъ 4 члена назначаются предѣлелемъ Совѣта, а остальные 4 избираются на три года Обществомъ, въ общемъ общаго собранія.

§ 14. Дѣла Совѣта Общества ведутся въ канцеляріи Экзарха Грузинъ, и на покрітіе расходовъ по дѣлопроизводству назначается Совѣтомъ определенная сумма изъ средствъ Общества.

§ 15. Совѣтъ собирается по усмотрѣнію предѣдателя и по соображенію съ количествомъ, успѣшностью и важностью дѣлъ, требующихъ обсужденія Совѣта.

§ 16. Для дѣятельности заседаній Совѣта требуется присутствіе не менѣе 2-хъ членовъ, кромѣ предѣдателя.

§ 17. Совѣту предоставляется право приглашать въ свои засѣданія, для обсуждения специальныхъ вопросовъ, постороннихъ лицъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть полезны и необходимы.

§ 18. Дѣла, по обсужденіи ихъ въ Совѣтѣ, рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ несогласія предѣдателя съ постановленіемъ большинства Совѣта, дѣло представляется на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

§ 19. Всѣ члены Общества могутъ, ревнуя объ успѣшномъ ходѣ дѣла, сообщать Совѣту свои мнѣнія и желанія. Совѣтъ обсуждаетъ степень ихъ примѣнимости, отвергаетъ или принимаетъ ихъ и въ годовомъ отчетѣ извѣщаетъ о ходѣ дѣла каждому предположенію члена Общества.

§ 20. Общество пользуется правомъ безплатной корреспонденціи, посланки же, отправляемая Обществомъ, или адресуемая на его имя, пересылаются почтовыми учрежденіями безплатно, если не превышаютъ вѣсомъ одного пуда.

ГЛАВА III.

Средства Общества.

§ 21. Средства Общества составляются изъ 1) членскихъ взносовъ, 2) кружкаго сбора, 3) пособія отъ Правительства, 4) ежегоднаго поступленія определенныхъ суммъ изъ казны Императорскихъ и Царскихъ орденовъ и 5) случайныхъ поступленій и пожертвованій.

§ 22. Для усиленія сихъ средствъ Совѣту Общества предоставляется обращаться съ воззваніями ко всемъ русскимъ православнымъ о посылныхъ, на принятое имъ дѣло, пожертвованіяхъ.

§ 23. Всѣ поступившіе въ Совѣтъ Общества взносы и пожертвованія, какъ денежныя, такъ и вещественныя, немедленно записываются на приходъ въ установленныя для того книги; свѣдѣнія о таковыхъ пожертвованіяхъ и взносахъ помѣщаются въ годовомъ отчетѣ Общества.

§ 24. Принадлежащія Обществу свободныя денежныя суммы вносятся на текущій счетъ въ одно изъ Государственныхъ кредитныхъ установленій или же обращаются въ Государственныя или гарантированныя Правительствомъ процентныя бумаги. Ближайшій порядокъ храненія и расходованія суммъ Общества опредѣляется Совѣтомъ.

§ 25. Соразмѣряя свои дѣйствія со средствами, Совѣтъ при наступленіи каждаго года составляетъ подробную смету доходовъ и расходовъ, положительно опредѣленныхъ. Затѣмъ всѣ особенныя и экстренныя расходы могутъ быть допускаемы не иначе, какъ по постановленіямъ Совѣта.

ГЛАВА IV.

Дѣйствія Общества.

§ 26. Въ кругъ дѣйствій Общества входятъ: а) сооруженіе и содержаніе церквей и устройство при нихъ помѣщеній для духовенства; б) открытіе церковно-приходскихъ школъ для образованія горскаго юношества и содѣйствіе имъ денежными средствами; в) переводъ на туземныя языки Священнаго Писанія, богослужебныхъ, учебныхъ и другихъ полезныхъ для чтенія книгъ и печатаніе какъ сихъ переводовъ, такъ и священно-церковныхъ книгъ на грузинскомъ языкѣ, и г) содѣйствіе епархіальному начальству въ исполненіи его предположеній по улучшенію благосостоянія горскаго духовенства и возвышенію уровня его образованія.

а) Сооруженіе и содержаніе церквей.

§ 27. Сооруженіе и возобновленіе церковныхъ зданій предпринимается Обществомъ по извѣщеніямъ духовнаго начальства, или же по тѣмъ даннымъ о состояніи церковныхъ зданій въ горскихъ приходахъ, которыя будутъ получены самимъ Обществомъ.

Примѣчаніе. Путевыя издержки лицъ, посылаемыхъ для осмотра зданій или наблюденія за ходомъ строительныхъ работъ, а равно выдача имъ прогоновъ или другихъ пособій производятся изъ суммъ Общества по усмотрѣнію Совѣта.

§ 28. Исполненіе самыхъ работъ по сооруженію церквей и другихъ зданій, возведеніе коихъ будетъ принято Обществомъ на свое попеченіе, производится или подрядомъ, или хозяйственнымъ образомъ, смотря по тому, который изъ двухъ способовъ будетъ признанъ Совѣтомъ наиболѣе выгоднымъ.

§ 29. Торги производятся въ мѣстностяхъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію предсѣдателя Общества.

§ 30. При торгахъ, если таковыя будутъ производиться не въ самомъ Совѣтѣ Общества, присутствуетъ лицо, избранное для того предсѣдателемъ Общества.

§ 31. При обезпеченіи договоровъ и обязательствъ, принимаемыхъ на себя подрядчиками, а равно при исполненіи и прекращеніи сихъ договоровъ, соблюдаются правила, въ законахъ гражданскихъ для казенныхъ подрядовъ установ-

ленные. Впрочемъ, предоставляется Совѣту Общества дѣлать нѣкоторыя для подрядчиковъ облегченія въ тѣхъ случаяхъ, когда они признаютъ это возможнымъ.

§ 32. Освидѣтельствованіе работъ, произведенныхъ съ подряда или хозяйственнымъ образомъ, производится лицами, для того избранными предсѣдателями

§ 33. Отчеты по сооруженію, возобновленію или исправленію церковныхъ и принадлежащихъ къ нимъ зданій подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта Общества.

б) *Учрежденіе школъ. Содѣйствіе къ учрежденію и содержанію горскихъ школъ.*

§ 34. Общество имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи церковно-приходскія школы для образованія дѣтей горскихъ жителей. Относительно сихъ школъ Общество дѣйствуетъ на основаніи Высочайшее утвержденныхъ, 13 іюня 1884 года, правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Совѣтомъ Общества на содержаніе состоящихъ въ вѣдѣніи его церковно-приходскихъ школъ ассигнуется сумма, сообразно съ средствами Общества.

в) *Переводъ книгъ Священнаго Писанія, богослужебныхъ и другихъ.*

§ 35. Совѣтъ Общества печется о переводѣ книгъ Священнаго Писанія, а также богослужебныхъ и другихъ полезныхъ для чтенія книгъ на горскіе и вообще туземные языки.

§ 36. Печатаніе и изданіе сихъ переводовъ и книгъ Общество производитъ на свой счетъ.

г) *Содѣйствіе епархіальному начальству къ улучшенію положенія горскаго духовенства.*

§ 37. Содѣйствіе Общества епархіальному начальству матеріальными средствами можетъ быть вызвано предложеніями духовнаго вѣдомства или самого Совѣта Общества.

§ 38. Такое содѣйствіе состоитъ: а) въ снабженіи горскихъ церквей ризницею и утварью; б) учрежденіи новыхъ причтовъ и производствѣ содержанія вообще всему горскому духовенству; в) въ назначеніи денежныхъ суммъ на введеніе, въ случаѣ надобности, въ курсы духовныхъ семинарій дополнительныхъ предметовъ преподаванія, съ цѣлію образованія и приготовленія дѣтей горскихъ семействъ къ церковному служенію.

§ 39. Заботливость Общества въ отношеніи устройства и улучшенія положенія причтовъ церквей, какъ возведенныхъ его попеченіями, такъ и вообще состоящихъ въ вѣдомствѣ его, ограничивается денежными, на счетъ суммъ Общества, пособіями, какъ лично священно и церковно-служителямъ, такъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ.

§ 40. Размѣръ денежнаго пособія, сверхъ опредѣленнаго жалованья, выдаваемого духовнымъ лицамъ, зависитъ отъ степени ихъ заслугъ и усмотрѣнія Общества.

§ 41. Заботясь объ улучшеніи содержанія церковныхъ причтовъ, Общество не касается внутренняго управленія ими. Дѣло это многія заимствуетъ отъ епархіальнаго начальства точно такъ, какъ и самое замѣщеніе священно и церковно-служительскихъ должностей.

ГЛАВА V.

Отчеты Общества.

§ 42. Совѣтъ Общества ежегодно составляетъ отчетъ, который долженъ заключать въ себѣ подробныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ дѣятельности Общества, какъ-то: 1) о числѣ возобновленныхъ, исправленныхъ и вновь сооруженныхъ цер-

квей; 2) о числѣ вновь учрежденныхъ на счетъ суммъ Общества и пользующихся содержаніемъ отъ Общества церковныхъ причтовъ въ горскихъ приходахъ; 3) о числѣ и состояніи церковно-приходскихъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи Общества; 4) о переводѣ и изданіи священныхъ и прочихъ духовныхъ книгъ и 5) о доходахъ и расходахъ по всемъ частямъ управленія.

§ 13. Отчеты представляются Ея Императорскому Высочеству Государынь Великой Книгинѣ ОЛЬГѢ ФЕОДОРОВНѢ — Покровительницѣ Общества и Святейшему Синоду.

§ 14. Сверхъ сего экземпляры отчетовъ сообщаются Оберъ-Прокурору Святейшаго Синода и другимъ почетнымъ лицамъ и вообще распространяются въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ.

§ 15. Всѣ безъ исключенія члены имѣютъ право на безденежное полученіе отчетовъ Общества.

— По словамъ „Церковнаго Вѣстника“, давно ожидаемое разрѣшеніе важнаго для религіозно-правственной жизни народа вопроса о прекращеніи работъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, повидимому, близится къ своему осуществленію. Онъ сдѣлался предметомъ вниманія помѣстныхъ съѣздовъ епархіальныхъ преосвященныхъ и скоро будетъ обсуждаться въ законодательномъ порядкѣ. Надлежахъ члены „общества вспоможенія прикащиковъ въ С.-Петербургѣ“ обратились къ г. управляющему канцеляріей Св. Синода г. Саблеру, и получили утѣшительныя свѣдѣнія, что онъ самъ крайне заинтересованъ благопріятнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса и для защиты его въ Государственномъ Совѣтѣ, съ гражданской стороны, предполагаетъ составить особую докладную записку, для чего собираетъ литературный матеріалъ западной Европы по этому вопросу, гдѣ, въ особенности въ Англіи, вопросъ о воскресномъ покоѣ чело-вѣка разработанъ очень хорошо, и что имъ почти собраны уже и другіе матеріалы, имѣющіе близкое отношеніе къ дѣлу. Къ этому г. Саблеръ прибавилъ, что бывшій въ Казани съѣздъ епископовъ въ этихъ же видахъ постановилъ: въ воскресные дни совершать великія торжественныя вечернія службы, съ чтеніями, бесѣдами и акаонстами. Свою интересную бесѣду г. Саблеръ закончилъ словами: „успокойте просящихъ“, и прибавилъ, что немедленно по возвращеніи въ Петербургъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода будетъ сдѣлано представленіе въ Государственный Совѣтъ по этому вопросу.

Вопросъ этотъ возбужденъ былъ и на съѣздѣ сибирскихъ архимандритовъ въ Иркутскѣ, которые нашли, что торговля въ праздничные дни отвлекаетъ народъ отъ посѣщенія церкви и вообще неблагоприятно отзывается на религіозно-правственной жизни. Практическимъ результатомъ такого рѣшенія этого вопроса было уже

состоявшееся въ Иркутскѣ закрытіе базаровъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

— Базары по праздникамъ, какъ извѣстно, чрезвычайно способствуютъ развитію пьянства среди народа. Тѣмъ пріятнѣе отмѣчать, что самъ народъ начинаетъ принимать мѣры къ ограниченію этого зла. Такъ, „Петербург. Листку“ передаютъ, что нѣкоторыми изъ волостныхъ сходовъ С.-Петербургской губерніи за послѣднее время установлены штрафы за чрезмѣрное пьянство. Штрафы, согласно приговорамъ однихъ сходовъ, должны быть обращаемы въ пользу мѣстныхъ церквей, а по другимъ — на улучшеніе содержанія школъ.

— Важнымъ вопросомъ времени служить также забота о поднятіи церковнаго пѣнія при богослуженіи. Особенную заботливость въ этомъ отношеніи проявляетъ преосвященный Никаноръ Херсонскій, первый изъ епархіальныхъ преосвященныхъ обратившій особенное вниманіе на церковное пѣніе, какъ важное орудіе религіозно-нравственнаго и даже эстетическаго воспитанія народа, и въ этихъ видахъ святиней своимъ архиепископскимъ авторитетомъ введеніе обще-народнаго пѣнія при богослуженіи. Не смотря на эту заботливость, дѣйствительность далеко еще не соответствуетъ желаніямъ. Въ послѣднемъ предложеніи мѣстной консисторіи по случаю обзора епархіи преосв. Никаноръ говоритъ, что онъ не вездѣ порадованъ быль благодушнымъ отправленіемъ службы Божіей, особенно въ отношеніи пѣнія. „Но всѣй полось къ юго-западу отъ Одессы, говоритъ преосв. Никаноръ, обще-народнаго пѣнія нѣтъ ни слѣда, и расположенія не предвидится, такъ какъ народъ къ воспріятію обученія обще-народному пѣнію еще пока шмало не подготовленъ. Во-вторыхъ, мало усмотрѣно священниковъ и церковниковъ, способныхъ обучать народъ пѣнію и усердныхъ къ этому. Гдѣ находили мы болѣе или менѣе многоголосное или даже искусственное хоровое пѣніе, тамъ оно заведено и поддерживается, главнымъ образомъ, усердіемъ и искусствомъ учителей земскихъ и такъ называемыхъ министерскихъ (министерства народнаго просвѣщенія) училищъ. Замѣчено, что гдѣ вмѣсто учителей поставлены учительницы, тамъ почти нигдѣ ученики пѣнію не учатся, и по церквамъ названнаго хороваго пѣнія не имѣется. Священники же въ большинствѣ, по части пѣнія, ничего не понимаютъ, и сами безъ учителей неспособны ни обучать церковному пѣнію, ни охранить церковную старину пѣнія не только отъ искаженія, но даже отъ забвенія. А двое священниковъ прямо заявили, что они не только не умѣютъ пѣть, но и „никогда не учились пѣнію“.

Все это конечно очень прискорбно и отчасти объясняется непростительнымъ пренебреженіемъ, въ которомъ находилось обученіе церковному пѣнію въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ при прежнемъ уставѣ. Будемъ надѣяться, что этотъ вопіющій недостатокъ будетъ восполненъ при новомъ уставѣ, обратившемъ должное вниманіе на эту сторону дѣла.

Тѣмъ болѣе утѣшительнымъ въ этомъ отношеніи представляется такое явленіе, какъ недавно окончившійся въ Бѣлгородѣ, Курской губ., съѣздъ народныхъ учителей по предмету церковно-нотнаго пѣнія. Съѣхавшіеся учителя не только ознакомились съ теоріей музыки, но практически ознакомились и съ правилами составленія хора пѣвчихъ, пропѣли всю литургію І. Златоустаго и прокимны осьми гласовъ по обиходу Львова. Съѣздъ былъ полезенъ для учителей уже тѣмъ, что онъ побудитъ многихъ изъ нихъ усердно приняться за изученіе церковно-нотнаго пѣнія, какъ лучшаго изъ средствъ возвысить значеніе народной школы въ глазахъ крестьянъ. Къ чести учителей нужно отнести безукоризненное ихъ поведеніе на съѣздѣ и усердное отношеніе къ дѣлу. Если и въ селахъ самостоятельно учителя приложатъ такое же рвеніе къ самообразованію, какое выказали на съѣздѣ, то смѣло можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ въ сельскихъ церквахъ Курской епархіи будетъ введено стройное хоровое пѣніе.

— Въ „Пастырскомъ Собесѣдникѣ“ (№ 44) помѣщена статья „Къ вопросу о причинахъ возникновенія штунды на югѣ Россіи“, авторъ которой, ограничивая впрочемъ свое изслѣдованіе причинъ лишь Херсонской губерніей, между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Въ небогатой литературѣ по вопросу о причинахъ возникновенія штунды установилось мнѣніе, что штунда возникла на почвѣ недовольства народа православною Церковію: православнымъ богослуженіемъ, священно-служителями православной Церкви, пѣкоторыми церковными обрядами и пр. Но несправедливо ограничивать изслѣдованіе вопроса о причинахъ возникновенія штунды одною религіозно-нравственною сферою, выводить причины зла изъ такого или иного отношенія народа къ Церкви и ея священнослужителямъ. Штунда есть явленіе столь же церковное, какъ и гражданско-экономическое. Крестьянинъ, переходящій въ штунду, перестаетъ быть не только сыномъ православной Церкви, но и „мірскимъ, громадскимъ“ человекомъ, членомъ крестьянской общины, и вноситъ въ практику своей обыденной жизни новыя экономическія „соображенія“, хотя-бы на первый разъ выражающіяся въ томъ, что онъ пере-

сраетъ „пьянствовать“ и „внимательно относится къ своему хозяйству“.

Развивая далѣе свое положеніе, авторъ ставитъ на видъ то, что большинство сектантовъ люди малограмотные и совсѣмъ почти незнакомые съ ученіемъ православной Церкви и съ Церковію вообще, а слѣдовательно по тому самому и не могущіе быть недовольными тѣмъ, чего они не знаютъ. Затѣмъ авторъ рассказываетъ, что въ Херсонской епархіи главный контингентъ штундистовъ составляютъ мѣщане-десятинники, которые живутъ тѣмъ, что арендуютъ землю. Экономическое положеніе этихъ людей чрезвычайно тяжелое, а вслѣдствіе этого незавидно и нравственное. Отъ сель и церковей они живутъ далеко, у богослуженія имъ бывать приходится очень рѣдко, со священниками бесѣдовать никогда не случается, а потому они очень часто и легко поддаются вліянію нѣмцевъ-колонистовъ, которые охотно даютъ имъ въ руки Евангеліе и говорятъ: „читай только эту книгу и ты попадешь въ царство небесное“. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ устройство часовень въ хуторахъ, населеніе которыхъ не имѣетъ возможности каждый воскресный и праздничный день присутствовать при богослуженіи въ церквахъ. Въ нихъ жители могли-бы слышать по временамъ и нѣкоторыя богослуженія и проповѣдь священника, для чего необходимо—по его мнѣнію—увеличить составъ причтовъ.—Такимъ образомъ, отъ какихъ-бы причинъ ни происходило уклоненіе православныхъ въ штунду, но авторъ самъ въ концѣ концовъ пришелъ къ тому выводу, что главное средство предохраненія отъ штунды и борьбы съ сектантами—религіозно-нравственное просвѣщеніе народа.

— Въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдом.“ (№ 18) помѣщена статья, подъ заглавіемъ: „къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ и о діаконахъ-учителяхъ ихъ“. Авторъ статьи, между прочимъ, высказывается, „что, какъ ни блестящъ въ теоріи проектъ относительно рукоположенія діаконввъ, какъ учителей школъ, но на дѣлѣ едва-ли онъ можетъ имѣть практическое примѣненіе“, по слѣдующимъ обстоятельствамъ: а) чтобы діаконввъ-учители могли принести народу несомнѣнную пользу, имъ необходимо имѣть специальную образовательную подготовку, а такихъ лицъ едва-ли найдется достаточно въ каждой епархіи; б) матеріальныя средства діаконввъ-учителей крайне ограничены, такъ что способные люди едва-ли будутъ стремиться занимать эти мѣста; в) наконецъ имѣть діаконввъ положено лишь въ тѣхъ приходввъ, въ которыхъ болѣе 700 душъ прихожанъ, слѣдовательно въ меньшихъ приходввъ еще за-

труднительнѣе будетъ найти хорошаго учителя. Въ заключеніе высказывается мысль, что въ каждой епархіи есть немало богатыхъ монастырей, наполненныхъ молодыми послушниками. Поэтому цѣлесообразнѣе было-бы при такихъ монастыряхъ и на счетъ ихъ заводить особыя спеціальныя школы, въ которыхъ-бы подготовлялись изъ послушниковъ учителя для церковно приходскихъ школъ, могущіе быть въ случаѣ нужды и діаконами.

— Изъ сочиненій по русской и славянской исторіи, вышедшихъ въ послѣднее время, академіею наукъ, какъ видно изъ ея отчета, читаннаго въ засѣданіи академіи 25 сентября, удостоено меньшихъ Уваровскихъ наградъ (по 500 р. каждая) пять слѣдующихъ сочиненій: 1) „Исторія славянскаго перевода символовъ вѣры“, А. Гезена, рецензировавшая, по приглашенію академіи наукъ, доцентомъ Московской духовной академіи г. Воскресенскимъ; 2) „О подвигахъ Филарета, м. Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библии на русскій языкъ“, изслѣдованіе П. Корсунскаго, разобранное И. А. Чистовичемъ; 3) „Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ“, соч. Г. Уланицкаго; 4) „Причитанія сѣвернаго края“, собранныя Е. Барсовымъ; 5) „Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона“, Н. Гиббенета, рассмотрѣнное проф. Н. И. Субботнинымъ. Сверхъ назначеній денежныхъ премій вышеупомянутымъ пяти сочиненіямъ, коммиссія отличила еще два изъ числа конкурсныхъ произведеній присужденіемъ имъ почетнаго отзыва. Его получили рукописныя труды: Р. Зотова: „Къ исторіи Черниговскаго княжества“, и В. Теплова: „Греко-болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ“.

— Въ послѣднее время часто повторяются случаи крайне неблагоприятныхъ дѣйствій и злоупотребленій по сбору пожертвованій на Афонскіе монастыри со стороны русскихъ выходцевъ, принявшихъ монашеское постриженіе на Афонѣ и со стороны появляющихся въ Россіи самозванныхъ сборщиковъ на Гробъ Господень и св. мѣста Палестины. Не имѣя на производство сбора пожертвованій ни разрѣшенія отъ правительства, ни полномочія отъ подлежащей духовной власти, таковыя сборщики, для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, употребляютъ подлоги; предъявляютъ лично или рассылаютъ подложныя письма даже отъ имени блаженнѣйшаго патріарха Иерусалимскаго, съ приложеніемъ поддѣльной печати будто-бы патріаршей и, пользуясь наглымъ обманомъ, получаютъ пожертвованія деньгами и вещами. Для предупрежденія и пресѣченія изложенныхъ злоупотребленій благочестивымъ усердіемъ православнаго русскаго

народа къ св. мѣстамъ Палестины и для обителямъ св. Афонской горы и въ огражденіе его отъ обмана со стороны всѣхъ означенныхъ самозванныхъ сборщиковъ, недавно установлено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда заграничные православные монастыри и вообще церковныя учрежденія нуждаются въ денежныхъ вспоможеніяхъ отъ боголюбивыхъ христіанъ въ имперіи, духовныя начальства такихъ обителей и учреждений заявляютъ о семъ чрезъ дипломатическихъ агентовъ нашихъ за-границею русскому правительству, прося дозволенія производить въ Россіи въ теченіи опредѣленнаго времени сборъ пожертвованій; затѣмъ, получивъ разрѣшеніе на таковой сборъ, высылаютъ въ Россію уполномоченныхъ ими для производства сбора лицъ, которые снабжаютъ по распоряженію Святейшаго Синода особою сборною книгою, за подписанною скрѣпою, съ приложеніемъ печати и производятъ такой сборъ, лично предьявляя жертвователямъ означенную книгу для записи поступающихъ отъ усердія добровольныхъ даваній. Сверхъ сего съ вѣдома и разрѣшенія Св. Синода пожертвованія на Гробъ Господень и св. мѣста Палестины постоянно принимаютъ настоятелемъ Иерусалимскаго патриаршаго подворья въ Москвѣ, который уполномоченъ къ тому блаженнѣйшимъ патриархомъ.

— Игуменъ Владиміръ сообщаетъ въ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“, что число крещеныхъ японцевъ въ текущемъ году 1,464, всѣхъ-же православныхъ христіанъ въ разныхъ провинціяхъ Японіи 11,276; оглашенныхъ 443; молитвенныхъ домовъ 121, христіанскихъ общинъ или группъ по городамъ и селамъ 184, брачавшихся христіанъ 33 пары; умершихъ 173. Подъ управленіемъ епископа Николая священниковъ и діаконовъ 17. Учителей русскій одинъ, оувъ же и регентъ, Львовскій, Проповѣдниковъ 94 человека, раздѣляющихся на три разряда: настоящихъ старихъ проповѣдниковъ 26, молодыхъ помощниковъ 56, учениковъ ихъ едва окончившихъ однопольтій или двухпольтій курсъ ученія 11. Семинарія, катехизаторская школа и женское училище существуютъ на преданныхъ основаніяхъ. Соборъ въ Токио, столицѣ Японіи, продолжаетъ строиться; іеромонахъ изъ Афонскаго Зографскаго монастыря отецъ Георгій, некогда студентъ Черниговской семинаріи, поселился уже въ горахъ Японіи Хароне воздѣ церкви Св. Антонія, чтобъ основать миссіонерскій монастырь, для чего еще придутъ вноки съ Афона. Тамонскій Пантелеймоновъ монастырь далъ уже небольшую матеріальную поддержку на благое дѣло.

СУНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальн. книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи и въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Завета, для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ и другихъ начальныхъ училищахъ на русск. яз. въ бум. 12 коп., кореш. 22 коп. Исторія священная краткая, гр. и. въ 12 д. въ бум. кор. 2 коп. Молитвословъ для мірянъ, на слав. яз. въ бум. 20 коп., кор. 35 коп., колен. 40 коп. Русско-славянская подвижная азбука, (четыре листа крупнаго шрифта) 17 коп. Таблицы: Молитвы Господней 3 коп. Таблицы: Краткихъ молитвословій 3 коп. Часословъ учебный, цер. печ. въ кореш. 35 коп., бум. 25 коп. Псалтирь (учебная) на славянск. яз. въ 8 д. безъ кнп. въ кож. 55 коп., въ кор. 45 коп., бум. 30 коп. Псалтирь на русск. яз. въ 36 д. въ кож. пер. 35 коп., въ шагр. палкѣ 25 коп., въ бум. пер. 15 коп. Начатки христіанскаго ученія или краткая священная исторія и краткій кагихизисъ, цер. п. въ 12 д. въ бум. 12 к. Начальное ученіе (азбука) цер. и гр. печ. въ бум. 6 коп. Букварь російской цер. и гр. печ. въ пер. бум. 4 коп. Молитвы и церковное чтеніе, направленное къ утверженію православія въ учащихся и христіанскому образованію ихъ ума и сердца, цер. печ. въ 12 дох. въ пер. бум. 3 коп. Письма о богослуженіи восточной каволической Церкви, А. Муравьева, въ бум. пер. 60 коп., съ пересылкою 85 к. Дополненіе къ письмамъ о богослуженіи, его-же, въ бум. 50 коп. Наставленіе православному христіанину о божественной литургіи, его-же въ бум. 1 руб. О подражаніи Іисусу Христу, сочиненіе Фомы Кемпійскаго, перев. К. П. Побѣдоносцева 60 коп. Бесѣды объ отношеніи Церкви къ христіанамъ. Амфитеатрова, въ бум. пер. 50 коп. Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступить въ продажу новая книга „Учебный октоихъ“, предназначенный главнымъ образомъ для школы.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ, дѣлается 10% уступка, съ даровою пересылкою книгъ, по съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ-же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покупкѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка, безъ даровой пересылки.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ДОГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СЕДЬМАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОВОРА

научно-историческое изслѣдованіе важности и необходимости поклоненія, по поводу заблужденія г. Пашкова и его единомышленниковъ (молоканъ, штундистовъ и вообще всѣхъ зараженныхъ протестантскимъ взглядомъ на иконы).

Остроумова.

ЦѢНА: на веленовой бумагѣ 1 р. 50 коп., на бѣлой бумагѣ 1 р. 25 коп. съ пересылкой. Выписывающимъ 10 экземпляровъ дѣлается уступка 10%.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: Придурійскъ, Витебской губерніи у Остроумова, куда и слѣдуетъ обращаться съ требованіями.

Мелкія деньги, при высылкѣ, можно замѣнять почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„ТВОРЕНІЙ СВ. ОЦЕВЪ“

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 іюля 1884 года подиска на духовный журналъ „Творенія Св. Отцевъ“ съ прибавленіями духовнаго содержанія сдѣлана обязательною для академій, семинарій и для имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской имперіи.

Изданіе „Твореній Св. Отцевъ“ съ прибавленіями духовнаго содержанія будетъ продолжаться и въ 1886 г. и будетъ состоять изъ четырехъ книжекъ въ годъ. Въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе твореній св. Киіла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи Церкви и сверхъ того статьи критико-бібліографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія пять рублей съ пересылкою.

Редакція проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ адресоваться въ *Серіезъ* *посадъ*, *Московской губерніи*, въ редакцію „Твореній Св. Отцевъ“.

Изъ редакціи „Твореній Св. Отцевъ“ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Творенія св. Ефрема Сирина 6 том. 9 р., Василия Великаго 7 том. 10 р. 50 к., Анастасія Александр. 2, 3 и 4 том. 4 р. 50 к., Григорія Нисскаго 8 том. 12 р., Исаака Сирина 1 том. 2 р. 30 к., Кирилла Іерусалимскаго 1 том. 1 р. 50 к., Іоанна Лѣстничника 1 том. 1 р. 50 к., Нила Синайскаго 3 том. 4 р. 50 к., Исидора Пелусіота 3 том. 4 р. 50 к., Епифанія Кипрскаго 6 том. 9 р., Блаженнаго Θεодорита 7 том. 12 р., Макарія Египетскаго 1 том. 2 р., Кирилла Александрійскаго 3 том. 4 р. 50 к.

„Творенія Св. Отцевъ“ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846 и 1847, съ 1851 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884 и 1885 годы могутъ быть приобретаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 руб. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ „Твореній Св. Отцевъ“ (съ 1844 по 1846 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883, 1884 и 1885 (по два тома) годы за каждый томъ по 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ВЪ 1886 ГОДУ.

ПРОПОВѢДНИЧЕСКАГО ЛИСТКА

(годъ пятый).

1. Въ журналѣ будутъ помѣщаться исключительно церковныя поученія.—2. Поученія будутъ кратки, но содержательны, занимательны по предмету и, по мѣрѣ возможности, приравниваемы къ событіямъ нашихъ дней.—3. По изложенію поученія будутъ просты.—4. Изданіе будетъ ежемѣсячное, и притомъ каждый номеръ (не менѣе одного печатнаго листа) будетъ выходить за мѣсяцъ до того времени, на которое онъ назначенъ, такъ чтобы всякій выходящій этотъ журналъ могъ имѣть въ каждомъ воскресному и праздничному дню свѣжее поученіе и побуждался этимъ проповѣдывать за каждою литургіей.—5. Въ видѣ приложений могутъ быть помѣщаемы рѣчи на разные случаи (погребеніе, вѣщаніе и т. п.).—6. Цѣна годовому изданію 1 р. 20 к. сер. съ пересылкою.

Съ требованіями обращаться исключительно на имя редактора-издателя, профессора Кіевской Академіи М. А. Олесницкаго.

За прежніе годы (82, 83, 84, 85) можно получать „Проловѣдническій Листокъ“ по уменьшенной цѣнѣ, именно по 1 р. съ пересылкою за годъ. При подпискѣ же на все годы (82, 83, 84, 85 и 86) прилагается только 5 р. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1886 ГОДЪ

НА

издаваемые при С.-Петербургской духовной академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ И „ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Ветхій Заветъ).

„Церковный Вѣстникъ“, вступающій съ 1-го января будущаго 1886 года въ двѣнадцатый годъ существованія, будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ и въ прежнемъ направленіи. Въ официальной своей части „Церковный Вѣстникъ“ есть официальный органъ Св. Синода и состоящихъ при немъ центральныхъ учреждений, въ неофициальной-же части онъ — органъ С.-Петербургской духовной академіи. Высшее церковное правительство, избравъ официальную часть академической церковной газеты своимъ официальнымъ органомъ для помѣщенія въ ней своихъ распоряженій и Высочайшихъ повелѣній по духовному вѣдомству, не лишило въ то-же время академическую корпорацію возможности въ неофициальной части той-же газеты свободно выражать свои сужденія по церковнымъ вопросамъ, сообщать полезныя для духовенства свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ давать возможность и духовенству высказывать свои нужды и желанія, дабы такимъ образомъ существовалъ взаимный обменъ мыслей между людьми духовной науки и дѣятелями церковной жизни. Академическая корпорація, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, старалась въ неофициальной части „Церковнаго Вѣстника“ осуществлять идеаль служенія истиннымъ интересамъ православной Церкви на юрисдикціи духовной публицистики и впредь будетъ, по мѣрѣ силъ, стремиться къ возможно полному его осуществленію.

Неофициальная часть „Церк. Вѣстн.“ имѣетъ въ настоящее время слѣдующій видъ. Въ ней печатаются прежде всего разнообразныя статьи, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ, именно: 1) *передовыя статьи*; 2) *корреспонденціи, статьи и сообщенія* вѣстныхъ сотрудниковъ, преимущественно духовныхъ лицъ и 3) „*Мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ*“. Для помѣщенія различныхъ извѣстій имѣются слѣдующіе постоянные отдѣлы: 4) „*Изъясненіе церковной жизни въ Россіи и заграничій*“, представляющая обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ области религіозной жизни; 5) „*Изъясненіе общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграничій*“, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ и внѣ его; 6) „*Разныя извѣстія и замѣтки*“, содержащая разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ. Въ видахъ систематизаціи и освѣщенія главнѣйшихъ фактовъ религіозной жизни печатаются чрезъ опредѣленные промежутки времени; 7) „*Иностранное обозрѣніе*“, группирующее вѣсти съ православнаго востока и римско-католическаго и протестантскаго запада; 8) Обзоръ народно-религіозныхъ движеній на *православно-славянскомъ югѣ*; 9) „*Обозрѣніе по расколу*“, знакомящее съ современными движеніями въ расколѣ. Немалое вниманіе обращено также и на отдѣлы библиографическіе, которые суть слѣдующіе: 10) „*Обозрѣніе духовныхъ журналовъ*“; 11) „*Замѣтки читателя епархіальныхъ вѣдомостей*“; сообщающія извлеченія интереснаго, но преимуществу историческаго матеріала изъ существующихъ епархіальныхъ вѣдомостей; 12) „*Обозрѣніе свѣтскихъ журналовъ*“ со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ, и 13) „*Библиографическія замѣтки*“ для обзоръ вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій.

Редакція имѣетъ смѣлость думать, что вышеозначенными *тринадцатю отдѣлами* неофициальной части „Церк. Вѣстн.“ довольно полно обнимаются всѣ важнѣйшія проявленія церковно-общественной жизни, преимущественно въ нашемъ отечествѣ и въ значительной мѣрѣ внѣ его. Однакожь редакція не намѣрена уклоняться отъ улучшеній, какія указаны будутъ опытомъ и вновь нарождающимися жизненными потребностями, — между прочимъ предполагаетъ съ конца текущаго года образовать *14-й отдѣлъ*, посвятивъ его церковно-приходскимъ школамъ. Редакція имѣетъ увѣренность, что дѣятели церковно-приходскихъ школъ —

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

учителя, наблюдатели, члены совѣтовъ—примуть живое участіе въ этомъ отдѣлѣ и, въ интересахъ дѣла, не сочтутъ для себя обременительнымъ подѣляться, при посредствѣ „Церк. Вѣстн.“, своими свѣдѣніями и наблюденіями.

„Христіанское Чтеніе“ составляетъ прибавленіе къ „Церк. Вѣстн.“, помѣщая разнообразныя, преимущественно ученыя, статьи по всемъ отраслямъ богословскихъ знаній. Сверхъ того въ немъ печатаются, съ особымъ счетомъ страницъ, „Толкованія на Ветхій Заветъ“. Въ 1886 г. будетъ продолжаться печатаніе „Толкованія на книгу пророка Исаіи“ по рукописи, найденной въ бумагахъ покойнаго профессора Н. С. Якимова.

„Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ съ „Толкованіями“ составляютъ въ годъ болѣе двухсотъ шестидесяти (260) печатныхъ листовъ („Церковн. Вѣстникъ“ 142 лист. и „Христ. Чтен.“ 124 лист.).

Цѣна.—Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала 7 р. (семь) съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ 5 р. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ 5 р. (пять). За-границей: для всехъ мѣст: за оба журнала 9 р. (девять), за каждый отдѣльно 7 р. (семь) съ пересылкою.

Подписка.— *Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: „Въ редакцію „Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“, въ С.-Петербургѣ“. *Подписывающіеся въ Петербургѣ* обращаются въ контору редакціи (Шлиссельбургскій просекъ, близъ Невскаго монастыря, д. № 4, кварг. № 1), гдѣ можно получать также отдѣльныя надписи редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія (по 10 коп. за 1 строку петита за объявленіе болѣе 1 раза и 15 коп.—за 1 разъ) и для разсѣлок при „Церк. Вѣстн.“ (по 5 руб. за тысячу). Можно подписываться сверхъ того въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Тузова (бывшаго Карабалева), въ Москвѣ—при книжномъ магазинѣ Феранонтова.

Въ конторѣ редакціи (Шлиссельбургскій просек., близъ Невскаго монастыря, домъ № 4 кв. 1) можно получать полныя экземпляры: „ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА“ и „ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ“ за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884 и 1885 гг. (за 1885 годъ съ января будущаго 1886 года) по пяти р. за оба журнала за годъ (вмѣсто семи и по три рубля за годовой экземпляръ каждого журнала отдѣльно (вмѣсто пяти)).

Тамъ-же можно получить:

I. Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ—въ пяти выпускахъ; цѣна каждого отдѣльно 1 р. съ пересылкою, а всехъ пяти выпусковъ вмѣстѣ (болѣе 50 печатныхъ листовъ) 3 р. съ пересылкою.

II. Толкованіе на Ветхій Заветъ—первый и второй выпуски (толкованіе книги пророка Іереміи), цѣна 2 р. 30 к., съ перес. 3 р. (отдѣльно 1-й выд. 1 р. 25 к. съ перес., 2-й выд. 2 р. съ перес.). Третій выпускъ (начало толкованія на книгу Псалмовъ, введен. и псалмы I—IX) цѣна 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес. Четвертый выпускъ (продолженіе толкованія книги Псалмовъ, псалмы X—XXIII), цѣна 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес. Пятый выпускъ (начало толкованія книги пророка Исаіи, введен. и главы I—XII), цѣна 75 к. безъ пер. и 1 р. съ пер.

III. Христіанскую Апологетику или курсъ основнаго богословія. читаній студентамъ Сиб. духовной академіи въ 1881—2 г. проф. Н. П. Рождественскимъ (изд. Сиб. дух. акд.). Цѣна за два большихъ тома (920 стр.) 4 р. безъ перес. и 5 р. съ перес. Для поданечниковъ на „Церк. Вѣстн.“ и „Христ. Чт.“ цѣна за оба тома 4 р. съ перес. и 3 р. безъ перес.

Въ конторѣ редакціи еще продаются:

I. „Христіанское Чтеніе“ за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 гг. по 2 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 3 р. съ перес. Выпускающіеся одновременно за всѣ численныя 14 годовъ издать безъ пересылки 20 р., съ пересылкою 25 р.

II. „Христ. Чт.“ за 1848, 1856, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 гг. по 3 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 4 р. с. съ перес.; за всѣ 13 годовъ 30 р. безъ перес. и 35 р. съ перес.

III. „Христ. Чт.“ за 1849, 1850, 1852, 1855, 1857, 1870 и 1878 гг. по 4 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 5 р. съ перес., за всѣ 7 годовъ 23 р. безъ перес. и 28 р. съ перес.

IV. „Христ. Чт.“ за 1872, 1873 и 1874 гг. по 4 р. с. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 5 р. съ перес.

V. „Христ. Чт.“ за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883 и 1884 годы, вмѣстѣ съ „Церк. Вѣст.“ по 5 р. съ перес., отдѣльно по 3 р.

За всѣ вышележащие годы можно получать журналъ и отдѣльными книжками по 75 к. безъ перес. и по 1 р. съ перес.

Въ „Христіанскомъ Читеніи“ за прежніе годы помѣщены слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго: а) на кн. Дѣлній св. Апостоловъ за 1856 и 1857 гг., б) на посланія къ Ефесеямъ и Колоссянамъ—за 1858 г. и в) на посланіе къ Солунынамъ, Тимоею, къ Титу, Флимопу и къ Евреямъ—за 1859 годъ.

О т д ѣ л ь н ы я и з д а н і я :

1) Творенія св. Іоанна Златоустаго: I. Его бесѣды—а) къ Антиохійскому народу, томъ первый, цѣна 1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес.; б) на Евангеліе Іоанна, два тома (въ каждомъ томѣ по 34 листа), ц. за 2 тома 1 р. 50 к. безъ перес. и 2 р. съ перес.; в) на разныя мѣста Св. Писанія, три тома (въ 1-мъ и во 2-мъ томѣ по 35 лист., въ 3-мъ—38 лист.), цѣна за три тома 3 р. безъ перес. и 4 р. съ перес.; г) на разные случаи, два тома (въ 1-мъ томѣ 36 лист.) во 2-мъ—34 лист.), цѣна за оба тома 2 р. безъ пер. и 3 р. съ пер.; д) на первое посланіе къ Коринѳянамъ два тома (въ 1-мъ томѣ 25 лист., во 2-мъ—27 лист.), цѣна 1 р. 25 к. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес. II. Письма Златоуста (20 лист.), цѣна 50 к. безъ перес. и 75 к. съ перес.

2) Письма Теодора Студита, два тома (въ 1-мъ томѣ 20 лист., во 2-мъ—38 лист.), цѣна 1 р. 50 к. безъ перес. и 2 р. съ перес.

3) Церковная исторія, *Евсевіа Памфила*, 1-й томъ (34 листа),—цѣна 1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес.

4) Св. подвижницы восточной Церкви. *Превосв. Филарета* (25 листовъ),—цѣна 1 р. безъ перес. и 1 р. 25 к. съ перес.

5) Древнія формы символовъ. *Проф. И. В. Чельцова* (13 листовъ), цѣна 75 к. безъ перес. и 1 р. съ перес.

6) Каноническое право. *Митр. Шагуны* (40 листовъ), цѣна 1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес.

7) Указатель къ „Христ. Чт.“ за 1821—1870 годы, цѣна 30 к. безъ перес. и 50 к. съ перес.

8) Дополнительный указатель къ „Христ. Читен.“ (за 1871—1880 гг., цѣна 30 к. безъ перес. 50 к. съ перес., а за оба указателя 75 к. съ перес.

9) Генетическое введеніе въ православное богословіе. Лекціи (по запискамъ студентовъ) прот. *Θ. Θ Сидонскаго*, цѣна 80 к. безъ перес., съ перес. 1 р.

10) Положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, цѣна 30 к. съ перес.

11) Обзорніе посланій св. ап. Павла къ Коринѳянамъ, проф. *М. Голубева*. 337 стр. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

12) Грамота Константинопольскаго патріарха Паисія I къ Московскому патріарху Никону. Оригинальный текстъ съ русскимъ переводомъ и примѣч. Ц. 1 р. съ перес. (печатано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ).

13) Толков. на Ветх. Зав. (пять вып.);

14) Собр. древн. литургій (пять вып.);

15) Христ. Апологетина. проф. *Н. П. Рождественскаго* (см. выше):

Пр о д а ю т с я е щ е с л ѣ д у ю щ и я к н и г и :

1) Обь отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ. Соч. проф. Спб. дух. акад. *Е. Довмина*. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

2) О необходимости священства (противъ безпоповцевъ). Соч. бакал. Сиб. дух. акад. *А. Предтеченскаго*. 1865 г. Ц. 30 к., съ перес. 50 к.

3) Исторія С.-Петербургской духовной академіи. Соч. *И. А. Чистовича*. Ц. 1 р. съ перес.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

- 4) Курсъ опытной психологіи. *Лю-же*. 2-е изд. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к.
- 5) Теофанъ Прокоповичъ и его время. *Лю-же*. Ц. 2 р.
- 6) Древнегреческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человека. *Лю-же*. Ц. 1 р.
- 7) Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Историческій очеркъ раскольниковскаго ученія о бракѣ. Выпускъ 1-й (отъ начала раскола до царствованія Императора Николая I). Соч. профес. академіи *Н. Нильскаго*. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; Выпускъ 2-й (Царствованіе Императора Николая I), ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- 8) Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ. *Лю-же*. Ц. 75 к., съ перес.
- 9) Учебникъ логики. А *Севтилина*. Изд. 6-е. Ц. 45 к., съ перес. 60 к. При требованіи не менѣе 10 экз. за перес. не прилагается.
- 10) Исторія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ. Соч. *М. О. Кояловича* (стр. XI, 400). Ц. 2 р. съ перес.
- 11) Объ апокрисисѣ Христофора Филалета. Изслѣдованіе *И. А. Скабиановича*. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- 12) Отношеніе греческаго перевода LXX толковниковъ къ еврейскому масоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи. Изслѣдованіе *И. Якимова*. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- 13) Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и писателей Церкви до Оригена включительно. Историко-догматическое изслѣдованіе проф. *А. Катанскаго*. С.-Петербургъ, 1877 г. Ц. 2 руб. 50 к. съ перес. (26½ печ. л.).
- 14) Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, католикосомъ армянскимъ. Историко-догматическое изслѣдованіе проф. *И. Троицкаго*. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. съ перес.
- 15) Историческое обозрѣніе священ. книгъ Новаго Завѣта. Вып. 1-й. Свящ. *В. Рождественскаго*. 1878 г. (263 стр.). Ц. 1 р. 25 к. съ перес.
- 16) Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою Церковію. Соч. проф. *Тимоѣ. Барсова*. 1872 г. Ц. 3 р. съ перес.
- 17) Историческіе, критическіе и полемическіе опыты проф. *Николая Барсова*. 1878 г. (567 стр.) Ц. 3 р. съ перес.
- 18) Классификація выводовъ. Проф. *М. Карихскаго* Ц. 2 р. съ перес.
- 19) Происхожденіе древне-христіанской базилики. Доцента *И. Покровскаго* Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.
- 20) Историческая живучесть русскаго народа и ея культурныя особенности. *М. Кояловича*. 1882 г. Ц. 25 к., съ перес. 80 к.
- 21) Дидактическое значеніе священной исторіи въ кругѣ элементарнаго образованія Опытъ историко-критическаго изслѣдованія. Вып. 1-й. *С. Соллертинскаго*. Спб. 1883 г. Ц. 2 р. 25 к.
- 22) Виссаріонъ Никейскій. Его дѣятельность на ферраро-флорентійскомъ соборѣ, богословскія сочиненія и значеніе въ исторіи гуманизма. *А. Садова*. Спб. 1883 г. Ц. 2 р.
- 23) Исторія израильскаго народа въ Египтѣ отъ поселенія въ землѣ Гесемъ до египетскихъ казней. Соч. проф. *Ф. Г. Елеонскаго*. Спб. 1884 г. Ц. 2 р.
- 24) Византійское государство и церковь въ XI в. *И. Скабиановича*. Спб. 1884 г. Ц. 3 р.
- 25) Чтенія по исторіи Западной Россіи Проф. *М. Кояловича*. Спб. 1884 г. изд. 4-е съ этнографическою картою (стр. XIII и 349). Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- 26) Пособіе къ преподаванію пространнаго натихизиса. Вып. 1-й—Введеніе и символъ вѣры. *С. Соллертинскаго*. Спб. 1884 г. (стр. IV—111). Ц. 1 р., за перес. 1 ф.
- 27) Трактаты Теофана Прокоповича о Богѣ единомъ по существу и троичномъ въ Лицахъ *Ф. Тихомирова*. Спб. 1884 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- 28) Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Проф. *М. О. Кояловича*. Спб. 1884 г. Ц. 3 руб. 50 коп. безъ пересылки.
- 29) Религіозное, общественное и государственное состояніе евреевъ во время судей. *И. Троицкаго*. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- 30) Исторія первобытной христіанской проповѣди (до V вѣка). Соч. *И. Барсова*. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.
- 31) Грюнвальденская битва 1410 г. *М. О. Кояловича*. Спб. 1885 г. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

32) Разборъ критики Корсакова на сочиненіе: „Исторія русскаго самосознанія“. М. О. Копловича. 1885 г. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

33) Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Соч. А. Лопухина. Сиб. 1881 года. Ц. 2 р. съ перес.

34) Религія въ Америкѣ. *Его-же*. Сиб. 1882 года. Ц. 1 р.

35) Жизнь за океаномъ. *Его-же*. Сиб. 1882 года. Ц. 1 р. 50 к.

36) Законодательство Моисея. Съ приложеніемъ трактата: Судъ надъ І. Христомъ. *Его-же*. Сиб. 1882 года. Ц. 2 р.

37) Гуситское движеніе. Вопросъ о мнѣніи въ Гуситскомъ движеніи. Соч. И. Цальмова. Сиб. 1881 года. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ редакцію непременно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются бесплатными. За слова и поученія редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признанныя редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія-же ихъ по почтѣ редакція на себя не принимаетъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

„РУКОВОДСТВА ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

ВЪ 1886 ГОДУ.

Святѣйшій Синодъ, благословившій въ 1860 году изданіе журнала при Кіевской духовной семинаріи и назвавшій его: „Руководство для сельскихъ пастырей“, въ 1885 году, во времени двадцатипятилѣтія сего пастырскаго изданія, благоволилъ рекомендовать оный духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (*Слудальное опредѣленіе отъ 4 февраля — 14 марта 1885. года за № 280*). Ободренные благоволеніемъ и благословеніемъ Священноначалія Русской Церкви, въ упованіи на помощь Божию нашему дѣлу и на продолженіе сочувствія и содѣйствія нашему дѣланію со стороны православныхъ пастырей, мы и въ 1886 году будемъ издавать „Руководство для сельскихъ пастырей“ по прежней программѣ, извѣстной духовенству и выражаемой самымъ названіемъ журнала нашего.

Имѣя въ виду значеніе „Руководства для сельскихъ пастырей“, какъ органа всего пастырства Русской Церкви, редакція приглашаетъ пастырей доставлять ей свои почтенные труды, касающіеся какой-бы то ни было стороны пастырскаго служенія. Наше дѣло—ихъ дѣло и наоборотъ; поэтому съ готовностію и съ вознагражденіемъ будемъ помѣщать въ журналъ нашъ присылаемые пастырями статьи, соответствующія цѣли и характеру изданія.

Годовое изданіе, состоящее изъ 52-хъ еженедѣльно выходящихъ номеровъ, въ объемѣ отъ двухъ до трехъ съ половиною листовъ, составитъ три тома, независимо отъ печатаемыхъ въ приложеніяхъ преносившей и библиографическихъ статей.

Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи **ШЕСТЬ РУБ. СЕРЕБР.** Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по мнѣнью прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1886 года

При Кіевской духовной семинаріи принимается подписка и на журналъ „Воскресное Чтеніе“ съ повременными выпусками „Кіевскихъ Листковъ“ религиозно-нравственнаго чтенія для народа.

Цѣна съ доставкою и пересылкою **ЧЕТЫРЕ** рубля серебромъ.

Въ редакціи „Руководства для сельскихъ пастырей“ оставшіеся неразобранными полные экземпляры за 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877 и 1878 годы продаются по 2 р. 50 к., а съ пересылкою въ Европ. еяскую Россію по 3 р., на Кавказъ и Сибирь по 5 р. Полные экземпляры за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. съ приложеніями продаются въ редакціи по 5 руб. съ пересылкою.

ОВЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1886 году.

Благодареніе Богу, журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ своего появленія въ свѣтъ успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего образованнаго общества. Его главная задача, при уваженіи къ философіи, какъ наукѣ, освѣщать ея пути свѣтомъ христіанства и при благоговѣннн къ христіанству выяснять его основанія философскими познаніями и философскимъ мышленіемъ,—эта задача понята и оцѣнена какъ должно. Ободренная такимъ сочувствіемъ общества, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ съ новою ревностію принимается за продолженіе своего изданія въ будущемъ 1886 году. Программа журнала по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣтлой лавкѣ при Покровскомъ Монастырѣ; въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Вирюковыхъ, Московская № 7; въ Москвѣ: къ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферантонова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить немногіе оставшіеся экземпляры ея изданія за прошлой и настоящей годы по прежней цѣнѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплачивали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строкъ, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.